ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Годъ пятый

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12
1895

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Замѣтки о населеніи Якутской области въ историко-этнографическомъ отношеніи [1]).

Населеніе Якутской области по своему племенному составу представляетъ значительное разнообразіе, при абсолютномъ господствѣ Якутскаго племени надъ всѣми остальными. Оно состоитъ изъ слѣдующихъ народностей: русскихъ, тунгусовъ, ламутовъ, якутовъ, юкагировъ, чуванцевъ и чукчей. Постараемся дать краткія свѣдѣнія о каждомъ племени въ отдѣльности и въ отношеніяхъ его къ другимъ племенамъ.

Русскіе.

Подвигаясь отъ Урала къ востоку, мы видимъ постепенное измѣненіе численнаго отношенія между русскимъ и инородческимъ населеніемъ. Тобольская губернія имѣетъ столь незначительный процентъ инородцевъ (8%), что по составу (а въ южныхъ округахъ и по густотѣ) своего населенія, она ни чѣмъ не разнится отъ большинства губерній Европейской Россіи. Енисейская губернія включаетъ еще въ себѣ только 10% инородческаго населенія. Иркутская губернія уже имѣетъ 73% инородцевъ, а Якутская область около 93%. Изъ 263,743 жителей области, занимающей площадь въ 3½ милліона кв. верстъ, только 17,247 [2]) челов. составляютъ русское населеніе, и, если мы

---

[1]) Рукопись этой статьи предоставлена авторомъ въ распоряженіе Якутскаго Областнаго Статистическаго Комитета для пользованія ею, по усмотрѣнію, при составленіи за 1894 г. «Памятной Книжки» Якутской области, имѣющей выйти въ свѣтъ осенью сего года.

[2]) Всѣ приведенныя цифры взяты изъ отчетовъ статистическихъ комитетовъ означенныхъ губерній за 1891 или 1892 гг.

изъ этого числа выключимъ невольныхъ обитателей области — ссыльныхъ (6078 челов.) и послѣдовавшихъ за ними родственниковъ (1890 челов.), то на вольныхъ обитателей останется цифра въ 9,279 чел., которая заключаетъ въ себѣ нѣкоторую долю непостоянныхъ жителей, въ лицѣ чиновниковъ, служащихъ и торговцевъ. Изъ этого видно, какъ мало Якутская область привлекала и привлекаетъ русскихъ колонистовъ.

Русское населеніе по Ленѣ тянется узкой и рѣдкой лентой, а отъ Якутска, какъ на сѣверъ до Ледовитаго океана, такъ и въ другія стороны, оно образуетъ на тускломъ полукочевомъ или бродячемъ инородческомъ фонѣ осѣдлыя пятна большей или меньшей величины, въ видѣ городковъ и селеній, или крапинки, въ видѣ заимокъ, рыболовныхъ поселковъ и промышленныхъ зимовьевъ.

Коренное русское населеніе области состоитъ изъ потомковъ казаковъ, промышленниковъ, торговыхъ людей и крестьянъ, отчасти и ссыльныхъ, переселенныхъ въ разное время по трактамъ для ямщины и въ другіе пункты въ видахъ развитія земледѣлія.

Нѣтъ сомнѣнія, что завоеватели области и первые піонеры не были лучшими представителями русской культуры, но потомки ихъ представляютъ собою печальное явленіе пониженія типа этой культуры. Мѣстами они не только потеряли чувство своего культурнаго превосходства, столь свойственное всѣмъ европейскимъ колонистамъ среди низшихъ расъ, но какъ будто потеряли способность къ движенію впередъ, далеко уступивъ въ этомъ отношеніи якутамъ. Крестьяне приленскіе, Амгинскаго и другихъ селеній, измѣнили своему родному языку, переняли нравы, обычаи и суевѣрія якутовъ, забыли ремесла, а кое-гдѣ обратились въ полукочевыхъ скотоводовъ [1]). Казаки въ г. Якутскѣ, отправляя службу, постоянно сталкиваясь, какъ и мѣщане, разночинцы и торговцы, съ пріѣзжими русскими, претворяя въ себѣ притокъ свѣжей русской крови, учась, наконецъ, въ школахъ, понемногу освобождаются отъ якутскаго вліянія, но тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ заимкахъ, среди якутовъ, или не знаютъ по русски, или объясняются на немъ не лучше та-

[1]) Многіе изъ приленскихъ крестьянъ или совершенно не знаютъ русскаго языка или крайне плохо на немъ объясняются. Въ Амгинской слободѣ Миддендорфъ въ 50 гг. не нашелъ ни одного человѣка, настолько знающаго по русски, чтобы быть ему переводчикомъ. Теперь тамъ 3—4 человѣка нѣсколько знаютъ по русски, а крестьянскій староста ни слова не знаетъ. Тоже самое мы видимъ въ Нюрбинскомъ селеніи въ Вилюйскомъ округѣ. Селенія эти были заселены: Амгинское для развитія хлѣбопашества крестьянами изъ Илимскаго острога въ 1731 г.; Приленскія—для ямщины крестьянами Иркутской губерніи въ 1773 г. и въ концѣ 18 ст.; Нюрбинское—составлено администраціей изъ крестьянъ, раньше разбросанныхъ по округу среди Якутовъ, въ 1848 г.

таръ и своимъ развитіемъ и понятіями немногимъ превосходятъ крестьянъ. Тоже самое можно сказать о большинствѣ казаковъ командъ окружныхъ городовъ. Многіе изъ нихъ по типу не напоминаютъ собою русскихъ—до того форма головы, складъ лица и другіе физическіе признаки выдаютъ ихъ за инородцевъ. Насколько я замѣтилъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ русскіе объякутѣли (какъ напр. на Амгѣ) или подверглись иной метисаціи (какъ въ Нижне-Колымскѣ), тамъ женщины сохранили чище русскій типъ, чѣмъ мужчины. Между первыми нерѣдко можно встрѣтить совершенно правильное миловидное русское личико. Можетъ быть, это явленіе подтверждаетъ мнѣніе нѣкоторыхъ антропологовъ о большемъ вліяніи отца на рождаемыхъ дѣвочекъ, чѣмъ матери, ибо первыя матери русскаго населенія области рѣдко были русскими.

Что же касается до домашней обстановки, пищи и другихъ условій жизни русскихъ внѣ городовъ, то за исключеніемъ скопцовъ и старовѣровъ, они ничѣмъ почти не отличаются отъ условій жизни якутовъ. Только жилища русскихъ состоятъ большей частью изъ домовъ-срубовъ, а не изъ юртъ.

На крайнемъ сѣверо-востокѣ, въ низовьяхъ Колымы, русскіе, правда, не только отстояли свой языкъ, но привили его какъ аборигенамъ юкагирамъ и чуванцамъ, такъ и пришельцамъ якутамъ, но языкъ этотъ, рядомъ съ сохраненіемъ формъ и оборотовъ древне-русскаго языка XVII столѣтія, подвергся столь крупнымъ измѣненіямъ,—особенно пострадала фонетика языка,—что пріѣзжему русскому невозможно понимать сюсюканіе нижне-колымчанъ. Тамъ, на Колымѣ, какъ и на Индигиркѣ, по Янѣ и въ устьѣ Лены, русскіе, оттѣснивъ отъ рѣчныхъ береговъ инородцевъ, обратились въ рыболововъ ихтіофаговъ и собаководовъ, подвергаются періодическимъ голодовкамъ и влачатъ болѣе жалкое существованіе, чѣмъ бродячіе оленеводы. Тамъ, на крайнемъ сѣверѣ осѣдлость не есть спутникъ большаго благосостоянія и поэтому не можетъ считаться высшей формой культуры, какъ это ни парадоксально. Бродячій, но сытый оленеводъ—чукча или тунгусъ—покровительственно и съ презрѣніемъ смотритъ на своего же собрата «сидячаго» рыболова, существованіе котораго зависитъ отъ милости перваго. И русскіе рыболовы крайняго сѣверо-востока находятся въ матеріальной зависимости отъ бродячихъ народцевъ.

Но въ общемъ не слѣдуетъ обойти безъ вниманія тѣхъ могущественныхъ факторовъ, которые содѣйствовали измѣненію русской народности,—независимо отъ первичныхъ причинъ, какъ-то: невѣжества первыхъ русскихъ піонеровъ, мягкости натуры славянской, часто все-таки умѣвшихъ быть очень жестокими къ инородцамъ, движенія впередъ на авось, безъ ясной опредѣ-

ленной цѣли, безъ идеи (если не считать таковой соболей и ясакъ) и безъ руководящаго направленія.

Изъ этихъ факторовъ мы приведемъ наиболѣе важные. Во 1-хъ тотъ физическій и моральный кризисъ, который совершился въ организмѣ и въ душѣ русскаго на новой, а подчасъ и невольной, но всегда суровой и холодной родинѣ, рѣзко отличающейся по условіямъ жизни отъ прежней; во 2-хъ недостатокъ русскихъ женщинъ, вслѣдствіе чего рѣдко можно встрѣтить коренного русскаго, въ жилахъ котораго не текла бы якутская или иная инородческая кровь; въ 3-хъ воздѣйствіе громадной массы живучихъ, хитрыхъ и пронырливыхъ якутовъ на маленькую и податливую кучку русскихъ.

Но если первые переселенцы въ Якутской области якутѣли, то въ послѣднее время замѣчаемъ отрадное явленіе обратнаго движенія, исходящаго главнымъ образомъ изъ административнаго центра, куда все таки приливаютъ извнѣ и гдѣ зарождаются внутри просвѣтительные элементы, устраняющіе бюрократическую рутину добраго стараго времени и распространяющіе нѣкоторый свѣтъ въ глубь улусовъ. Съ одной стороны мы замѣчаемъ теперь попытки рѣшеній мѣстныхъ экономическихъ вопросовъ, съ другой стороны относительно недавно открытыя учебныя заведенія разныхъ вѣдомствъ, какъ реальное училище, женская прогимназія, семинарія, духовныя, начальныя и церковно-приходскія школы, съ каждымъ годомъ все больше выпускаютъ питомцевъ съ знаніемъ русскаго языка, съ нѣкоторымъ знакомствомъ съ природой и болѣе правильнымъ пониманіемъ началъ христіанскаго вѣроученія. Въ числѣ этихъ питомцевъ мы видимъ не мало якутскихъ дѣтей, хорошо усваивающихъ русскую рѣчь и русскія понятія. Возвращаясь въ свою среду, они распространяютъ тамъ знаніе русскаго языка и грамоты и вліяютъ на перемѣну воззрѣній и нравовъ. Въ городѣ же Якутскѣ русскій говоръ беретъ верхъ надъ якутскимъ. Въ началѣ и въ срединѣ этого столѣтія, по отзывамъ различныхъ путешественниковъ, на званыхъ вечерахъ не только богатыхъ русскихъ купцовъ, но и высшихъ администраторовъ якутскій языкъ употреблялся больше, чѣмъ русскій; теперь же всякій торгующій и зажиточный якутъ учится и старается говорить по русски.

Якуты.

Якуты [1]), какъ и русскіе, — не первобытные обитатели области. По мнѣнію ученыхъ, ихъ первоначальной родиной были или верховья Енисея, или

[1]) Русское слово якутъ происходитъ, по мнѣнію Щукина, отъ монгольскаго Еко, заимствованнаго русскими отъ тунгусовъ. Вилюйскіе тунгусы, по словамъ Маака, называютъ якутовъ Яко. Бонзаровъ же допускаетъ, что якутъ есть монгольская форма

берега Байкальскаго озера, откуда вытѣснены они были бурятами во времена движенія монголовъ подъ начальствомъ Чингисъ-Хана. За отсутствіемъ у Якутовъ письменности и другихъ историческихъ памятниковъ, основанія для этого мнѣнія мы находимъ въ ихъ преданіяхъ, пѣсняхъ, названіяхъ мѣстъ и языкѣ [1]).

Всѣ согласны въ томъ, что якуты составляютъ значительно омонголившуюся вѣтвь тюрко-татарскаго племени, первобытнымъ мѣстомъ происхожденія котораго лингвисты считаютъ Туркестанъ [2]).

Близость якутовъ съ другими тюркскими народностями подтверждается ихъ сходствомъ языка и физическихъ свойствъ — этихъ двухъ первенствующихъ элементовъ въ вопросахъ о племенномъ родствѣ. Лингвистическія изысканія академика о. Бётлинга вполнѣ установили родство якутскаго языка съ другими тюрко-татарскими нарѣчіями, въ томъ числѣ и съ турецкимъ.

По мнѣнію, хотя и преувеличенному, тюрколога Вамбери Константинопольскій османли легко пойметъ якута, не смотря на сильное вліяніе арабскаго языка на турецкій. Съ другой стороны ссыльные татары изъ Западной Сибири или Европейской Россіи быстро научаются говорить по якутски, не смотря на то, что якутскій языкъ всосалъ въ себя не мало монгольскихъ примѣсей.

Еще Миддендорфъ замѣтилъ два типа Якутовъ. Одинъ служитъ представителемъ чистой расы, имѣетъ овальный обликъ, носъ прямой, скулы мало выдающіяся, вѣки чуть скошенныя, стройный станъ и въ общемъ напоминаетъ собой киргиза. У другаго типа лицо имѣетъ монгольское очертаніе, разрѣзъ

множеств. числа отъ jaka, и что при помощи измѣненій согласныхъ, допускаемыхъ турецко-татарскими нарѣчіями, jaka тождественно съ словомъ саха, которымъ Якуты сами себя называютъ и которое въ старину означало человѣкъ, вмѣсто теперешняго kici. Въ сказкахъ и пѣсняхъ якуты еще говорятъ саха-kici (якутъ—человѣкъ) вмѣсто человѣкъ. Словомъ саха и теперь еще называется одинъ родъ Качинскихъ татаръ. Древнее названіе якутскаго племени было Урангхаі. Теперь этимъ именемъ называется одно татарское племя въ Монголіи. У якутовъ же это слово теперь означаетъ бѣдоваго человѣка, чудака и употребляется иногда вм. слова манік—глупый, шаловливый—въ презрительномъ смыслѣ. (Ueber die Sprache der Jakuten von Otto Böthlingk, s. XXXIV. B. III. Dr. A. Th. v. Middendorff's Reise in den Aussersten Norden und Osten Sibiriens. St.-Petersburg 1851, и готовящійся къ печати якутско-русскій словарь Ѳ. К. Пекарскаго).

[1]) Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ поется, что жили они (якуты) когда-то въ теплой странѣ, у моря, въ большомъ изобиліи, гдѣ «не приходилось такъ мерзнуть и много трудиться, какъ здѣсь». На берегу Байкальскаго озера сохранились сходныя съ якутскими названія мѣстъ (напр. Амга), какія находимъ теперь тутъ. Мартъ мѣсяцъ по якутски Кулун-тутар-ыі, т. е. время когда ловятъ и привязываютъ жеребятъ (кулун — жеребенокъ, тутар—ловить), чтобы не высасывали дойныхъ кобылъ, а здѣсь это дѣлается только въ началѣ іюня мѣсяца.

[2]) Абель Овелакъ. Лингвистика, стр. 100.

глазъ узкій и косой, скулы сильно развиты, носъ широкій, губы толстыя, длинное сутуловатое тѣло на короткихъ ногахъ и другіе признаки вліяній смѣшенія якутовъ, сначала съ бурятами, а потомъ съ покоренными ими тунгусами. Какъ у того, такъ и у другаго типа волосы прямые и черные; на тѣлѣ и на лицѣ растительность или совсѣмъ отсутствуетъ или состоитъ изъ рѣдкихъ волосиковъ, выщипываемыхъ якутами въ молодости и оставляемыхъ стариками, такъ что жиденькая бородка, если она встрѣчается, является признакомъ преклонныхъ лѣтъ [1]).

Что якуты не на новой родинѣ сдѣлались пастушескимъ племенемъ, объ этомъ и говорить нечего. Весьма возможно, что до прибытія якутовъ въ область, впослѣдствіи названную Якутской, ей еще не были извѣстны лошади и рогатый скотъ. По крайней мѣрѣ за Верхоянскимъ хребтомъ инородцы аборигены познакомились впервые съ послѣдними или черезъ якутовъ [2]), или черезъ русскихъ [3]). Есть указанія на то, что въ прежнія времена у якутовъ преобладалъ конный скотъ надъ рогатымъ; теперь же мы видимъ обратное отношеніе—рогатаго скота вдвое больше, чѣмъ лошадей. Надо полагать, что причина этого явленія заключается въ качествѣ корма; что болотная трава Якутской области не могла замѣнить душистой зелени степей, а рогатый скотъ менѣе разборчивъ прихотливаго коня — отчасти это зависитъ отъ увеличенія населенія и уменьшенія пастбищъ для гуляющихъ табуновъ, питающихся какъ лѣтомъ, такъ и зимой подножнымъ кормомъ. При увеличеніи населенія, некошенныхъ мѣстъ остается все меньше, и для конскихъ табуновъ не остается подножнаго корма на длинную зиму, вмѣстѣ съ тѣмъ само собой усиливается степень осѣдлости, при которой выгоднѣе содержать рогатый скотъ, молочные продукты котораго начинаютъ играть главную роль въ питаніи массы, лишившейся мясной пищи послѣ уменьшенія табуновъ и сокращенія или даже прекращенія звѣриныхъ промысловъ [4]). Уменьшеніемъ ко-

---

[1]) Тоже самое мы видимъ и у большинства русскихъ области. О спутникѣ недавно проѣхавшей на Яну экспедиціи подъ начальствомъ барона Толля лейтенантѣ Шилейко (молодой человѣкъ съ свѣтло-русой бородой) якуты разсказываютъ какъ о «старичкѣ», автора этихъ строкъ русскіе Нижнеколымскаго края по тѣмъ же причинамъ прозвали «лохматымъ дѣдушкой». Очевидно у здѣшнихъ обитателей внѣшніе признаки для опредѣленія возраста отличны отъ нашихъ. Точно также европейцу трудно по наружности взрослаго якута судить о его лѣтахъ.

[2]) Словцовъ. Историческое Обозрѣніе Сибири, ч. I, стр. 79.

[3]) Булычевъ. Путешествіе по Восточной Сибири. Спб. 1856 г., ч. I, стр. 6.

[4]) Въ Верхоянскомъ и Колымскомъ округахъ и теперь коней больше, чѣмъ рогатаго скота. Не оттого-ли, что тамъ болѣе продолжительныя зимы, чѣмъ въ южныхъ округахъ, что не благопріятно для рогатаго скота, а населеніе тамъ очень рѣдкое и много мѣстъ (правда болотистыхъ) остаются некошенными за краткостью лѣта и недостаткомъ рабочихъ рукъ.

личества лошадей можно также объяснить упадокъ значенія кумыса, какъ пищи у якутовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что благосостояніе и вмѣстѣ съ тѣмъ культура якутовъ понизилась на новой родинѣ. Съ одной стороны извѣстно, что родственныя якутамъ тюркскія племена центральной Азіи достигли въ самыя древнія времена значительной степени культуры, а съ другой стороны мы видимъ, что на новой суровой и холодной родинѣ, не будучи природными охотниками, якуты не могли уже довольствоваться однимъ полуосѣдлымъ скотоводствомъ и для обезпеченія своего существованія должны были прибѣгнуть къ бродячей охотѣ, благопріятствуемой лѣсами глубокаго сѣвера и случайно имѣвшей мѣсто въ южныхъ степяхъ. При первомъ столкновеніи русскихъ съ якутами звѣриный промыселъ составлялъ уже главное занятіе послѣднихъ. Кромѣ того небольшая часть якутовъ обратилась въ бродячихъ оленеводовъ, а на крайнемъ сѣверѣ въ Верхоянскомъ и, главнымъ образомъ, въ Колымскомъ округѣ—въ жалкихъ ихтіофаговъ, отчасти или совсѣмъ лишившихся скота. Но не смотря на всѣ неблагопріятныя условія существованія въ столь суровой, полярной странѣ, якуты быстро примѣнились къ нимъ и выказали удивительную ассимиляціонную силу. Спустившись, какъ полагаютъ, подъ напоромъ бурятъ внизъ по Ленѣ, они съ среднихъ ея береговъ вѣеромъ раскинулись во всѣ стороны. Они не только дошли на сѣверѣ до Ледовитаго океана и на востокѣ до Великаго, но совершили и обратное движеніе, хотя по нѣсколько инымъ направленіямъ—на западъ и сѣверо-западъ въ предѣлы Енисейской губерніи до Таймырскаго полуострова, на югъ черезъ Становой хребетъ въ область Амура. Захвативъ территорію и оттѣснивъ другихъ инородцевъ, якуты, въ противоположность послѣднимъ, сильно размножились, не смотря на давленіе на нихъ русскихъ, на сильную смертность дѣтей вообще и на смертность взрослыхъ отъ частыхъ эпидемій. По переписи 1795 г. въ области было 50,066 якутовъ мужескаго пола [1]), а черезъ 67 лѣтъ, въ 1862 г., ихъ уже было 102,307 мужчинъ и 98,725 женщинъ (201,032 чел.) [2]), а въ 1891 году ихъ уже числится 115,768 мужчинъ и 113,793 жен. (всего 229,561 чел.) [3]). Если къ этому числу прибавить якутовъ Приморской и Амурской областей, Иркутской (Киренскій округъ) и Енисейской губерній и якутское колѣно, неизвѣстно какими судьбами оторванное отъ племени, въ Туруханскомъ краѣ, Енисейской же губерніи, то якуты, пожалуй,

---

[1]) С. Маакъ. Вилюйскій округъ, Якут. обл., ч. III, стр. 121.
[2]) Памятная книжка Як. обл. за 1863 г., стр. 34.
[3]) Статистическій отчетъ Якут. обл. за 1891 г.

сравнятся по числу съ самымъ многочисленнымъ инородческимъ племенемъ Восточной Сибири—Бурятскимъ.

Какъ наружность якута съ его угнетеннымъ, унылымъ и подчасъ мрачнымъ взглядомъ, такъ и характеръ съ его лукавствомъ, хитростью, недовѣрчивостью, дерзостью и раболѣпіемъ и меркантильными способностями указываютъ на то, что малоизвѣстное прошлое этого племени не было легкимъ, что народъ этотъ былъ тѣснимъ, терпѣлъ обиды, подвергся изгнанію, а въ началѣ XVII столѣтія, на новой родинѣ, якутское племя настигъ новый врагъ, на знамени котораго было написано неумолимое слово: ясакъ. Но, не смотря на всѣ невзгоды, якуты сохранили свои національныя черты и увеличились въ числѣ.

Едва-ли есть на земномъ шарѣ какой-либо первобытный народъ безъ школы и письменности, который состоялъ бы изъ такихъ искусныхъ дипломатовъ, какъ якуты. Каждый якутъ—въ своемъ родѣ Талейранъ. Невольно поражаешься, когда видишь, какъ невзрачный якутъ въ глуши улуса обнаруживаетъ тонкое знаніе людей, способность льстить, умѣнье приводить въ движеніе тайныя пружины тщеславія и притворяться наивнымъ. Политика какъ будто сдѣлалась врожденной чертой его характера. Ни одно дѣло какъ съ чужими, такъ и со своими, не дѣлается прямо, безъ хитростей и обходовъ. Если якутъ приходитъ къ своему сосѣду за какой-нибудь надобностью, онъ никогда не начнетъ со своей просьбы, а будетъ говорить о томъ, о семъ, а главнымъ образомъ о томъ, что интересуетъ сосѣда, который прекрасно знаетъ, что не въ этомъ суть или даже догадывается, въ чемъ дѣло, настораживается, но невольно поддается дѣйствію человѣческаго слова, да и самъ проситель увлекается своимъ искусствомъ и добивается наконецъ своего.

Не менѣе искусны якуты при совершеніи торговыхъ сдѣлокъ, изъ чего можно вывести заключеніе, что дѣло обмѣна имъ знакомо съ давнихъ временъ. Замѣчательно, что меркантильныя способности сильно развиты не только у торговцевъ по профессіи, но и у всякаго якута. У него все продается, все покупается и ничего нѣтъ завѣтнаго, лишь бы получилась дѣйствительная или воображаемая выгода. «Купи», «продай», «мѣняйся»—эти слова чаще всего поражаютъ слухъ новичка при встрѣчѣ якутовъ какъ съ русскими, такъ и со своими. Если якутъ нуждается въ какой-нибудь вещи, онъ о ней спроситъ всякаго проѣзжаго, когда она даже носится послѣднимъ, точно также всякій якутъ сниметъ со своего плеча часть костюма, когда пришла нужда, когда новинка соблазняетъ, или когда въ карты проиграется, и предложитъ ее вамъ.

Брезгливость къ ношенному незнакома якутамъ, а то, что находится въ

употребленія у богатаго или торговаго человѣка, предпочитается новому и какъ честь, и какъ гарантія качества. Торгующій якутъ является самымъ почетнымъ лицомъ, во 1-хъ, потому, что торговля предполагаетъ богатство, безъ котораго нѣтъ знатности; во 2-хъ, безъ купца не проживешь: натуральное хозяйство давно уже не можетъ удовлетворять всѣхъ потребностей якута, на привозные русскіе товары нѣтъ наличныхъ денегъ, а торговцы, т. е. богатые якуты, даютъ ихъ въ кредитъ, подъ будущіе продукты скотоводства, промысловъ, подъ сѣно, работу и т. д. Поэтому всякій болѣе или менѣе состоятельный якутъ имѣетъ свой районъ для операцій, и занятіе торговлей и подрядами есть высшій идеалъ всякаго якута, ибо за тойономъ—начальникомъ непосредственно слѣдуетъ тойонъ—купецъ, который можетъ жить припѣваючи безъ всякаго труда. Этому обстоятельству, можетъ быть, и слѣдуетъ приписать отчасти упадокъ теперь большихъ скотоводческихъ хозяйствъ, такъ какъ обладатели большихъ стадъ сбываютъ часть скота для занятія торговлей.

Если русскій пріѣзжаетъ въ якутскій улусъ, и съ нимъ нельзя совершить никакихъ сдѣлокъ, то удивляются «зачѣмъ пріѣхалъ». Отношеніе якута къ русскому или какъ къ начальнику, или какъ къ посреднику обмѣна, или, наконецъ, какъ къ ссыльному, вытекаетъ изъ исторіи столкновеній ихъ между собой, происходившихъ только на этой почвѣ.

Рѣдко кто изъ русскихъ ѣздилъ къ якутамъ, не имѣя въ виду личной выгоды; это можно сказать и относительно первыхъ властей и даже духовенства, которыя въ доброе старое время, какъ это видно изъ архивныхъ дѣлъ, пользовались запрещеніемъ въѣзда для купцовъ въ инородческія стойбища, чтобы, подъ видомъ сбора ясака и совершенія духовныхъ требъ, вести торгъ по улусамъ съ инородцами [1]).

И теперь еще есть глухіе уголки, гдѣ имѣется начальникъ купецъ и священникъ торговецъ. Но если нѣкоторымъ формамъ торговли якуты научились у русскихъ, то нѣтъ сомнѣнія, что и до русскихъ они играли извѣстную роль, какъ посредники въ дѣлѣ обмѣна среди инородцевъ. Такіе компетентные судьи, какъ еврейскіе торговцы на якутскомъ базарѣ говорятъ, что они нерѣдко пасуютъ передъ ловкостью, изворотливостью и умѣньемъ якут-

---

[1]) Интересно, что прежнія запрещенія купцамъ ѣздить въ инородческія стойбища, въ видахъ огражденія инородцевъ отъ эксплуатаціи ихъ русскими и предупрежденія скупки ими ясачныхъ мѣховъ, были вызываемы представленіями правительству мѣстныхъ агентовъ управленія, конкуррентовъ по обиранію инородцевъ, и, можетъ быть, болѣе опасныхъ, чѣмъ профессіональные торговцы. Послѣдніе съ своей стороны посылали доносы на администраторовъ, и высшая власть, всегда гуманно и доброжелательно относившаяся къ инородцамъ, сбивалась съ толку ихъ взаимными обвиненіями.

скаго купца быстро опредѣлить свою позицію и сообразить выгоду, а такія качества не пріобрѣтаются безъ долговременнаго опыта [1]). Наконецъ, извѣстна роль якутскихъ торговцевъ по отношенію къ тунгусамъ и другимъ бродячимъ инородцамъ, о чемъ будетъ упомянуто ниже.

Изъ всего сказаннаго нельзя не сдѣлать заключенія о выдающихся, хотя, по историческимъ причинамъ, дурно направленныхъ, способностяхъ якутовъ по сравненію съ другими инородцами. Но все таки преувеличено мнѣніе, встрѣчаемое въ литературѣ о якутахъ, какъ объ отличныхъ мастерахъ и даже художникахъ—по крайней мѣрѣ въ настоящемъ. Одно можно сказать, что способность къ подражанію въ высшей степени развита у якутовъ, но рѣдко ихъ подражанія поднимаются до оригиналовъ. Единственные мастера между якутами—кузнецы; они же въ улусахъ — серебряныхъ, золотыхъ и всякихъ дѣлъ мастера; они вѣрно и ловко копируютъ самыми первобытными орудіями очень сложныя привозныя механическія издѣлія, но поддѣлки эти грубы: имъ недостаетъ тонкости работы и изящества отдѣлки оригиналовъ. Работу якутскаго кузнеца, напр. топоръ, нельзя сравнивать съ работой послѣдняго коваля въ Россіи. Кустарная промышленность самая жалкая, а рѣзьба якутовъ на деревѣ или мамонтовой кости, если только не копируется съ русскихъ или другихъ образцовъ, груба, аляповата, въ линіяхъ нѣтъ симметріи, въ рисункахъ перспективы и во всемъ бѣдность фантазіи. Способности-же якута къ подражанію, переимчивости и движенію впередъ надо приписать тотъ переворотъ, который совершила въ якутской жизни, оставивъ въ сторонѣ административное на нее воздѣйствіе властей, небольшая горсть русскихъ, не смотря на высокое мнѣніе самихъ якутовъ обо всемъ якутскомъ и на то, что русскіе піонеры сами очень немного знали [2]). Печать русскаго вліянія лежитъ на всемъ. Якутскій языкъ всосалъ въ себя массу русскихъ словъ, подчинивъ ихъ, правда, своимъ законамъ благозвучія, но означающихъ часто также предметы, которые были извѣстны якутамъ еще до прихода русскихъ. Около городовъ якуты переняли отъ русскихъ многія ремесла: плотничье, столярное,

---

[1]) Надо замѣтить, что при всей ловкости, изворотливости и жадности якутскаго торговца, онъ сохранилъ еще много первобытныхъ чертъ, какъ непредусмотрительность, тщеславіе и жизнь настоящимъ. Якутъ подрядчикъ нерѣдко платитъ неустойку, а, разжившійся въ короткое время, торговецъ можетъ въ одинъ прекрасный день прокутить или проиграть въ карты все нажитое всѣми правдами и неправдами, съ тѣмъ чтобы съ примѣрнымъ терпѣніемъ опять начать съ азовъ не легкое дѣло наживы.

[2]) По словамъ Словцова (тамъ-же, ч. I, стр. 43 и 88) первые русскіе пришельцы познакомились съ желѣзной рудой и ея плавкой отъ инородцевъ, и, въ томъ числѣ, отъ вилюйскихъ якутовъ.

телѣжное, гончарное [1]), а также и кирпичное производство, продуктами которыхъ они снабжаютъ своихъ опустившихся учителей.

Въ Олекминскомъ округѣ, гдѣ климатическія и почвенныя условія болѣе благопріятны для занятія земледѣліемъ, чѣмъ въ остальныхъ округахъ области, почти всѣ якуты пріобрѣли осѣдлость и сдѣлались земледѣльцами. Въ послѣднемъ отношеніи, и даже относительно огородничества, они не только оставили за собою приленскихъ крестьянъ, но нерѣдко являлись конкурентами главныхъ землепашцевъ области—скопцовъ. Но въ Олекминскомъ округѣ якутское населеніе не достигаетъ и 10000 чел.

Въ вѣрованіяхъ, семейной жизни, нравахъ и обычаяхъ якутовъ произошелъ крупный переворотъ. Христіанство не только съ формальной стороны повліяло на древній культъ якутовъ, но въ значительной мѣрѣ измѣнило и самыя вѣрованія. Въ народной поэзіи якутовъ мы видимъ наслоенія христіанскаго и былиннаго русскаго эпоса. Якуты образовали новый родъ творчества, состоящій въ исковерканныхъ сказаніяхъ о библейскихъ событіяхъ и древне-русскихъ богатыряхъ и названный ими у с т о р à (исторія).

Только въ началѣ этого вѣка, благодаря вліянію духовенства, у якутовъ укрѣпился моногамическій бракъ [2]), а церковный обрядъ, хотя не всегда еще является первой церемоніей въ свадебныхъ обрядахъ, но, отнимая у брака значеніе одной гражданской сдѣлки, основанной на уплатѣ калыма, придаетъ ему религіозную санкцію.

Многіе изъ первобытныхъ нравовъ якутовъ смягчились подъ вліяніемъ русскихъ. Теперешній якутъ стыдится признать тотъ фактъ, что еще въ недалекомъ прошломъ у нихъ практиковался обычай убіенія стариковъ и погребенія вмѣстѣ съ умершимъ господиномъ, живыми, кого-нибудь изъ домашнихъ и любимаго коня.

Теперь только гдѣ-нибудь въ глуши можно еще встрѣтить древній варварскій способъ убоя скота посредствомъ вскрытія воротной вены [3]).

---

[1]) Относительно гончарнаго дѣла необходимо замѣтить, что, судя по теперешнимъ пріемамъ якутовъ при приготовленіи ими глиняной посуды, производство это имъ могло быть знакомо и до прихода русскихъ. Якуты обходятся безъ гончарнаго колеса и безъ формъ, а лѣпятъ посуду изъ отдѣльно сдѣланныхъ глиняныхъ плитокъ.

[2]) См. Указъ Св. Синода отъ 19 мая 1804 года.

[3]) На способъ этотъ обратилъ вниманіе областной начальникъ М я г к і й. Въ 1828 году онъ приказомъ по области запретилъ его примѣненіе. Состоитъ этотъ способъ въ слѣдующемъ: у коня связываютъ всѣ 4 ноги, валятъ его на землю и, вытянувъ у него языкъ, крѣпко завязываютъ ротъ, чтобы онъ не могъ ревѣть. Затѣмъ около заднихъ ногъ прорѣзываютъ кожу и брюшину, запускаютъ въ нее руку, отыскиваютъ воротную вену и разрываютъ ее. Послѣ этого животное въ страшныхъ конвульсіяхъ лишается сознанія и якуты вскрываютъ брюхо, чтобы собрать вытекшую изъ жилы кровь.

Послѣ прихода русскихъ для якутовъ открылась цѣлая область новыхъ потребностей и привычекъ, какъ полезныхъ, такъ и дурныхъ: рядомъ съ посудой, мануфактурными и другими издѣліями и колоніальными товарами завелись табакъ, карты и водка. Зачатки земледѣлія въ южныхъ округахъ вліяютъ на скотоводческое хозяйство, а знакомство съ хлѣбомъ, какъ родомъ пищи, мѣняетъ коренным образомъ разсчеты якутской экономіи. Если, наконецъ, якуты въ устройствѣ жилья еще держатся своей традиціонной юрты, то необходимая пристройка къ ней, срубъ—амбаръ, есть типъ русской архитектуры.

Вообще русская культура, какъ высшая, не могла не имѣть цивилизующаго вліянія на низшую, хотя первые ея представители и были плохи.

Если мы обратимся къ низовьямъ Колымы, куда якуты пришли позже русскихъ и въ небольшомъ относительно послѣднихъ количествѣ, то увидимъ, что якуты, въ свою очередь, тамъ вполнѣ обрусѣли. Въ городѣ Ср.-Колымскѣ еще господствуетъ все якутское: языкъ и нравы; русскіе говорятъ лучше по-якутски, чѣмъ по-русски, а якуты русскаго языка совершенно не знаютъ. Въ 270 верстъ ниже Средне-Колымска, на лѣвомъ берегу Колымы, находится первое сплошное якутское селеніе «Кресты» съ домами—срубами, образующими правильную улицу; жители скота не имѣютъ, лѣтомъ занимаются рыболовствомъ, зимою—гоняютъ на оленяхъ казенную почту; говорятъ они по-русски и поякутски. Еще сѣвернѣе на 230 верстъ, въ городѣ Нижне-Колымскѣ и его окрестностяхъ, живетъ первый Матюжскій родъ якутовъ, которые ничѣмъ—ни по образу жизни, ни по устройству домовъ, ни по языку, а нѣкоторые и по наружности—не отличаются отъ низовыхъ русскихъ. Какъ русскіе, они ни слова не знаютъ по-якутски: когда, во время весенней ярмарки, пріѣзжій съ верху якутъ заговоритъ со своимъ низовымъ соплеменникомъ на родномъ языкѣ, послѣдній, выпучивъ глаза, толкнетъ въ бокъ «верховаго» русскаго и скажетъ: «Братъ, а братъ, что такое онъ сказываетъ»? Надо сказать, что якуты эти вымираютъ; ихъ теперь осталось всего нѣсколько десятковъ человѣкъ.

Въ другихъ же мѣстахъ области способность якутовъ навязывать свой языкъ другимъ народамъ поразительна. Русскій, тунгусъ, ламутъ или юкагиръ быстро якутѣютъ, живя среди якутовъ. Якуту не нужно знать другихъ

Убой производится въ самой юртѣ, при сборѣ членовъ семьи, сосѣдей и гостей. На камелькѣ разводится яркій огонь. Кромѣ того юрту освѣщаютъ лучинами, которыя держатъ обыкновенно дѣти. Сами якуты говорятъ, что животное во время операціи бьется въ судорогахъ, стонетъ [и плачетъ, какъ человѣкъ. (См. Дѣло Баягантайской Инородной Управы 1828 г. № 33).

инородческихъ языковъ, ибо всѣ вышеназванныя племена объясняются съ нимъ на якутскомъ языкѣ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ юкагиръ еще сохранилъ свой языкъ, тамъ, для объясненія со своимъ бродячимъ собратомъ—ламутомъ, онъ употребляетъ международное нарѣчіе—якутское. Одинъ чукча упорствуетъ передъ якутомъ, для сношенія съ которымъ послѣднему нуженъ тунгусъ переводчикъ.

Изъ всего сказаннаго можно сдѣлать заключеніе, что якуты имѣютъ всѣ задатки для прогресса какъ по своимъ природнымъ способностямъ, такъ и по отсутствію у нихъ въ нѣкоторой степени духа косности и консерватизма. Они подозрительно относятся къ административнымъ мѣрамъ, но они не принципіальные противники новизны, когда на нихъ дѣйствуютъ примѣромъ. Кромѣ того, въ якутской массѣ мы находимъ много такихъ добродѣтелей и достоинствъ, какихъ не найдемъ въ низшихъ классахъ многихъ культурныхъ народовъ. Любовь якутовъ къ дѣтямъ достойна вниманія. Хотя въ якутскомъ языкѣ, не меньше чѣмъ въ русскомъ, имѣется грубыхъ и неприличныхъ ругательствъ, но не надо забывать, что якуты, какъ первобытный народъ, съ наивной еще откровенностью, какъ въ пѣснѣ, такъ и въ рѣчи, называютъ всѣ вещи своими собственными именами. Они рѣдко дерутся, не почитая кулачной расправы. На якутовъ можно дѣйствовать резонами; они разсудительны и не лишены дара слова, а хорошій говорунъ и умный человѣкъ въ большомъ почетѣ, даже если онъ бѣденъ, не смотря на то, что бѣдность считается однимъ изъ худшихъ пороковъ. Хотя, по обычаю, женщина продается (уплачивается колымъ), но въ семьѣ она занимаетъ почетное мѣсто, какъ хозяйка, и никто надъ ней не совершитъ насилія, чтобы заставить ее жить съ нелюбимымъ мужемъ. И такъ, еслибъ якуты имѣли болѣе частыя и тѣсныя столкновенія съ болѣе культурнымъ слоемъ русскаго народа, чѣмъ были первые піонеры и позднѣйшіе поселенцы, и еслибъ уровень благосостоянія массы могъ быть поднятъ, то способности якутовъ нашли бы себѣ другое примѣненіе, чѣмъ теперь, и они скоро могли бы примкнуть къ семьѣ культурныхъ народовъ. Но, съ одной стороны мы видѣли, каковы были до сихъ поръ учителя якутовъ; съ другой—сама природа противъ нихъ: высокій градусъ широты—самый лютый врагъ человѣка. Якутская область со своими болотами, тундрами, холодомъ и короткимъ лѣтомъ даже изъ всѣхъ скотоводческихъ странъ наименѣе благопріятная для скотоводства [1]). Она не можетъ также

[1]) Если мы сравнимъ ее напр. съ Голландіей, гдѣ траву косятъ 3 раза въ теченіи лѣта, Швейцаріей, въ которой ее косятъ 5 разъ, или Италіей съ ея 6-ью ежегодными сѣнокосами. Тамъ пастбищный періодъ длиннѣе якутской зимы, а зима—період стойловаго содержанія скота—короче якутскаго лѣта, или ея почти нѣтъ.

стать земледѣльческой страной по преимуществу, даже въ самыхъ своихъ южныхъ округахъ. Звѣрь отступаетъ передъ ростомъ населенія или совсѣмъ исчезаетъ отъ безразсуднаго его истребленія, рыбное богатство не вывозится за отдаленностью области отъ рынковъ, за отсутствіемъ удобныхъ путей сообщенія, неприступностью сѣверныхъ мѣстъ и недостаткомъ пищи въ самой области; минеральныя богатства, за исключеніемъ золота, не изслѣдованы и не представляютъ еще собою цѣнностей какъ по предъидущимъ причинамъ, такъ и по отсутствію рабочихъ рукъ, капиталовъ, предпріимчивости и техническихъ знаній, а также по причинѣ вѣчной мерзлоты почвы. Невольно, поэтому, является вопросъ, чѣмъ можетъ оплачивать населеніе привозные продукты? Присматриваясь къ дѣйствительной жизни якутской массы, мы должны сказать, что болѣе жалкую трудно себѣ представить: скотоводческое племя, и оно рѣдко потребляетъ мясо; многіе якуты (зимой) остаются безъ молока, цѣлая масса якутовъ не въ состояніи пріобрѣсти ситцу или дабы на рубаху и одѣваются исключительно въ скотскія шкуры; въ глуши нерѣдко старики и дѣти ходятъ почти или совсѣмъ голые. Питаніе массы якутовъ противорѣчитъ всѣмъ общепринятымъ предписаніямъ гигіены. Они всасываютъ въ себя ядъ гнилой рыбы, павшаго скота и, за рѣдкимъ избыткомъ въ съѣстныхъ продуктахъ слѣдуютъ долгіе посты и голодъ. Въ лѣтнее время человѣкъ, какъ и скотъ, набираютъ про запасъ жиру, а къ веснѣ они тощаютъ до неузнаваемости. У коннаго скота щупаютъ шею для опредѣленія степени ожиренія (такихъ степеней три: полный жиръ (толу сыа), бѣлый (тынга сыа) и красный (кысыл сыа), затѣмъ слѣдуетъ терминъ сухой); точно также и человѣка щупаютъ подъ грудной клѣткой—есть ли запасецъ подъ кожей: отъ правильно чередующихся между собой періодовъ относительно изобилія и почти полнаго отсутствія пищи въ организмѣ человѣка выработался процессъ быстраго откладыванія жира.

За недостаткомъ мѣста мы должны отказаться отъ подробнаго описанія якутскаго жилья съ его камелькомъ, хотон'омъ (отдѣленіемъ въ юртѣ для скота), грязью, запахомъ коровьяго кала, которымъ пропитаны одежда и никогда не моющееся тѣло якута, и всѣхъ прочихъ непривлекательныхъ сторонъ ихъ жизни. Обратимся еще только къ духовному развитію якутовъ. Въ настоящее время всѣ они числятся православными, но они христіане больше по имени, чѣмъ по существу. Ихъ набожность состоитъ главнымъ образомъ въ механическомъ исполненіи нѣкоторыхъ обрядовъ. Пониманіе сущности христіанства недоступно еще и многимъ развитымъ якутамъ; масса-же, по своему міровоззрѣнію, еще предана шаманству, которое уживается рядомъ съ обрывками изъ священной исторіи. Каждое лицо св. Троицы у якутовъ—отдѣльный богъ,

Богородица—тоже богъ, святые—тоже боги. Въ Верхоянскомъ округѣ я разъ спросилъ многихъ собравшихся якутовъ: какихъ святыхъ они болѣе всего празднуютъ, и мнѣ стали считать по пальцамъ: Воскресенье, Иннокентій, Никола, 1-й Спасъ, 2-й Спасъ, 3-й Спасъ и т. д. Въ церкви якуты, по отдаленности и разбросанности другъ отъ друга жилищъ, рѣдко бываютъ. Домашнее богомоленіе въ праздничные дни заключается въ слѣдующемъ: передъ иконами зажигаются церковныя свѣчи, подъ ними на горячіе уголья кладутъ ладанъ, и ставятъ на столъ наиболѣе лакомое блюдо — тарелку съ плавающими въ маслѣ оладьями или коровью губу—и вся семья и гости, обративъ лицо къ иконамъ, кланяются имъ и крестятся въ безмолвіи въ теченіе получаса или часа. Кромѣ описанныхъ обрядностей христіанство мало измѣнило у якутовъ складъ народнаго мышленія и вѣрованій, и нѣтъ того сознанія своего христіанства, которымъ якутъ рѣзко отличалъ бы себя отъ некрещеннаго инородца. Наружное благочестіе якута можетъ многихъ ввести въ заблужденіе. Онъ оказываетъ священнику почтеніе, приготовляется къ его встрѣчѣ, кланяется въ ноги, цѣлуетъ руку, проситъ благословенія, но все это нельзя принять за чистую монету. Съ одной стороны якутъ въ религіозномъ дѣлѣ является такимъ же ханжей, какимъ онъ бываетъ лицемѣромъ въ житейскихъ дѣлахъ, съ другой—для него священникъ—и духовное лицо, могущее принести ему вредъ помощью невидимыхъ силъ, съ которыми имѣетъ сношенія, и—начальникъ. Въ обоихъ случаяхъ на якута больше дѣйствуетъ страхъ, чѣмъ вѣра въ христіанскомъ смыслѣ. Когда молитва священника не помогаетъ, онъ обращается къ шаману. Не касаясь тутъ понятій якутовъ о происхожденіи міра, они въ жизни прежде всего матеріалисты. Христіанское ученіе о матеріи и духѣ, о духовной жизни въ противоположность къ плотской, о пренебреженіи къ богатству и земнымъ благамъ, о постѣ, монашествѣ и т. д., имъ еще мало доступно, точно также не многимъ уже понятны христіанская этика и представленіе о грѣхѣ вообще. На христіанство якутъ перенесъ свои прежнія языческія воззрѣнія на божество, какъ на дѣятеля, который постоянно вмѣшивается въ человѣческія дѣла, который то и дѣлаетъ, что причиняетъ людямъ въ матеріальномъ смыслѣ добро или зло и послѣднее больше чѣмъ первое, поэтому необходимо его умилостивлять. Поставленное во время богомоленія лакомое блюдо есть такимъ образомъ остатокъ грубаго фетишизма и переживаніе обычая приносить жертвы духамъ предковъ и богамъ. Имитативное усвоеніе въ той или иной степени обрядовой стороны религіи мало еще говоритъ за пониманіе ея сущности. Такое положеніе вещей вытекаетъ изъ разбросанности якутовъ и отсутствія воспитанія и школы для молодежи. Есть мѣста, въ которыхъ священникъ бываетъ разъ въ годъ или въ 2 года, и

не многіе изъ нихъ стоятъ на высотѣ своего положенія, небрежно относясь къ своимъ духовнымъ обязанностямъ, не просвѣщая паствы, а механически исполняя требы, за которыя взимаютъ высокую плату, и преслѣдуя только матеріальную выгоду.

Въ Верхоянскомъ, Колымскомъ и сѣверныхъ частяхъ другихъ округовъ, гдѣ населеніе рѣже и приходы обширны пространствомъ, священникъ обыкновенно объѣзжаетъ приходъ зимой, когда улусъ выставляетъ ему для этой цѣли лошадей или оленей съ нартами. Тогда священникъ креститъ младенцевъ, иногда и взрослыхъ (бывшихъ до тѣхъ поръ гдѣ-нибудь въ глуши и не имѣвшихъ случая видѣть священника), исповѣдываетъ, пріобщаетъ св. Таинъ, отпѣваетъ умершихъ, давно похороненныхъ, и вѣнчаетъ брачущихся, сожительство которыхъ почти всегда начинается до церковнаго обряда, вокругъ стола, на которомъ полагаются Крестъ и Евангеліе, а вмѣсто вѣнцовъ на главы возлагаются обыкновенно грудные металлическіе кресты со шнурками. По большей части при объѣздѣ священникъ ограничивается только исполненіемъ требъ. Обычай или необходимость—не смотря на ружный сборъ—взимать за нихъ плату, деньгами или натурой, мѣшаетъ установленію довѣрія со стороны якутовъ и духовному вліянію священника на паству. А если священникъ—человѣкъ малоразвитый въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, то онъ ложится бременемъ на населеніи. Мнѣ приходилось видѣть возвращающихся съ объѣзда прихода священниковъ, за которыми слѣдовали обозы съ припасами. Въ сѣверныхъ округахъ, во время оспенной эпидеміи въ 1890 году, нѣкоторые священники отпѣвали покойниковъ по полученіи только коровы или лошади. Нѣсколько лучше дѣло стоитъ въ ближайшихъ къ Якутску и въ другихъ мѣстахъ съ болѣе густымъ населеніемъ, гдѣ церковь не столь далека отъ границъ прихода, прихожане чаще ее посѣщаютъ, а священники ближе къ епархіальнымъ властямъ и культурнымъ элементамъ.

Тунгусы и ламуты [1]).

Тунгусы въ Якутской области, подобно якутамъ, пришлое племя. Они, какъ и манчжуры, покорившіе китайцевъ, вышли изъ приамурскихъ странъ [2]),

[1]) Сибирскіе казаки узнали тунгусовъ въ началѣ XVII ст. и названіе ихъ заимствовали у остяковъ. Страленбергъ объясняетъ, что Арины — народъ, жившій на берегахъ Енисея, называли тунгусовъ тонг-кзе, т. е. люди трехъ родовъ, но онъ полагаетъ, что тунгусы суть «водяные монголы», упоминаемые древними писателями, и производитъ слово тунгусъ отъ татарскаго слова тенгис — море, въ знакъ того, что тунгусы пришли изъ за Байкальскаго моря. По тунгузски озеро значитъ тунгэр. Тунгусы сами называютъ себя овен, а оленные — ороча. По занятіямъ ихъ можно дѣлить на оленныхъ, рыболововъ-собаководовъ (Ламуты), скотоводовъ и даже земледѣльцевъ (Доуры).

[2]) А. Шренкъ. Объ инородцахъ Амурскаго края, т. I, стр. 94. Спб. 1883.

но пошли по другимъ направленіямъ, распространяясь на западъ до Енисея, на сѣверъ до Ледовитаго океана и на востокъ до Охотскаго моря. Тунгусы, ламуты и манчжуры, по мнѣнію ученыхъ, имѣютъ общее происхожденіе, образуя отдѣльную вѣтвь монгольской расы—тунгузскую [1]). Тунгусы, приближаясь болѣе, чѣмъ тюрки, по наружному виду къ собственно монголамъ, имѣютъ нѣкоторыя оригинальныя особенности, по которымъ ихъ легко узнать. Особенно характерны у тунгуса четырехугольная форма лба, круглыя большія глазницы, въ которыхъ глубоко сидятъ узкіе съ косымъ разрѣзомъ глаза и тонкія губы, изъ которыхъ верхняя довольно длинная. Росту тунгусы небольшаго съ сравнительно большой головой, широкими плечами, немного короткими конечностями и маленькими руками и ногами, не смотря на большое употребленіе послѣднихъ. Какъ всѣ сѣверныя, бродячія племена, тунгусы по тѣлосложенію худощавы, сухи, мускульны и жилисты; тучныхъ и жирныхъ, какими бываютъ большинство якутскихъ богачей, между ними нѣтъ. Цвѣтъ кожи у нихъ желтовато-бурый, глаза каріе, волосы черные, прямые, толстые и густые; растительность на лицѣ или очень рѣдкая или отсутствуетъ, черепъ широкъ, а лицо обыкновенно нѣсколько вытянуто въ длину, широко въ щекахъ и съуживается по направленію ко лбу; скулы выступаютъ впередъ, носъ около корня широкій и плоскій, къ низу слегка выпуклый, небольшой и тонкій.

Между тунгузскими племенами на Амурѣ есть скотоводы, такъ называемые «конные», и въ небольшомъ количествѣ осѣдлые земледѣльцы. Тоже самое мы видимъ и въ Забайкальи. Въ Якутской же области тунгусы до сихъ поръ не измѣнили своего исконнаго образа жизни и не усвоили себѣ новыхъ потребностей и привычекъ, сдѣлавшись даже сосѣдями русскихъ. Они еще и теперь почти всѣ исключительно бродячіе звѣроловы [2]),

Послѣ кровавыхъ схватокъ съ якутами [3]), преданія о которыхъ Гмелинъ и Миллеръ еще слышали въ прошломъ столѣтіи, тунгусы отступили на окраины, въ горные лѣса, богатые звѣремъ, или на безлѣсныя вершины хребтовъ и на тундры, покрытыя мохомъ и изобилующія дичью. Въ этихъ мѣ-

[1]) Тамъ же. Лингвистика. А. Овелакъ, стр. 106.

[2]) По Маѣ (притоку Алдана) есть 4 рода полукочевыхъ тунгусовъ, у которыхъ скотоводство играетъ бо́льшую роль, чѣмъ звѣроловство; между ними есть даже нѣсколько человѣкъ, занимающихся земледѣліемъ и въ другихъ мѣстахъ якутскаго округа (въ Западно-Кангаласскомъ улусѣ) отдѣльные роды тунгусовъ рядомъ съ оленями заводятъ рогатый скотъ и селятся на одномъ мѣстѣ, оставивъ бродячій образъ жизни, но эти тунгусы, поженившись на якуткахъ, быстро якутѣютъ, забываютъ свой языкъ и по наружности ихъ трудно отличить отъ якутовъ — только оффиціально они числятся тунгусами (Нюрбуганскій родъ на рѣчкѣ Чинѣ, л. притокѣ Лены).

[3]) А. Шренкъ, тамъ же, ч. I, стр. 35.

стахъ, годныхъ для охоты и оленеводства, ихъ оставили въ покоѣ въ территоріальномъ отношеніи, но якутскіе и русскіе торговцы слѣдовали и слѣдуютъ за ними, чтобы за безцѣнокъ отбирать результаты охоты.

По характеру и нравственнымъ качествамъ тунгусъ представляетъ собою противоположность якуту и стоитъ выше всѣхъ остальныхъ инородцевъ. Съ открытымъ, добродушнымъ и безпечнымъ лицомъ онъ сохраняетъ веселость въ нищетѣ и не унываетъ ни предъ какими бѣдами и невзгодами. Преданные [1]) и услужливые до раболѣпства, тунгусы умѣютъ сохранять собственное достоинство и быть гордыми безъ чванства. Они презираютъ ложь и могутъ служить образцомъ честности. Силки, капканы, западни, самострѣлы, поставленные однимъ лицомъ, неприкосновенны для другаго, чего не бываетъ у якутскихъ и русскихъ звѣроловов̃ъ, ворующихъ изъ чужихъ снарядовъ попавшагося звѣря [2]). Извѣстно также отношеніе тунгусовъ къ своимъ долговымъ обязательствамъ. Они свято хранятъ старыя бумажки, на которыхъ записаны долги отцовъ и дѣдовъ, сами на себя предъявляютъ эти долговыя росписки кредиторамъ, пишущимъ на нихъ, что хотятъ. Тунгусъ не страшится опасности, презираетъ страданіе и не боится смерти. Ихъ можно назвать, по выраженію Реклю, героическимъ народомъ. Поэтичные въ рѣчи и щеголеватые манерами [3]), тунгусы, а въ особенности тунгузки, одѣваются съ большимъ вкусомъ. Костюмъ ихъ, поражающій нерѣдко богатствомъ и состоящій изъ замши и мѣховъ, покрытъ узорами изъ разноцвѣтныхъ кусочковъ сукна, лентъ, шолку, бисеру и металлическихъ блестокъ. Покрой платья съ узкой таліей весьма оригиналенъ, а рисунки на немъ, вышивки, бахромки отличаются правильностью и красотой. Если въ душѣ тунгуса въ достаточной степени развиты этическое и своеобразное эстетическое чувство, то въ ма-

---

[1]) Они болѣе всѣхъ инородцевъ преданы представителямъ власти и могутъ служить надежной опорой порядка. На чукотской ярмаркѣ на Анюѣ ламуты составляютъ для крѣпостцы, при ничтожной и жалкой казачьей командѣ, охранный отрядъ съ наружными караульными постами, на случай безпорядковъ со стороны дикихъ и своевольныхъ чукчей, которые боятся небольшихъ, худенькихъ, но мѣтко стрѣляющихъ ламутовъ.

[2]) Не могу тутъ не вспомнить характернаго факта. Проѣзжая по Верхоянскому округу на оленяхъ, мы на одномъ станкѣ обнаружили пропажу части провизіи и обратились къ ямщикамъ тунгусамъ, но они гордо и съ упрекомъ отвѣтили: «мы не якуты, это не наше дѣло». Кража, какъ потомъ оказалось, была совершена на предъидущемъ станкѣ ямщиками-якутами, которые вообще склонны къ воровству, а при видѣ съѣстнаго не могутъ устоять отъ соблазна.

[3]) Позволю себѣ привести тутъ одну поэтическую сцену, видѣнную мной на Анюйской ярмаркѣ. Къ воротамъ крѣпостцы подъѣзжаетъ въ нартахъ и верхами на оленяхъ тунгузскій таборъ. Мужчины быстро соскакиваютъ со своихъ оленей, опускаются передъ своими амазонками на одно колѣно, а на другое дама становится, слѣзая съ сѣдла. Настоящіе рыцари тундры!

теріальной жизни онъ является стоикомъ [1]). Воздержность, умѣренность и довольство малымъ доходятъ у тунгуса до nec plus ultra. По цѣлымъ днямъ, даже во время жестокихъ морозовъ, онъ можетъ обойтись безъ пищи, сохраняя при томъ энергію и бодрость—точно продолжительный холодъ дѣйствуетъ на его тощій организмъ какъ алкоголь на желудокъ, возбуждая пищевареніе въ маленькихъ дозахъ и замедляя процессы питанія въ большихъ. Лѣтомъ, если охота плоха, тунгусъ можетъ жить ягодами тундры или мелкой рыбой горныхъ рѣчекъ. Жители горъ или, какъ здѣсь русскіе называютъ, «Каменные тунгусы», лѣтомъ удаляются отъ комара и овода на ихъ вершины, а зимой бродятъ по ущельямъ и падямъ хребтовъ. Съ топоромъ за поясомъ и кремневымъ ружьемъ и лукомъ за плечами, худой и гибкій тунгусъ быстро скользитъ на лыжахъ по поверхности глубокихъ снѣговъ или мчится по тонкому льду, слѣдуя указаніямъ своей умной собаки, ловко отыскивающей слѣдъ и тонко «хватающей духъ» звѣря.

Убивъ лося, оленя или горнаго барана и отрѣзавъ кусокъ для своего подкрѣпленія, тунгусъ радостно отправляется за своимъ таборомъ. Жилище его (ураса) также легко какъ и его костюмъ. Оно состоитъ изъ 1—2 десятковъ тонкихъ жердей, поставленныхъ конусомъ и обтянутыхъ ровдугой (замша, выдѣланная изъ оленьихъ шкуръ), оно легко навьючивается на оленя и переносится къ мѣсту промысла. Тамъ женщины очищаютъ землю отъ снѣга, кладутъ на нее хвою, мѣста для сидѣнья устилаютъ оленьими шкурами, въ серединѣ урасы разводятъ постоянно поддерживаемый огонь, и жилье готово; но холодъ въ немъ такой, что только полярный житель въ состояніи его выносить. Покончивъ съ добычей, тунгусъ опять снимается и вѣчно такимъ образомъ бродитъ—онъ счелъ бы себя несчастнымъ, еслибъ ему долго пришлось сидѣть на одномъ мѣстѣ. Поэтому понятна роль тунгузскаго оленя въ качествѣ домашняго животнаго и рабочаго скота. У тунгусовъ обыкновенно нѣтъ большихъ стадъ, и немногіе изъ нихъ занимаются оленеводствомъ, какъ главнымъ промысломъ, но они умѣютъ дрессировать оленей, хорошо выѣздивъ и приспособивъ ихъ также на особыхъ сѣдлахъ къ верховой ѣздѣ, къ чему чукотскіе олени совершенно не годны [2]). Что же касается до звѣро-

[1]) Къ сожалѣнію надо замѣтить, что тунгусы, постоянно живущіе среди якутовъ или на пріискахъ, подверглись порчѣ нравовъ, научившись лгать, обманывать и плутовать.

[2]) Оленеводствомъ по преимуществу занимается Ламухинскій родъ, бродящій въ сѣверо-западной части Намскаго улуса Якутскаго округа у границъ Вилюйскаго, и въ извѣстной степени тунгусы Олекминскаго округа, занимающіеся доставкой на оленяхъ на пріиски лѣснаго матеріала. На крайнемъ сѣверѣ русскіе называютъ чукотскихъ оле-

ловства, то смѣло можно сказать, что наиболѣе значительная часть пушнины, главнымъ образомъ бѣлка, добывается въ области тунгусами. Иркутскимъ купцамъ она достается чрезъ посредство якутскихъ и русскихъ торговцевъ за табакъ, порохъ, свинецъ, муку, посуду, цвѣтное сукно и водку, отчасти только за деньги, нужныя тунгусамъ для взноса ясака. Въ средѣ же самихъ тунгусовъ еще въ полной силѣ натуральное хозяйство; каждая семья дѣлаетъ для себя все, что ей нужно; промышленности, кромѣ выдѣлки немногихъ ровдугъ, никакой нѣтъ; изъ ремеслъ извѣстно только занятіе кузнеца съ его походной кузницей. Онъ выковываетъ снаряды для охоты, украшенія для одежды и принадлежности и побрякушки шаманскаго костюма. Искусство это въ большомъ почетѣ, и чаще всего кузнецъ и шаманъ совмѣщаются въ одномъ лицѣ. О христіанствѣ тунгусовъ (такъ какъ оффиціально они всѣ считаются православными) можно сказать, что оно еще болѣе, чѣмъ у якутовъ, состоитъ въ исполненіи по временамъ небольшаго количества обрядностей, перемѣшанныхъ съ дѣйствіями шаманскаго культа.

Изъ числящихся въ Сибири 50.000 тунгусовъ въ Якутской области, по послѣднимъ даннымъ статистическаго комитета, теперь находится 9.089 человѣкъ, а въ 1862 году [1]) ихъ числилось 10.643 чел. Уменьшеніе тунгузскаго населенія, хотя не столь значительно, какъ у другихъ мелкихъ племенъ, но оно несомнѣнно указываетъ на его вымираніе (за 30 лѣтъ оно уменьшилось на 15%). Этому явленію имѣются какъ общія, такъ и частныя причины. Охотничьи племена фатально должны исчезнуть при урѣзываніи ихъ территоріи, если сами не могутъ перейти къ другой культурѣ; звѣрь сократился въ числѣ, а затѣмъ оспа и другія инфекціонныя болѣзни, принесенныя русскими, эксплуатація тунгусовъ торговцами и частыя голодовки дѣлали свое дѣло. Теперь можно найти не мало тунгузскихъ и ламутскихъ семей (особенно на сѣверѣ), совсѣмъ лишившихся оленей. Они лѣтомъ питаются рыбнымъ промысломъ на горныхъ рѣчкахъ, а зимой находятся на жалкомъ иждивеніи якутскихъ улусовъ, къ управамъ которыхъ они приписаны, будучи распредѣлены по юртамъ, какъ поселенцы; но, не въ примѣръ послѣднимъ, они за скудную пищу исправляютъ всякаго рода работы. На крайнемъ сѣверѣ такіе обнищалые тунгусы нанимаются у якутовъ—содержателей станковъ

ней «дикими» или «каргенами» (к а р г е н ь по чукотски олень), на которыхъ можно ѣздить только въ санкахъ, и они не такъ выносливы, а тунгузскихъ—«ѣзжалыми». Эти оба рода оленей отличаются между собою не только воспитаніемъ, но и наружностью и строеніемъ. Чукотскіе олени темнѣе цвѣтомъ, длиннѣе тѣломъ, короче ногами и неуклюжѣе тунгузскихъ.

[1]) Памятная книжка Якутской области 1863 г.

въ ямщики къ оленямъ, въ пастухи къ чукотскимъ стадамъ и служатъ переводчиками между чукчами съ одной стороны и пріѣзжающими на тундру для торга съ ними якутами и русскими—съ другой. Изъ этого можно видѣть, что у тунгусовъ есть способность къ усвоенію діалектовъ совершенно различныхъ лингвистическихъ группъ. Большинство тунгусовъ знаетъ якутскій языкъ, многіе объясняются по русски, а сѣверные тунгусы научились и по чукотски. Ламуты, живущіе съ юкагирами, говорятъ по юкагирски (въ верховьяхъ Колымы).

Остается еще сказать кое-что о ламутахъ. Такъ называютъ нѣсколько тунгузскихъ колѣнъ, кочующихъ по Верхоянскому и Колымскому округамъ. Ламутъ происходитъ отъ тунгузскаго слова ламъ, означающаго море; этимъ именемъ окрестили сначала тунгусовъ, пришедшихъ къ Охотскому морю и поселившихся тамъ, обратившись по большей части въ осѣдлыхъ рыболововъ. Пришли-ли ламуты крайняго сѣвера въ упомянутые округа изъ Приморской области черезъ Становыя горы или съ юга черезъ Верхоянскій хребетъ и названы тоже ламутами по близости ихъ отъ Ледовитаго океана — неизвѣстно; но по образу жизни они расходятся съ приморскими ламутами, ничѣмъ не отличаясь отъ прочихъ тунгусовъ Якутской области. Ихъ теперь считаютъ въ Области 2.126 человѣкъ.

Юкагиры и Чуванцы.

Въ то время какъ описанныя уже племена считаются пришлыми, юкагировъ можно назвать коренными обитателями крайняго сѣверо-востока. По сохранившимся преданіямъ они составляли когда-то многочисленный народъ, территорія котораго распространялась далеко на югъ, а на сѣверѣ они вели борьбу съ сильнымъ чукотскимъ народомъ, пока съ юга не стали напирать на нихъ сначала тунгусы, а потомъ якуты, и не двинулись на нихъ съ двухъ сторонъ русскіе—съ сѣвера моремъ, съ юга черезъ горы. При первомъ столкновеніи русскихъ съ юкагирами (въ началѣ XVII-го столѣтія) послѣдніе переживали каменный вѣкъ, не зная еще употребленія металловъ и не обладая искусствомъ варить пищу. Воду еще кипятили въ деревянныхъ корытахъ помощью раскаленныхъ камней. Путешественникъ Геденштромъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія нашелъ еще на островахъ Ледовитаго океана слѣды землянокъ и орудій каменнаго вѣка вымершихъ или укочевавшихъ юкагировъ [1]).

[1]) Геденштромъ. Отрывки о Сибири. Спб. 1830 г.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ наружности юкагировъ мы находимъ не мало признаковъ монгольской расы, какъ болѣе или менѣе выдающіяся скулы или косолежащіе глаза, но цвѣтъ (болѣе свѣтлый) и очертанія лица и форма головы отличаются значительнымъ своеобразіемъ. Въ вопросѣ о родствѣ юкагировъ съ какой-либо изъ Урало-Алтайскихъ группъ существуетъ между учеными разногласіе. Гмелинъ причисляетъ ихъ къ тюркамъ; Биллингсъ и Миддендорфъ къ тунгусамъ; Пешель называетъ ихъ азіатами неопредѣленнаго этнографическаго характера (Nordasiaten von unbestimmter sistematischer Stellung) [1]. Академикъ Шифнеръ, подвергнувъ научному изслѣдованію образчики юкагирскаго языка, собранные барономъ Майделемъ (въ 1868—1870 гг.), пришелъ къ заключенію, что по діалекту юкагиры составляютъ особый народъ среди Сибирскихъ инородцевъ [2]). Точно также и Шренкъ [3]) причисляетъ ихъ по языку къ народамъ-особнякамъ Азіи. Врангель на основаніи слышаннаго имъ на Колымѣ преданія [4]) сообщаетъ объ исчезнувшемъ теперь народѣ Омоковъ, какъ о древнихъ обитателяхъ сѣверо-востока Сибири. Геденштромъ [5]) полагаетъ, что юкагиры суть остатки этихъ Омоковъ, а бывшій чукотскій миссіонеръ св. Аргентовъ слышалъ отъ самихъ юкагировъ, что Омоки были ихъ предками [6]). Преданіе это мы часто встрѣчаемъ въ научной литературѣ по народовѣдѣнію, какъ нѣчто установленное, а между тѣмъ слово Омокъ само по себѣ есть пустой звукъ безъ этнографическаго содержанія. Нѣтъ сомнѣнія, что особаго народа подъ именемъ омоковъ никогда не существовало. Преданіе-же о происхожденіи юкагировъ отъ какихъ-то Омоковъ можно объяснить лексически. Якуты словомъ Омукъ обозначаютъ всякаго чужаго человѣка. «Омукъ» якутъ говоритъ не только объ иноплеменникѣ, но и о другомъ якутѣ другаго улуса, другаго рода и даже другаго мѣстожительства, чѣмъ онъ самъ. Якуты по приходѣ въ Якутскую область несомнѣнно этимъ словомъ окрестили всѣхъ ея прежнихъ обитателей, въ томъ числѣ и юкагировъ. Въ памяти же послѣднихъ и русскихъ все это перепуталось и якутскимъ словомъ чужой стали именовать своихъ предковъ сами юкагиры.

Изъ юкагировъ, бывшихъ нѣкогда богатыми оленеводами и звѣроловами, сохранили еще небольшія стада юкагиры Верхоянскаго округа, которые бро-

---

[1]) O. Peschel. Völkerkunde. Leipzig 1874. S. 413.

[2]) Schiefner. Bar. G. v. Maydell's jukagirische Sprachproben. Bull. de l'Acad. Imp. des Sc. T. XVII, p. 86.

[3]) Шренкъ, тамъ-же, стр. 256.

[4]) Врангель. Путешествіе по сѣв. бер. Сибири и по Ледовитому морю. Ч. II. Спб. 1841 г., стр. 81.

[5]) Отрывки о Сибири, стр. 97.

[6]) Записки Спб. Отд. Импер. Русс. Геогр. Общ. 1857 г., кн. IV.

дять на тундрѣ между рр. Яной и Индигиркой, подходя близко для обмѣна къ селенію Усть-Янскъ. Юкагиры же Колымскаго округа давно лишились своихъ стадъ [1]). Тѣ изъ нихъ, которые обитаютъ въ низовьяхъ Колымы, занимаются главнымъ образомъ рыболовствомъ и отчасти только звѣроловствомъ. Юкагиры верховьевъ Колымы ведутъ кочевой образъ жизни, живя селеніями по рр. Каркодону и Ясачной (притоки Колымы) и перекочевывая съ одного мѣста на другое сообразно времени года. Они питаются рыбой и звѣринымъ промысломъ, употребляя также въ пищу мясо бѣлки, какъ ламуты [2]). Изъ юкагировъ болѣе сохранили свои національныя черты бродячіе Верхоянскаго округа; юкагиры верховьевъ Колымы кочуютъ и живутъ вмѣстѣ съ ламутами, языкъ которыхъ и нравы перемѣшались съ юкагирскими, а на нижнемъ ея теченіи и по р. Омолону они окончательно обрусѣли, забыли родной языкъ, сдѣлались осѣдлыми рыболовами, живутъ отдѣльными селеніями въ русскихъ домахъ или среди русскихъ и точно такъ же, какъ и послѣдніе, зимой, когда рыбные запасы выходятъ, зависятъ въ своемъ пропитаніи отъ оленеводовъ чукчей. Болѣе жалкое существованіе чѣмъ жизнь этихъ ихтіофаговъ, трудно себѣ представить, особенно съ тѣхъ поръ, какъ прекратился обильный олений промыселъ, описанный въ концѣ прошлаго столѣтія капитаномъ Биллингсомъ [3]) и въ началѣ нынѣшняго Врангелемъ [4]), при которомъ промыселъ этотъ уже сталъ падать. Весной дикіе олени выходили изъ тайги отъ комаровъ и, переплывая рѣки, направлялись на сѣверныя тундры, а осенью возвращались. Они ходили стадами въ нѣсколько сотъ головъ. Главное мѣсто переправы была р. Анюй [5]). Когда стадо оленей, тихо слѣдуя за вожатымъ, достигало средины рѣки, изъ засадъ съ крикомъ выплывало въ легкихъ челнокахъ (вѣткахъ) общество охотниковъ, окружало стадо и, пользуясь его замѣшательствомъ, съ опасностью для собственной

---

[1]) Сѣвернаго оленя инородцы лишились съ незапамятныхъ временъ. Лишившись отъ нужды, голода или падежа своихъ оленей, инородецъ долженъ оставить оленеводство. По свидѣтельству Маака (Вилюйскій окр., стр. 154, ч. III) всѣ попытки Вилюйскихъ тунгусовъ приручить дѣтенышей дикихъ оленей не увѣнчались успѣхомъ. Вотъ почему потеря стадъ сопряжена съ вымираніемъ или переходомъ къ другой культурѣ.

[2]) Изъ промысловъ этихъ юкагировъ надо еще отмѣтить приготовленіе лодокъ и карбасовъ, на которыхъ якуты-подрядчики сплавляютъ казенную кладь, а затѣмъ продаютъ ихъ рыбакамъ средняго и нижняго теченія Колымы, гдѣ нѣтъ подходящаго лѣса для ихъ построекъ или вовсе нѣтъ лѣса.

[3]) Путешествіе капитана Биллингса черезъ Чукот. землю. Спб. 1811.

[4]) Путешествіе и т. д., ч. II, стр. 87.

[5]) И теперь олени бѣгутъ весной къ морю, но въ маломъ количествѣ, небольшими группами и разными путями. Есть родъ оленей, который не уходитъ съ тундры и которыхъ тамъ русскіе называютъ «стоячими».

жизни, кололо направо и налѣво рогатинами (пальма́ми) и просто ножами, мѣтко нанося, въ пылу охотничьихъ страстей, смертельные удары, пока рѣка не покрывалась трупами испуганныхъ животныхъ и вода не дѣлалась красной отъ крови. Охота эта носила артельный характеръ, и каждая семья обыкновенно получала за весну и осень до 100 оленей. Теперь же юкагиръ счастливъ, если ему весной удастся убить на рѣкѣ 2—3 оленей. Въ то время, о которомъ старики разсказывали мнѣ съ восторгомъ и горькимъ сожалѣніемъ, берега Анюя были покрыты заимками русскихъ, жилищами юкагировъ и урасами ламутовъ, а во время экспедиціи барона Майделя (1868—1870) они уже были безлюдны и пустынны. Я проѣзжалъ по Анюю весной 1890 года и мѣстами видѣлъ еще слѣды разрушенныхъ избъ, балагановъ, воздушныхъ амбарчиковъ (строящихся на сѣверѣ на высокихъ столбахъ для защиты запасной провизіи вообще или во время ея вяленія отъ аппетита господъ медвѣдей), а въ сторонѣ отъ дороги, какъ мнѣ говорили, встрѣчаются еще остатки висячихъ ламутскихъ могилъ (арангасы). На прекращеніе этого промысла и смотрятъ, какъ на одну изъ главныхъ причинъ вымиранія юкагировъ и другихъ жителей Нижне-Колымскаго края [1]).

Но тоже явленіе вымиранія мы видимъ у всѣхъ юкагировъ. Слѣдующія данныя могутъ служить прекрасной иллюстраціей. Въ 1862 году юкагировъ въ области еще считалось 1.518 человѣкъ [2]), а теперь ихъ числится всего 436 ч., такъ что въ теченіе 30 лѣтъ юкагирское населеніе уменьшилось на 71%.

Нельзя тутъ не упомянуть еще о Чуванцахъ, народѣ тоже нѣкогда многочисленномъ, бывшихъ въ союзѣ съ юкагирами противъ свирѣпыхъ чукчей, вытѣснившихъ ихъ съ береговъ Анадыра. О чуванцахъ мы теперь встрѣчаемъ свѣдѣнія только въ оффиціальныхъ отчетахъ, но не въ руководствахъ по народовѣдѣнію и лингвистикѣ; о нихъ даже не упоминается въ Географическомъ Словарѣ Россійской Имперіи Семенова. Нѣтъ сомнѣнія, что чуванцы больше не существуютъ, какъ отдѣльный народъ, такъ какъ остатки его отчасти обрусѣли, отчасти подверглись вліянію другихъ инородцевъ или даже смѣшались съ ними.

---

[1]) Чтобы судить о вымираніи юкагировъ, любопытно привести одну цифру не оффиціальнаго характера. При впаденіи р. Омолона въ Колыму живетъ Омолонскій юкагирскій родъ. Всѣхъ зовутъ Востряковыми, такъ что фамилія относится къ роду, а не къ лицамъ. Когда я былъ въ 1891 году въ ихъ селеніи, староста Федотъ жаловался на тяжелыя времена и разсказалъ, что во время 10-й народной переписи въ 1859 году у нихъ было 54 взрослыхъ мужчинъ (отъ 18 до 55 лѣтъ), платящихъ ясакъ. Они тогда были обложены по 1 р. 30 к. съ души, а теперь осталось 6 плательщиковъ, и общество должно вносить полный окладъ.

[2]) Памят. Книжка Якут. Обл. за 1863 г.

Въ Колымскомъ округѣ отъ нихъ теперь осталось небольшое осѣдлое общество въ г. Нижне-Колымскѣ, вполнѣ обрусѣвшее и одинъ родъ, бродящій къ востоку отъ Колымы по одной территоріи съ оленными чукчами, вліянію которыхъ они подпали: они ведутъ такой же образъ жизни, какъ чукчи и охотно выдаютъ за нихъ своихъ женщинъ [1]).

По свѣдѣніямъ 1862 г. ихъ всего числилось въ округѣ 259, а теперь только 143 чел. [2]).

Немного обрусѣвшихъ или окорячившихся (т. е. живущихъ съ оленными коряками, которыхъ теперь уже нѣтъ въ Якутской области) юкагировъ и чуванцевъ находится въ Гижигинскомъ округѣ и Анадырскомъ краѣ.

Чукчи.

Чукчи, исконные враги юкагировъ, тоже составляютъ первобытное населеніе крайняго сѣверо-востока Азіи, населеніе живучее, сохранившее свою независимость, оградившее свой языкъ, нравы, бытъ, отчасти и территорію отъ напора коряковъ, юкагировъ, тунгусовъ, якутовъ и русскихъ, населеніе, царствующее на тундрахъ и скалахъ сѣверо-востока Азіи. Занимая площадь, равную Франціи, вмѣстѣ съ Апенинскимъ полуостровомъ—отъ Берингова моря до Индигирки и отъ Ледовитаго океана до р.р. Анадыра и Анюя—чукотское племя, какъ бродячее, не велико количествомъ. Сколько всего чукчей даже приблизительно неизвѣстно, такъ какъ сами чукчи очень плохіе счетчики и никому изъ путешественниковъ или администраторовъ до сихъ поръ еще не удавалось привести въ извѣстность ихъ число; всѣ же цыфры, приводимыя

---

[1]) По сообщенію совѣтника Областнаго Правленія Д. И. Меликова, имѣвшаго недавно возможность видѣть нѣкоторыхъ представителей этого рода, они свѣтло- или рыжеволосы, съ овальнымъ складомъ лица и широкимъ разрѣзомъ глазъ, не смотря на скрещиваніе ихъ съ чукчами. Тоже самое мнѣ говорили о наружности юкагировъ Верхоянскаго округа. Изъ этого видно, какой глубокій интересъ эти исчезающія племена представляютъ для антропологовъ.

[2]) Фельетонистъ «Русскихъ Вѣдомостей», г. Діонео, сообщаетъ въ № 39 1893 года, что онъ видѣлъ «последняго» чуванца, а въ № 134, онъ называетъ его по имени—Өеодоръ Лыкчинъ; но такъ какъ Өеодоръ Лыкчинъ въ прошломъ году умеръ, то теперь не должно быть ни одного чуванца. Но дѣло въ томъ, что Өеодоръ былъ послѣднимъ изъ рода Лыкчиныхъ, жившихъ нѣкогда на Большой рѣкѣ, и если бы г. Діонео серьезнѣе относился къ тому, о чемъ писалъ, то онъ бы на Колымѣ видѣлъ не одного только чуванца, а зналъ бы, что на Анюйскую ярмарку приходятъ изъ Анадырска чуванцы и коряки. Смерть рода Лыкчиныхъ произошла двумя путями: дѣйствительнымъ вымираніемъ его членовъ и переходомъ женщинъ въ другія общества. Өеодоръ былъ женатъ на юкагиркѣ, а дочь его вышла за русскаго и ея потомство, если оно будетъ, уже будетъ числиться русскимъ.

географами вполнѣ гадательныя. Какъ, напр., добыто число въ 12.000 чел., приводимое Венюковымъ въ этнографич. картѣ Россіи? Въ Географич. словарѣ Семенова число чукчей показано въ 100.000 чел., но это, вѣроятно, опечатка. Вслѣдствіе предписанія Сибирскаго губернатора въ 1710 г. «были отобраны отъ Анадырскихъ властей показанія», по которымъ «число чукотскаго племени по разнымъ сказкамъ было отъ 3.500 до 4.500 чел.». По соображеніямъ капитана Биллингса [1]), въ концѣ прошлаго столѣтія ихъ было 10.000 чел. Спутникъ Норденшильда Бове [2]) полагаетъ, что численность этой народности не превышаетъ теперь 3—5 тысячъ человѣкъ. Другой же спутникъ Норденшильда Нордквистъ [3]) опредѣлилъ однихъ береговыхъ чукчей, наименѣе значительную ихъ часть, въ 2.000 ч. На вопросъ, заданный мной черезъ переводчика чукотскому старшинѣ Арарѣ [4]): сколько оленныхъ чукчей, онъ, подумавши, отвѣтилъ: «много, мы на тундрѣ все равно, что комары». Если это показаніе своимъ сравненіемъ сильно преувеличено, то относительно своей точности (за исключеніемъ только цифры Нордквиста, приблизительно вѣрной) оно едва-ли уступаетъ другимъ даннымъ. Одно можно сказать: если этотъ народъ не увеличился числомъ, то онъ во всякомъ случаѣ не вымираетъ, упорствуя передъ природой и отражая натискъ другихъ народовъ.

По языку, чукчи, вмѣстѣ съ родственными имъ коряками и нѣкоторыми жителями острововъ Берингова моря, принадлежатъ къ тѣмъ-же народамъ-особнякамъ, по классификаціи лингвистовъ къ гиперборейцамъ, а по терминологіи академика Шренка [5]) къ палеазійскимъ народамъ, такъ какъ, по его мнѣнію, всѣ народцы крайняго сѣверо-востока съ ихъ нарѣчіями, которыхъ нельзя отнести къ той или другой изъ извѣстныхъ лингвистическихъ группъ и не имѣющихъ также родства между собой, суть остатки наиболѣе древнихъ и многочисленныхъ южныхъ народовъ, уцѣлѣвшіе потому только, что изолировались отъ напиравшихъ на нихъ съ юга племенъ, удалившись на край материка.

По своимъ физическимъ свойствамъ, чукчи представляютъ собою, можно сказать, этнографическій мостъ между монгольской и американской расами. Преобладающимъ типомъ у нихъ всетаки остается монгольскій, но часто можно

---

[1]) Путешествіе капитана Биллингса.

[2]) Реклю. Азіатская Россія.

[3]) Замѣтки о численности и нынѣшнемъ положеніи чукчей, живущихъ по берегу Ледовитаго океана. Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ., т. XVII, в. II, стр. 95.

[4]) Это самый богатый и староста чукчей, живущихъ между Колымой и Индигиркой. Имѣетъ кортикъ, медаль и американскую золотую медаль за спасеніе экипажа «Жанеты».

[5]) Объ инородцахъ Амура, стр. 257.

встрѣтить чукчей, у которыхъ монгольскія черты едва замѣтны, и, вмѣсто смуглой или желто-бурой окраски кожи, цвѣтъ лица переходитъ въ мѣдно-красный, а носъ выдающійся, тонкій и круглый. Это можетъ служить указаніемъ на давнишнія сношенія сѣверо-восточныхъ азіатовъ съ американскими племенами, но и на то, что смѣшеніе ихъ съ монголами происходило сильнѣе и чаще. Точно также въ мнѣніяхъ путешественниковъ о первоначальной родинѣ чукчей существуетъ разногласіе. Бове думаетъ, что ее слѣдуетъ искать въ бассейнѣ Амура, а Нейманъ [1]) полагаетъ, что чукчи пришли изъ сѣверныхъ странъ Новаго Свѣта. Какъ видно, вопросъ этотъ еще подлежитъ изслѣдованію специалистовъ. Отличаются также противорѣчіемъ мнѣнія однихъ и тѣхъ же путешественниковъ (какъ у Неймана) о томъ, что сидячіе (береговые) чукчи отличаются отъ оленныхъ не только образомъ жизни, но и нарѣчіями, и въ тоже время говорятъ, что въ береговые чукчи идутъ обѣднѣвшіе и лишившіеся своихъ стадъ оленные.

По роду занятій можно раздѣлить чукчей на сидячихъ (анкалѣнъ), живущихъ селеніями по всему побережью Ледовитаго океана отъ Шалахскаго мыса до Чукотскаго носа, отчасти также отъ носа до Анадырской губы, оленныхъ (чавча), бродящихъ по Берингову полуострову, въ бассейнахъ рѣкъ Анадыра (по лѣвому берегу), Чауна и Колымы (въ нижнемъ теченіи) и на сѣверѣ такъ называемой Большой тундры между Колымой и Индигиркой, и торговыхъ или носовыхъ (каврарѣмкитъ).

Первые имѣютъ собачье хозяйство, занимаются промысломъ тюленей (нерпъ), моржей, бѣлыхъ медвѣдей и полярныхъ лисицъ (песцовъ); нерѣдко находятъ мамонтовые бивни и китовый усъ. Промыслами этими они питаютъ себя и собакъ и въ обмѣнъ на ихъ продукты (между которыми особенную роль играютъ моржовые ремни) получаютъ отъ бродячихъ чукчей оленьи шкуры на одежду, обувь и жилище (пологъ), а отъ русскихъ табакъ, котлы, чайники и чай. Вторые, образуя главную массу чукчей, суть настоящіе пастухи оленеводы съ многочисленными стадами въ тысячи и десятки тысячъ головъ, счетъ которымъ хозяева не знаютъ. Въ оленѣ вся жизнь чукчи; онъ доставляетъ ему пищу, одежду, жилье, освѣщеніе, отопленіе (бѣлый мохъ, напитанный жиромъ, освѣщаетъ и грѣетъ пологъ), средство для обмѣна и рабочій скотъ для кочевокъ. Чукчи плохіе стрѣлки и плохіе охотники, можетъ быть потому, что большей частью кочуютъ по безлѣсной тундрѣ или

---

[1]) Извѣстія Спб. Отд. Имп. Русск. Геогр, Общ., т. I, № 4 и 5.

голымъ скалистымъ отрогамъ Становаго хребта [1]), гдѣ звѣрь рѣдокъ. Они тяжелѣе на подъемъ, чѣмъ звѣроловы тунгусы; они охотно сидятъ на одномъ мѣстѣ, если истощеніе оленьей отавы не заставляетъ ихъ искать другой. Третьи кочуютъ около Чукотскаго носа, гдѣ имѣютъ сношенія съ американскими китоловами и откуда ѣздятъ для торга съ такъ называемыми Кыргаулями [2]) и другими эскимоскими племенами острововъ и сѣверо-западныхъ береговъ Америки и съ русскими въ селеніе Марково Анадырскаго края и Анюйскую крѣпость въ Колымскомъ округѣ. Въ Колымскомъ округѣ кочуютъ только оленные чукчи, такъ какъ границей этого округа считается рѣка Чаунъ, до котораго нѣтъ береговыхъ чукчей.

Первое извѣстіе о чукчахъ доставилъ въ Якутскъ казакъ Стадухинъ, основавшій въ 1644 г. Нижне-Колымскій острогъ. Въ то время чукчи кочевали какъ на востокѣ, такъ и на западѣ отъ р. Колымы. Послѣ кровавыхъ битвъ съ русскими чукчи удалились съ лѣваго берега Колымы, оставивъ свидѣтельствомъ своего древняго тамъ пребыванія названіе рѣкъ Малой и Большой Чукочьей и оттѣснивъ въ свою очередь сидячее эскимосское племя Намолловъ съ сѣверныхъ береговъ Азіи къ Берингову морю. Съ тѣхъ поръ, можно сказать, Колыма служила естественной нашей границей на западѣ отъ чукотской территоріи (какъ р. Анадыръ въ Приморской области на югѣ), подвергаясь по временамъ нападеніямъ и вторженіямъ воинственныхъ чукчей, ни за что не желавшихъ потерять свою независимость и быть объясаченными [3]). Къ востоку отъ Чауна чукчи и теперь еще считаются независимыми отъ Россіи [4]). Когда чукчи убѣдились, что русское правительство не имѣетъ намѣренія насильственно ихъ подчинять, они начали мирныя сношенія съ рус-

---

[1]) Линія сѣвернаго предѣла лѣса доходитъ по Ленѣ до 72° с. ш., по Колымѣ до 69° с. ш., а дальше на востокъ опускается до 66° и даже 65° с. ш. и весь крайній сѣверо-востокъ представляетъ собой гористую мѣстность, скалы которой мѣстами вдаются въ Ледовитый океанъ.

[2]) Въ литературѣ нерѣдко упоминаются Кыргаули или Екыргаули, съ которыми чукчи ведутъ торгъ, какъ особый народъ. Это приводится, конечно, со словъ чукчей (что и мнѣ пришлось слышать); на самомъ же дѣлѣ это вообще эскимосы острововъ Берингова моря, и нѣтъ сомнѣнія, что названіе это происходитъ отъ чукотскаго слова «киргиль», равносильное якутскому «омук»—чужой, иностранный. Напр. «Киргиль-табакъ» по чукотски—черкасскій (или русскій) табакъ.

[3]) Изъ исторіи извѣстно, съ какимъ упорствомъ вездѣ горныя племена отстаивали свою свободу. Тѣмъ болѣе трудностей для военныхъ дѣйствій представляли холодные, голые или покрытые мохомъ и лишаями, скалистые отроги Становаго хребта. Поэтому понятно отступленіе чукчей отъ западныхъ береговъ Колымы, образующихъ отлогую тундру съ небольшими возвышеніями.

[4]) Въ законахъ о состояніяхъ чукчи причисляются къ инородцамъ не совершенно зависящимъ отъ Россіи (ст. ст. 857, 858 и 860).

скими на почвѣ торговли, этого могущественнаго рычага сближенія народовъ, и стали со своими стойбищами близко прикочевывать къ русскимъ селеніямъ и заимкамъ [1]), оставивъ взаимныя опасенія, но будучи все таки на сторожѣ. Въ 1857 г. Эремъ оленныхъ чукчей Амвраургинъ просилъ у ревизовавшаго округъ чиновника Шевелева дозволенія перейти со своими табунами на лѣвый берегъ Колымы. Дозволеніе было ему дано. Въ 1858 г. пріѣзжалъ въ Якутскъ съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ одинъ изъ чукотскихъ старшинъ Хотто, обѣщавшій прислать на воспитаніе своего сына, но обѣщанія этого онъ не исполнилъ. Тогда же и была выработана форма присяги на русское подданство на чукотскомъ и русскомъ языкахъ и отпечатана въ числѣ 50 экземпляровъ. Съ тѣхъ поръ посредствомъ ласки и подарковъ происходили отдѣльные случаи привлеченія въ русское подданство чукчей — привлеченія фактически ничего не измѣнившаго въ отношеніяхъ чукчей къ властямъ, но способствовавшаго все таки сближенію ихъ съ русскими. Въ 1869 г. въ бытность такъ называемой чукотской экспедиціи подъ начальствомъ бар. Майделя, принявшихъ подданство Россіи уже числилось 5 родовъ, которые бар. Майделемъ были обложены ясакомъ по 1 рублю съ души (въ возрастѣ отъ 18 до 50 лѣтъ) и такихъ душъ (не считая, значитъ, женщинъ, дѣтей и стариковъ) тогда было 247, соотвѣтственно чему количество ясака равнялось 247 руб. То же число чукчей и то же количество ясака продолжаетъ числиться безъ измѣненія въ позднѣйшихъ оффиціальныхъ отчетахъ, а между тѣмъ количество чукчей въ Колымскомъ округѣ какъ на востокѣ, такъ и на западѣ отъ Колымы довольно значительно [2]). На вопросъ же: сколько ихъ? можно отвѣтить только, что пока это и приблизительно еще не извѣстно.

Оставивъ вопросъ о количествѣ для статистики будущаго, я перейду къ вопросу о сношеніяхъ чукчей Колымскаго округа съ русскими. Есть указанія на то, что въ промежуткахъ между битвами русскіе промышленники по временамъ завязывали торговый обмѣнъ съ чукчами. Кеннанъ разсказываетъ, что вначалѣ чукчи предлагали свои товары на остріяхъ своихъ копій и обмѣнъ

---

[1]) Слѣдующія историческія данныя суть извлеченія изъ архивныхъ матеріаловъ, собранныхъ мной для составленія отдѣльнаго очерка по исторіи сношеній русскихъ съ чукчами.

[2]) Если даже возьмемъ данныя, собранныя бар. Майделемъ, то получимъ, что въ 1870 г. по одной тундрѣ между Индигиркой и Колымой уже было 88 семействъ съ 419 чел. одного мужского пола (изъ бумагъ Нижне-Колымскаго архива). По переписи, произведенной миссіонеромъ о. Аргентовымъ въ 1851 и 1852 гг., въ одномъ Чаунскомъ приходѣ было 94 семейства съ 666 мужчинами и 510 женщинами. При чемъ часть чукотскихъ семействъ этого района не вошли въ перепись (Записки Сибирскаго Отдѣла Имп. Русс. Географич. Общ. 1857 г., кн. III. Описаніе Николаевскаго Чаунскаго прихода Аргентова).

производился въ полномъ вооруженіи съ обѣихъ сторонъ. Въ 1770 г., послѣ неудачной чукотской кампаніи Шестакова, смерти Павлуцкаго и многочисленныхъ стычекъ съ чукчами, Анадырскій острогъ, откуда предпринимались военныя дѣйствія противъ чукчей, и который терпѣлъ не мало отъ осадъ и нападеній, былъ уничтоженъ, команда переведена въ Нижне-Колымскъ, и чукчи, освободившись отъ воинственнаго сосѣда, сдѣлались менѣе злобными. Познакомившись съ русскими привозными товарами, наиболѣе простыми продуктами русской культуры, какъ желѣзныя орудія, котлы, посуда, мѣдные чайники и т. д. и отвѣдавъ табаку и водки, они, хотя съ опаской и всегда готовые на бой, стали подходить ближе къ берегамъ Колымы, на которыхъ сосредоточилось русское населеніе, для обмѣна своихъ оленьихъ шкуръ и мѣховъ на русскіе товары. Первоначальнымъ мѣстомъ для торга, по указанію Зашиверскаго коммиссара Баннера (въ 1775 г.), была выбрана рѣчка Ангарка, притокъ Большого Анюя, гдѣ была построена Ангарская крѣпостца. Впослѣдствіи она была перенесена на островъ Малаго Анюя и названа Островной, но въ 1848 г. разливъ рѣки снесъ часть острова и крѣпость съ ярмаркой перевели на 10 в. ниже, на живописный угоръ лѣваго берега М. Анюя. На этомъ мѣстѣ и теперь крѣпость стоитъ и называется Анюйской, но мѣстные жители по традиціи продолжаютъ ее именовать Островной. Она находится въ 250 верстахъ отъ Нижне-Колымска на OSO отъ него.

Въ первое время въ крѣпостцу посылался на время ярмарки изъ Нижняго значительный отрядъ казаковъ, а теперь ежегодно командируются на ярмарку 4—5 казаковъ, незнакомыхъ съ употребленіемъ оружія. Въ первой половинѣ этого столѣтія крѣпость еще была постоянно обитаема нѣсколькими семействами, въ ихъ числѣ былъ присяжный чукотскій переводчикъ и казачій сотникъ; теперь крѣпостца,— окруженная оградой, имѣющей видъ многоугольника и сложенной на пазахъ изъ тонкоствольныхъ лиственницъ, съ башенкой надъ воротами, маленькой часовней, караульнымъ домомъ, десятковъ жалкихъ срубовъ для жилья и рядомъ лавочекъ и ларей,—тихо покоится на откосѣ горы—лѣтомъ убаюкиваемая шумомъ разливающагося Анюя, а зимой обсыпанная кругомъ снѣгомъ и только въ апрѣлѣ мѣсяцѣ на 5 — 6 дней она стряхиваетъ съ себя снѣгъ и воскресаетъ подобно мертвой царевнѣ: внѣ и внутри нея оживленное движеніе—кругомъ крѣпостцы раскинуты стойбища бродячихъ племенъ со стадами оленей, а въ оградѣ помѣщаются русскіе съ сотнями ѣздовыхъ собакъ и товарами для обмѣна.

Чтобы не выйти изъ рамокъ настоящаго очерка, я не могу подробно распространяться объ исторіи этихъ торговыхъ сношеній. Сначала на каждой ярмаркѣ устанавливались по соглашенію между русскими купцами и чукчами

подъ наблюденіемъ коммисаровъ, правила для обмѣна и опредѣлялась мѣновая единица. Въ 1811 г. Иркутскимъ губернаторомъ Трескинымъ, по примѣру правилъ, установленныхъ правительствомъ (въ 1800 г) для Кяхтинской торговли, были установлены также правила для Анюйской ярмарки. Въ нихъ роль мѣновой единицы играла красная лисица, и опредѣлялось, сколько лисицъ дается за извѣстный предметъ или вѣсъ, или за сколько красныхъ лисицъ принимается тотъ или другой мѣхъ [1]). Правила эти существовали до 1869 г., когда бар. Майдель въ видѣ опыта допустилъ вольную торговлю. Слѣдующій за нимъ исправникъ возстановилъ прежній порядокъ и представилъ проектъ новыхъ правилъ, но по заключенію министра финансовъ (отъ 27 апр. 1875 г.) правила эти были отклонены, какъ стѣснительныя для инородцевъ, и съ тѣхъ поръ вольный торгъ больше не нарушался. Характеръ торговли отъ того, что она стала свободной, не измѣнился и теперь. Для предметовъ издавна обращающихся на ярмаркѣ (какъ желѣзныя издѣлія, табакъ и др.), сравнительной единицей обмѣна, какъ по традиціи, такъ и для удобства, продолжаетъ служить лисица, — ибо понятія о цѣнахъ (т. е. мѣновомъ отношеніи предметовъ къ деньгамъ), денежныхъ знакахъ и представленія объ ихъ надобности чукчи до сихъ поръ не имѣютъ,—только никто не обязанъ придерживаться какой-либо мѣновой таксы, отступленіе отъ которой для русскихъ наказывалось раньше запрещеніемъ торговать въ теченіе одной или больше ярмарокъ. Но когда дѣло идетъ о новинкахъ, то ихъ мѣновая цѣнность (т. е. количественное отношеніе, въ которомъ одинъ предметъ обмѣнивается на другой) опредѣляется главнымъ образомъ впечатлѣніемъ, какое онѣ произвели на глазъ дикаря.

---

[1]) Ежегодно передъ выѣздомъ изъ Нижне-Колымска въ Островную крѣпость торговцы выбирали изъ своей среды ярмарочныхъ старшинъ, пересматривавшихъ мѣновую таксу, наблюдавшихъ на ярмаркѣ за ея выполненіемъ и каравшихъ нарушителей, т. е. тѣхъ, которые давали чукчамъ за мѣхъ больше, чѣмъ полагалось по таксѣ. Наказаніе, приводившееся въ исполненіе полицейской властью, доходило иной разъ до запрещенія провинившемуся торговать на ярмаркѣ на всегда. Торговые старшины передъ выходомъ въ Островную составляли «актъ», который подписывался купцами и «кредитованными мѣщанами» (прикащиками).

Изъ имѣющагося у насъ акта за 1832 годъ мы приведемъ тутъ мѣновую таксу:

1 пудъ черкасскаго табаку = 10 краснымъ лисицамъ; 1 п. желѣзныхъ котловъ = тоже; 1 п. мѣдныхъ котловъ = 20 краснымъ лисицамъ; 1 мѣдный чайникъ = 1 красной лисицѣ; 1 топоръ желѣзный = 2 песцамъ или 2 моржовымъ клыкамъ; 1 желѣзный ковшъ = 1 песцу или свитку моржовыхъ ремней; 1 пальма (небольшая рогатина) = тоже; 1 ножъ = 1 выпоротку; 20 красныхъ лисицъ = 1 чернобурой лисицѣ; 4 крас. лис. 1 = бобру; 3 кр. лисицы = 1 рыси; 2 крас. лисицы = 1 сиводушкѣ или 1 выдрѣ; 1 красная лисица = 3 куницамъ, 4 песцамъ, 4 моржовымъ зубамъ, 4 пыжикамъ, 15 выпороткамъ, 1 черной или бѣлой медвѣдицѣ.

На ярмарку оленные чукчи доставляютъ одежду изъ оленьихъ шкуръ, шкуры, ровдугу, живыхъ оленей на убой и въ небольшомъ количествѣ полярныхъ и другихъ лисицъ; сидячіе—тюленьи шкуры, моржовые ремни, клыки, китовый усъ, бѣлыхъ медвѣдей и песцовъ; носовые—дорогіе мѣха (бобровъ, куницъ, черныхъ лисицъ, голубыхъ песцовъ и т. д.), добываемые ими не на скалахъ крайняго сѣверо-востока, а помощью обмѣна на русскій табакъ у обитателей островов Берингова моря и сѣверо-западныхъ береговъ Америки. Когда товары доставлялись на крайній сѣверо-востокъ единственнымъ путемъ—сухопутнымъ (изъ Якутска), естественно, что всѣ чукчи—и съ Берингова полуострова и съ Чукотскаго носа, приходили за ними въ Колымскій округъ, но уже въ первой половинѣ настоящаго столѣтія у нашихъ торговцевъ явились опасные конкуренты въ лицѣ контрабандныхъ американскихъ китолововъ, а въ послѣднее время и въ пароходахъ добровольнаго флота, доставляющихъ товары въ Гижигу, откуда Анадырскіе торговцы доставляютъ ихъ въ чукотскія стойбища. Носовые чукчи, получая такимъ образомъ товары лучшаго качества и дешевле, все въ меньшемъ числѣ стали приходить въ Анюйскую крѣпость. Раньше ихъ считали на ярмаркѣ сотнями, а въ послѣдніе годы единицами, приходящими исключительно ради черкасскаго табаку, крѣпость котораго теряется отъ морской перевозки. Раньше оборотъ ярмарки выражался въ сотняхъ тысячъ, а теперь не превышаетъ 25.000 руб. Дорогіе мѣха почти отсутствуютъ на ярмаркѣ, и она потеряла значеніе заграничнаго сбыта, сохранивъ лишь характеръ внутренняго обмѣна съ оленными чукчами, ламутами и другими бродячими инородцами округа.

Обращаясь опять къ чукчамъ Колымскаго округа, надо сказать, что, не смотря на то, что часть изъ нихъ считается русскими подданными, жизнь ихъ на тундрѣ течетъ безъ всякаго вмѣшательства русскихъ властей и бытъ ихъ мало извѣстенъ. Въ общемъ чукчи и теперь сохранили свои характерныя черты. Они горды, чванливы, дерзки, безстрашны, мстительны и жестоки, хотя часто бываютъ добродушны. Этическія требованія и добродѣтели еще находятся у нихъ въ той стадіи развитія, когда они главнымъ образомъ проявляются по отношенію къ себѣ, а не къ ближнему. Чукча не терпитъ обмана со стороны купца [1]), требуетъ справедливости, чувствителенъ къ оскорбленіямъ, за которыя онъ требуетъ вознагражденія (какъ мнѣ приходилось ви-

[1]) Чукчи единственный изъ сибирскихъ народовъ, съ которымъ русскіе торговцы ведутъ только наличный обмѣнъ безъ кредитныхъ сдѣлокъ, столь выгодныхъ для купцовъ при торгѣ напримѣръ съ тунгусами, но и со стороны чукчей нѣтъ особаго довѣрія къ русскимъ торговцамъ; они не выпускаютъ изъ рукъ мѣховъ, пока не получаютъ ихъ эквивалента.

дѣть), иначе съ нимъ шутки плохи; но въ своихъ дѣйствіяхъ по отношенію къ другимъ онъ чаще еще руководится необузданностью желанія и правомъ сильнаго. Только инстинктивное сознаніе, что за этой маленькой кучкой русскихъ стоитъ грозная сила, и въ извѣстной степени коммерческій разсчетъ удерживаютъ чукчей отъ насилія на ярмаркѣ. Здѣсь они нерѣдко воруютъ, что плохо лежитъ, а тамъ, у себя на тундрѣ и въ ущельяхъ скалистыхъ горъ, они могутъ и грабить, полагая, что они въ правѣ отнимать то, что имъ нужно и чего не хотите дать добровольно [1]). Но это все-таки относится больше къ чукчамъ, кочующимъ къ востоку отъ Колымы—до Чукотскаго носа, куда до послѣдняго времени рѣдко кто изъ русскихъ отваживается ѣхать [2]). Прежде такія поѣздки были запрещены и даже знаменитый Муравьевъ-Амурскій счелъ нужнымъ въ 1859 г. запретить русскимъ ѣздить къ чукчамъ безъ особаго разрѣшенія начальства изъ опасеній какихъ-либо столкновеній. На нравы же чукчей, кочующихъ между Колымой и Индигиркой, сосѣдство русскихъ повліяло смягчающимъ образомъ. Теперь эти чукчи являются къ русскимъ безъ опасенія, довѣрчиво угощаются и у себя на тундрѣ привѣтливо принимаютъ русскихъ и якутскихъ торговцевъ, теперь ужъ не слышно объ убійствѣ у нихъ слабыхъ дѣтей и стариковъ, мужья проя-

---

[1]) Считаю необходимымъ тутъ замѣтить, что командированный въ прошломъ году г. Губернаторомъ въ Колымскій округъ Совѣтникъ Областнаго Правленія Д. И. Меликовъ изъ своего двухъ-мѣсячнаго путешествія вмѣстѣ съ оленными чукчами по дорогѣ изъ Гижиги въ г. Ср.-Колымскъ вынесъ нѣсколько иное впечатлѣніе о чукчахъ. Д. И. Меликовъ болѣе удачно совершилъ путешествіе, чѣмъ другіе, предыдущіе путешественники, проѣхавшіе по чукотской территоріи. По его мнѣнію, оленные чукчи—добродушный, гостепріимный и миролюбивый народъ; со своими стадами оленей они напоминаютъ патріархальныя пастушескія племена. Но съ другой стороны и г. Меликовъ отмѣтилъ ту характерную черту, что воровство у чужихъ чукчи не считаютъ порокомъ, а сами чукчи ему говорили, что у нихъ еще практикуется обычай убіенія стариковъ и что родовая месть еще находится въ полной силѣ. По сообщенію г. Меликова у чукчей существуютъ только 3 рода дѣяній, считаемыхъ преступленіями, за которыя полагаются наказанія: 1) воровство у своихъ, 2) изнасилованіе дѣвственницы, груди которой еще не достигли надлежащаго развитія—при чемъ экспертами въ признаніи зрѣлости или незрѣлости у дѣвушки органовъ кормленія бываютъ «старики» и 3) убійство. По всѣмъ этимъ преступленіямъ «старики» произносятъ приговоръ, состоящій въ пенѣ, тѣлесномъ наказаніи или смертной казни, а исполненіе приговора предоставляется роду, къ которому принадлежитъ субъектъ преступленія. Если родъ этотъ откажется отъ исполненія приговора надъ своимъ членомъ, то родъ, къ которому принадлежитъ объектъ преступленія, получаетъ свободу въ своихъ дѣйствіяхъ и рано-ли, поздно-ли — иной разъ проходятъ многіе годы или десятки лѣтъ—но возмездіе совершается.

[2]) Изъ Нижне-Колымска русскіе ѣздятъ только для промысла нерпъ на берегъ Ледовитаго океана, не удаляясь далеко на востокъ, доѣзжаютъ иной разъ до Чаунскихъ чукчей, но не дальше Шалахскаго мыса. Въ Анюйскую крѣпость пріѣзжаютъ русскіе также изъ Анадырскаго края, но не ради товаровъ, которые стоятъ тамъ гораздо дешевле, а исключительно, чтобы запастись водкой.

вляютъ иной разъ ревность, хотя встрѣчаются еще случаи переживанія обычая гостепріимной проституціи. Мнѣ извѣстны случаи, когда родоначальники двухъ стойбищъ, въ знакъ заключенія дружбы, обмѣнивались на ночь женами. Богатые чукчи имѣютъ обыкновенно больше одной жены. Встрѣчаются отдѣльные случаи ухода или продажи [1]) русскихъ женщинъ, но это не есть обычное явленіе, наоборотъ знакомство съ чукотскимъ ложемъ считается ругательствомъ у Нижне-Колымскихъ бабъ. Ѣздившій при мнѣ на тундру вмѣстѣ съ женой русскій торговецъ служилъ объектомъ для остротъ: утверждали, что жена заслуживаетъ мужу дружбу и подарки чукчей. Нельзя, наконецъ, не упомянуть о томъ, что чукчи нерѣдко проявляютъ чувство человѣколюбія, и что благотворителями могутъ быть и дикіе люди: во время частыхъ голодовокъ на Колымѣ, богатые люди жертвуютъ голодающимъ оленей, хотя потомъ хвастаютъ, что содержатъ все населеніе.

Но въ общемъ жизнь чукчей мало чѣмъ измѣнилась отъ сосѣдства ихъ съ русскими. Передвижныя ихъ жилища и теперь еще состоятъ изъ ровдужныхъ шатровъ, внутри которыхъ устанавливаются одинъ или нѣсколько прямоугольныхъ пологовъ изъ оленьихъ шкуръ, сшитыхъ наглухо, и въ пологи вползаютъ, приподымая край одной изъ стѣнъ. Внутри, на шкурахъ, сидятъ обнаженные до пояса мужчины, татуированныя женщины и голыя дѣти; коптится свѣтильникъ изъ ягеля, напитаннаго оленьимъ саломъ или ворванью, духота, запахъ пота, вонь и грязь. Трудно себѣ представить болѣе грязный народъ, чѣмъ чукчи. Послѣ неприличнаго поведенія ребенка мать продолжаетъ стряпать и угощать гостей, не почиститвъ рукъ. Лакомство чукчей — тѣсто изъ сала, мозговъ и содержимаго желудка оленя — чуть не вызвало у меня рвоты. Разъ мнѣ случилось заночевать въ чукотскомъ стойбищѣ, и я предпочелъ спать на морозѣ, чѣмъ въ пологѣ, гдѣ ночью отправляются всѣ нужды. Самое худшее время для чукчи — короткое лѣто, когда кочевать приходится по болотамъ; комары, мошки и оводы терзаютъ людей и животныхъ; олени бѣгаютъ съ храпомъ, бѣсятся и разбѣгаются; — такъ что зима со своими жестокими морозами, пургами и мракомъ гораздо милѣе ему лѣта. На самомъ большомъ морозѣ чукчанка съ полуоткрытымъ бюстомъ [2]) варитъ

[1]) Мнѣ извѣстенъ одинъ только фактъ продажи мѣщаниномъ изъ селенія Походскъ своей 13-лѣтней дѣвочки за 10 оленей, но это дошло до свѣдѣнія мѣстныхъ властей, которыя отобрали несчастную дѣвочку отъ чукчей. Къ счастію стойбище ихъ тогда еще было не далеко отъ Нижне-Колымска.

[2]) Домашній костюмъ чукчанки состоитъ изъ пыжиковыхъ (шкуры оленьихъ телятъ) широкихъ штановъ, сшитыхъ наглухо съ курткой и когда ей жарко, она снимаетъ одинъ рукавъ, оголяя руку и плечо и выставляя татуированную грудь. Въ пологѣ она и совсѣмъ раздѣвается.

на дворѣ надъ костромъ оленину и кипятитъ въ мѣдномъ чайникѣ кирпичный чай.

Не смотря на все сказанное, чукчи самый счастливый изъ всѣхъ сѣверныхъ инородцевъ, онъ всегда сытъ и съ презрѣніемъ смотритъ на своихъ убогихъ сосѣдей. Ему невѣдома лучшая жизнь, а когда напьется настоя мухомора или русской водки, онъ самый счастливый, но и самый буйный изъ смертныхъ. Дикость его натуры обнаруживается также въ играхъ, въ состязаніяхъ. Побѣжденный считаетъ себя кровно обиженнымъ побѣдителемъ, выраженіе одобренія второму вызываетъ въ первомъ ярость и чувство мести. Со сверкающими глазами, со скрежетомъ зубовъ и съ пѣной у дико искривленнаго рта онъ хватаетъ ножъ и бросается на побѣдителя. На Анюйской ярмаркѣ я видѣлъ такую сцену, и ничего нѣтъ страшнѣй и отвратительнѣй ея. Рѣдко поэтому чукотское празднество кончается безъ увѣчій или даже убійства съ его послѣдствіями—родовой мести.

Не зная даже приблизительно количества чукчей въ различные періоды нельзя дѣлать никакихъ заключеній объ увеличеніи или уменьшеніи ихъ численности, но смѣло можно сказать, что это еще не вымирающій народъ. Да это и понятно: какъ пастухи-оленеводы, они не нуждаются въ такой обширной территоріи, какъ бродячіе охотники, а между тѣмъ они занимаютъ гораздо большую территорію, чѣмъ какая нужна, по вычисленію ученыхъ, охотничьему племени — территорію, которую они отстояли, нагнавъ страхъ какъ на старинныхъ сосѣдей, такъ и на пришлые народы, не исключая и русскихъ; только передъ «огненнымъ оружіемъ» послѣднихъ они отступили немного къ востоку. То обстоятельство, что въ началѣ первой половины этого столѣтія чукчамъ понадобилось расширеніе своей территоріи, можетъ быть, объясняется увеличеніемъ народонаселенія.

Г. Якутскъ. 10 апр.
1894 г.

Вл. Іохельсонъ.

Особенности языка латышскаго писателя Г. Манцелія.

Георгій Манцелій, сынъ лютеранскаго пастора Каспара Манцелія, родился въ Курляндіи (въ Гренцгофѣ) въ 1593 г. Первоначальное образованіе онъ получилъ дома у частныхъ учителей и только съ 1608 года началъ посѣщать училище сначала въ Митавѣ, а потомъ въ Ригѣ. Отсюда въ 1611 году онъ отправился въ Франкфуртъ на Одерѣ, но такъ какъ здѣсь началась католическая реакція, то онъ оставилъ этотъ городъ и поступилъ въ одно высшее учебное заведеніе, такъ называемое «fürstliches Pädagogium», въ Штетинѣ, гдѣ занимался богословіемъ и философіей. Въ слѣдующемъ году онъ уже перешелъ въ Роштокъ и записался въ тамошній университетъ. Въ 1615 году онъ возвратился на родину, чтобы достать средства для продолженія образованія въ другихъ университетахъ. Но здѣсь онъ былъ Курляндскимъ герцогомъ Фридрихомъ совершенно неожиданно назначенъ пасторомъ въ Вальгофѣ. Отсюда въ 1620 г., когда свирѣпствовала война и моровая язва, онъ былъ переведенъ въ Зельбургъ. Но такъ какъ послѣдній былъ взятъ Шведами, то онъ въ 1625 г. отправился въ Дерптъ, нынѣшній Юрьевъ, будучи избранъ оберпасторомъ нѣмецкой церкви. Послѣ основанія здѣсь королемъ Густавомъ Адольфомъ академической гимназіи, Манцелій былъ назначенъ сюда профессоромъ полемики и греческаго языка (въ 1630 г.) и послѣ преобразованія гимназіи въ университетъ (въ 1632 г.) онъ занималъ должность профессора богословія. Въ томъ же году онъ получилъ ученую степень лиценціата богословія, какъ онъ именуетъ себя въ изданныхъ имъ книгахъ. Онъ занимался усердно, читалъ много коллегій и съ 1636 года исправлялъ также должность ректора. Но скоро послѣ этого въ 1637 г. герцогъ Фридрихъ, вспомнивъ о заслугахъ отца Манцелія, и предполагая, что качества и достоинства отца также присущи сыну, пригласилъ послѣдняго въ Митаву въ санѣ придворнаго проповѣдника и духовнаго отца. Не смотря на настоятельныя просьбы остаться въ Дерптѣ, онъ, желая исполнить данное раньше обѣщаніе, отправился въ Митаву. Упомянутую должность онъ занималъ въ теченіе 17 лѣтъ и умеръ тутъ же въ Митавѣ въ 1654 году. Кальмейеръ приводитъ какое-то старинное свидѣтельство, говорящее о немъ,

какъ о настоящемъ образцѣ ученаго и блаженномъ учителѣ безъ фальши и злобы [1]).

Въ просвѣщенія латышскаго народа Манцелій имѣетъ огромное значеніе и не даромъ онъ называется отцомъ латышской письменности. Были правда латышскія книги и до него, какъ: катехизисъ, духовные гимны, Евангелія и страданіе Христово, но языкъ ихъ переполненъ ошибками. Манцелій, будучи плодовитымъ писателемъ, былъ и однимъ изъ первыхъ, которые серьезно занимались латышскимъ языкомъ. Онъ исправилъ и дополнилъ прежнія книги, перевелъ Сираха и одинъ разсказъ о разрушеніи Іерусалима и издалъ эти сочиненія подъ общимъ заглавіемъ: Lettisch Vademecum (Рига 1631—1643. См. Реке и Напьерскій). Потомъ онъ составилъ первый латышскій словарь съ фразеологіей: Lettus, Das ist Wortbuch (Рига. 1638 г.). Но главнымъ его сочиненіемъ былъ сборникъ латышскихъ проповѣдей: Lang-gewu'nschte Lettische Postill (Рига 1654 г.), содержащій въ себѣ около 1200 страницъ (три части).

Манцелій, будучи самъ нѣмцемъ, придерживался нѣмецкой ороографіи и въ латышскомъ языкѣ. Короткія гласныя онъ выражаетъ удваиваніемъ слѣдующихъ согласныхъ, напр.: Radditais (V. S., т. е. Сирахъ изъ вадемекума, стр. 1) создатель, Katters (V. S., 1) который, labbi (V. S., 2) хорошіе, sinnaht (V. S., 1) знать, warra'hns (V. S., 1) могущественный. Только вмѣсто «kk» и «zz» онъ пишетъ «ck» и «tz», какъ и на нѣмецкомъ языкѣ, напр.: Acka (V. S., 1) колодезь, tickay (V. S., 2) только, Titziba (V. S., 3) вѣра. Долгота гласныхъ выражается посредствомъ буквы «h» или тѣмъ, что слѣдующая гласная не удваивается, напр.: kļuht (V. S., 1) сдѣлаться, rahms (L. S., 2) тихій, Swa'tu (V. S., 1) святаго. Исключеніе составляетъ только долгая гласная «i», которая передается или посредствомъ «ie» или посредствомъ «y», напр.: muhschiegs (V. S., 1) вѣчный, dsiewo (V. S., 1) живетъ, Lyxmibu (V. S., 1) радость, myļoht (V. S., 1) любить. Но иногда пишется и «ih», напр.: ihsta'na (V. S., 2) истинная, даже «yh», напр.: byht (V. S., 2) бояться. Касательно гласныхъ замѣчательно еще то, что Манцелій различаетъ въ правописаніи широкое «e(=a')» и закрытое «e(=e)» напр.: Da'hls (V. S., 3) сынъ, Sa'ltz (V. S., 3) золото. mehs (V. S., 4) мы, Bett (V. S., 2) но. Этого различія въ письмѣ не выразилъ никакой

---

[1]) Біографическія свѣдѣнія почерпнуты мною изъ слѣдующихъ сочиненій:

C. L. Tetsch. Curländischer Kirchen Geschichte. Riga und Leipzig. 1767.

I. I. von Recke und K. E. Napiersky. Allgemeines Schriftsteller - und Gelehrten-Lexikon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland. Mitau 1827—1861.

T. Kallmeyer. Die evangelischen Kirchen und Prediger Kurlands. Mitau. 1890.

писатель послѣ него [1]). Звукъ «g» Манцелій пишетъ обыкновенно черезъ «gh», напр.: Ghuddriba (V. S., 1) мудрость, Ghods (V. S. 1) честь. Иногда «h» ставится и послѣ «t», напр.: thas (V. S., 1) этой, Tha'wu (V. S. 4) отца. «Nh» встрѣчается только въ словѣ: nhe (V. S., 2) не. Манцелій первый употребляетъ перечеркнутыя буквы для обозначенія мягкихъ звуковъ, напр.: kļuht (V. S., 1) сдѣлаться, Zeļļu (V. S., 3) дорогу, mehŗo (L. S., т. е. приложенныя къ словарю изреченія Соломона, V, 21) мѣрить, kaŗŗos (V. S., 8) будетъ воевать, Blehņas (L. S., XXII, 15) пустяки, Brunņas (L. S., XXX, 5) брони. Буква «n» іотируется иногда посредствомъ «j», «y», «g», даже «gh», напр.: winja (V. S., 2) его, Koninju (P., т. е. Lettische Postill, I, 78) короля, Koninya (L. S., I, 1) короля, winyo (L. S., I, 6) ихъ, șepting-padeszmitt (P. I, 84) семьнадцать, wingha (L. S., XXV, 5) его. Іотированныхъ «k» и «g» онъ не выражаетъ особенными знаками. Первое онъ обыкновенно передаетъ черезъ «gk», напр.: Sagkis (L., т. е. Lettus, подъ Hase). Kagke (L. подъ Katz), Iegka (L. S., X, 8) безумца,— а втораго онъ не различаетъ въ письмѣ отъ простаго «g», напр.: Ghiemis (L. подъ Gestalt), gherbt (L. Phras. C, XIX) одѣвать. Звукъ «s» онъ пишетъ то черезъ «ș», то черезъ «sz», то черезъ «sș», напр.: șehsch (V. S., 1) сидитъ, krahsznis (V. S., 1) красивый, passarga (V. S., 2) охраняетъ. Для обозначенія звука «š» употребляется большею частью «sch», напр., schurpu (V. S., 4) сюда, но нерѣдко тоже «ssch» и «șch», напр.: Saprasschana (V. S., 1) разумъ, Șchy (V. S., 2) эта. Звуки «z» и «ž» выражаются черезъ «s» и «sch», напр.: sinnaht (V. S., 1) знать, muhschiegs (V. S., 1) вѣчный. Вмѣсто сочетаній «ks» и «ts» Манцелій употребляетъ «x» и «tz», напр. Preex (V. S., 1) радость, șwehtietz (V, S., 2) благословенный. По нѣмецкому образцу онъ и пишетъ вмѣсто «kw» «qu», напр.: Queckschkis (L. подъ Spürhund), Queeschi (L. подъ Weitzen) Вмѣсто «j» иногда встрѣчается и «y», напр., domayis (V. S., 1) думавшій, Kahyas (V. S., I, 16) ноги, но буквою «g» пишется этотъ звукъ почти только въ словѣ «gir»—есть. Буква «h» ставится иногда и послѣ краткихъ гласныхъ, если за ними слѣдуетъ согласная «w», напр.: Addehweis (V. S., 1) отдаватель, kahweyahsz (V. S., XIII, 12) мѣшкаетъ, Ahwis (P. I, 94 но P. I, 273.—Awis) овца. Также только орѳографическое значеніе имѣетъ буква «b» вставляемая между согласными «m» и «t» (или d), напр.: jembt (L. подъ nehmen), simbtz (L. подъ hundert), Iumbts (L. подъ Tach),

[1]) За исключеніемъ однако двухъ трехъ не большихъ книжекъ появившися до времени Глюка.

ghrimbdams (V. S., XXVIII, 17) утопающій. Букву «о°» Манцелій пишетъ послѣдовательно въ словахъ so°w (V. S., 2) себѣ и «to°w» (V. S., 3) тебѣ. Наконецъ окончаніе «iņš» онъ передаетъ буквами «ings», напр.: Konings (P. I, 20) король, Zillwehzings (P. I, 15) человѣчекъ, Meedsings (P. I, 167) легкій сонъ.

Имена существительныя, имѣющія въ окончаніи основу «i», сохранили это «i» у Манцелія тоже въ именительномъ и родительномъ падежахъ единственнаго числа, напр.: labba Ahwis (P. I, 94) хорошая овца, Leela Siwis (P. II, 365) большая рыба, sautzama Ballxnis (P. I, 46) гласъ вопіющаго, Ausz, Ausșis (L. подъ Ohr), Pillis Kungs (P. I, 157) сотникъ, Siwis wa°hdarà (P. I, 272) въ животѣ рыбы. Șirrdes Padomu (P. I, 22) помыселъ, Debbesșes-Manntu (P. I, 20) небесное сокровище. Но болѣе обыкновенны все-таки формы безъ «i». Вмѣсто обыкновенныхъ окончаній дательнаго падежа единственнаго числа словъ женскаго рода иногда встрѣчаются сокращенныя формы на «i», напр.: Meesși (P. I, 160) тѣлу, lieds pastari Deeni (P. I, 204) до послѣдняго дня, т. е. преставленія свѣта, Șirrdi (P. I, 248) сердцу, Balxni (P. I, 288) голосу, Teesși (P. I, 519) суду, Pili (P. II, 185) городу. Въ единственномъ числѣ замѣчательно еще окончаніе мѣстнаго падежа на «n», напр.: pirrmajan kahrtan (P. I, 463) во первыхъ, tan sa°sta- padeszmittan weetan (P. I, 461) на шестнадцатомъ мѣстѣ, semmen (V. L., т. е. Geistliche Lieder изъ вадемекума, стр. 76) на землѣ, kohpan (V. C. т. е. Catechismus изъ вадемекума листъ Hiij) вмѣстѣ. Въ родительномъ падежѣ множественнаго числа у Манцелія встрѣчается исключительно окончаніе на «o», напр.: Durrwo (P. I, 42) дверей, Sohbo (P. I, 158) зубовъ, Ļauscho (P. III, 108) людей, Șeewo (P. III, 108) женъ, muhsșo (P. I, 14) насъ, jnhsșo (P. I, 56) васъ. Въ дательномъ падежѣ множественнаго числа употребляется то теперешнее окончаніе «m», то полное окончаніе «ms». Возьмемъ примѣры съ послѣднимъ окончаніемъ: Wiereems (P. II, 63) мужамъ, Darrbeems (P. II, 17) работамъ, Șeewahms (P. II, 183) женамъ, Rokahms (P. II, 286) рукамъ, Drehbehms (P. II, 15) платьямъ, Semmehms (P. II, 242) землямъ, Atzihms (V. E., т. е. Евангелія изъ вадемекума листъ Hij) глазамъ, Pallaiszdameesz vsz șaweems passcheemes attrasta Darbeems (V. L., 25) полагаясь на свои собственныя дѣла. Есть тоже не много примѣровъ, гдѣ буква «p» прибавляется къ имени существительному. Эти слова выражаютъ направленіе, напр.: Kad jums Deews Wierohp litzis eet (P. I, 85) когда Богъ предназначилъ вамъ выйти замужъ. Tad Wings mums Kahjohp zeļļ (P. II, 338) тогда онъ возставляетъ насъ на ноги. Ma°ttahsz Kahjohp (P. II, 340) отправляется въ дорогу.

Въ третьемъ лицѣ настоящаго времени встрѣчается у Манцелія полное окончаніе въ слѣдующихъ глаголахъ: adbillda (P. I, 64) отвѣчаетъ, gluhna (P. I, 371) подстерегаетъ, neesa (P. I, 519) чешется, triesse, drebbe (P. I, 22) дрожитъ, dseeda (V. L., 16) поютъ, skanne (V. L., 16) звучатъ. Второе лицо настоящаго (и будущаго) времени имѣетъ троякое окончаніе: 1)—aita, напр.: sinnaita (P. I, 13) знаете, klauszaita (P. I, 339) слушаете; 2)—eeta, напр.: warreeta (P. I, 8) можете, buhsseeta (P. I, 462) будете, atrasseeta (P. I, 77) найдете; 3)—aht, напр.; sinnaht (P. I, 7) знаете, sackaht (P. 1, 340) говорите, darraht (P. I, 378) дѣлаете. Тѣ же самыя окончанія имѣетъ и повелительное наклоненіе. По новѣйшимъ грамматикамъ латышскаго языка окончаніемъ третьяго лица имперфекта долженъ быть звукъ «a», но старые писатели употребляютъ эту форму чуть ли не исключительно съ окончаніемъ «e». У Манцелія встрѣчается и то и другое, напр.: nahze (V. E., листъ A) приходилъ, atwedde (ibid.) привелъ, satziya (ibid.) сказалъ, noticka (ibid.) случилось. Въ сослагательномъ наклоненіи языкъ Манцелія разнится отъ теперешняго въ первомъ и второмъ лицахъ множественнаго числа, напр.: ghribba°tam (P. I, 15) мы хотѣли бы, eeghrimbtam (P. I, 136) мы утопали бы, kallpohtam (P. I, 341) мы служили бы, taptaht (P. I, 7) вы сдѣлались бы, buhtaht, buhteeta (P. I, 529) вы были бы, warra°taht (P. III, 133) вы могли бы. Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ особенностей языка Манцелія есть причастіе настоящаго времени съ окончаніемъ «tins, tina», которое теперь вполнѣ вымерло. Даже грамматики не упоминаютъ о немъ. Причастіе это выражаетъ возможность или необходимость дѣйствія, напр.: Bett kur tasz meckletins? kur gir tasz attrastins? (P. I, 136) гдѣ можно его искать, гдѣ можно его найти? Kahdas Mohkas tam zeestinas! (P. I, 273) какія страданія онъ долженъ перенести! Iauni Laudis audsa°tini eekschan Deewa-Bijaschanas (P. I, 208) молодыхъ людей надо воспитывать въ благочестіи. Kad te Laudis pallidsa°tini (kad teems Laudeems japalieds) gir (V. S., 8), когда людямъ надо помочь. Не смотря на то, что это окончаніе «tins» имѣетъ звукъ «i», въ предидущихъ слогахъ, Манцелій всетаки передаетъ звукъ «e» черезъ широкое «a°», напр.: da°hwa°tins (V. S., 78) называемый, thurra°tini (V, S., 63) держимые, audsa°tini (см. выше), pallidsa°tini (см. выше), изъ чего мы могли бы по извѣстному закону латышскаго языка заключить, что этотъ звукъ «i» произошелъ отъ дифтонга «°ai», но въ этомъ правописаніи Манцелій не послѣдователенъ, такъ какъ встрѣчаются и формы, какъ: meckletins (см. выше), behktini (P. III, 120) избѣгаемые. Что касается особенностей остальныхъ причастій, то Манцелій употребляетъ ихъ съ полнымъ окончаніемъ и тамъ, гдѣ нынѣшняя рѣчь требуетъ усѣченныхъ окончаній. напр.: Winge nhe sin-

nohtz, ko tha Seewa runnajohti (P. III, 63)—онъ де не знаетъ, что говоритъ эта женщина. Noah buhschohtz tasz ihsta'ns Preex (P. I, 234), что Ной будетъ источникомъ настоящей радости. Iums tahda Titziba, ka juhsz ghaideeta to paschu Elia no Da'bba'ssu atnahkamu (P. I, 44)—вѣра ваша такова, что вы ожидаете, что вотъ де Илья снизойдетъ съ небесъ. Если отъ глаголовъ gribet (хотѣть) и gaidit (ожидать) зависитъ предложеніе, выражающее желаніе, то Манцелій передаетъ это черезъ причастіе, напр.: Kad Kaimings py Kaiminju... nahk, tad ghaida Weesis meelojams (P. I, 529)—когда сосѣдъ посѣщаетъ сосѣда, то гость ожидаетъ, чтобъ его угощали. Ickkattris Ta'hws ghribbahsz zeenijams no sawu Ba'hrnu (P. II, 242)—каждый отецъ хочетъ, чтобы дѣти его почитали. Aisto tas Kungs grribb, to Tha'wu zeenijamu no teem Ba'hrneem (V. S., 4)—ибо Господь хочетъ, чтобы дѣти почитали отца. Такая конструкція встрѣчается еще въ народныхъ пѣсняхъ, напр.:

Grib semrte lab' arama,
Wal grib labi ezejam'.

(A. Bielenstein. Lettische Volkslieder, 267). Земля хочетъ, чтобъ ее хорошо пахали и чтобъ ее хорошо боронили. Очень часто у Манцелія встрѣчаются такого рода предложенія, какъ: Kasz teem Iuhry buhdami notitzees (P. I, 186)—что съ ними случилось, когда они были на морѣ. Здѣсь причастіе buhdami въ именительномъ падежѣ относится къ слову teem въ дательномъ падежѣ. Въ виду того, что Манцелій пишетъ довольно правильнымъ языкомъ, насъ поражаетъ такая странная ошибка. Объясняется это вѣроятно тѣмъ, что Манцелій смутно чувствовалъ, но еще не ясно сознавалъ того, что причастіе на «—dams» не ставится въ косвенныхъ падежахъ. Надо еще замѣтить, что конструкція этого причастія объяснена только въ самое послѣднее время.

Между предлогами встрѣчаются у Манцелія слѣдующія особенности: uhsz (P. I, 13) = тепер. us на, ihsz (P. I, 150) = тепер. is изъ, ihs (P. I, 80), ihsz (P. I, 150)=тепер. lihds до, behs (P. I, 507)=тепер. bes безъ, labbahd (П. I, 243)=тепер. labad ради, py (P. I, 34)=тепер. pee у, eekschan (P. I, 76) = тепер. eeksch въ, внутри, wirsson (P. I, 13) = тепер. wirs на, preekschan (P. I, 13) = тепер. preeksch передъ, starpan (P. II, 256) = тепер. starp между, aran (P. I, 196) = тепер. is, no — изъ, отъ, напр.: Wings to'w... iszrausz aran tahsz Nahwes Saites (P. I, 196) — онъ вырветъ тебя изъ оковъ смерти. Этотъ послѣдній предлогъ по всей вѣроятности есть просто нарѣчіе ahrâ (на дворѣ, вонъ), употребляемое Манцеліемъ обыкновенно вмѣсто предлога. Это же слово

aran встрѣчается у Манцелія въ смыслѣ нарѣчія, напр.: Iszghruhd aran to Kallpon (V. E., листъ Fiij)—прогони эту служанку. Изъ другихъ частей рѣчи уклоняются отъ теперешняго языка еще слѣдующія слова: Thabapehtz (P. I, 223)=тепер. tapehz потому, Turplieg (P. I, 74)=тепер. turpmak впереди, zaͤtzaͤn (P. I, 83)=тепер. ẟezen (это слово встрѣчается только въ священныхъ книгахъ и народныхъ пѣсняхъ) мимо, Aisto (P. I, 9)=тепер. jo ибо. Слова «jo» Манцелій совсѣмъ не знаетъ и пишетъ каждый разъ «aisto» вмѣсто него. Союзъ «un» и—Манцелій пишетъ только «und, unnd, vnd, vnnd», въ пѣсняхъ тоже «vnde» (V. L., 47). Въ словарѣ его встрѣчается такое объясненіе: Vnd, v n d, Schrunden, i n n. Такъ какъ союзъ «un» въ народныхъ пѣсняхъ каждый разъ является лишнимъ словомъ, то можно предполагать, что онъ не очень древнее заимствованіе съ нѣмецкаго языка, но судя по упомянутому объясненію въ словарѣ, это слово употреблялось въ народной рѣчи уже во времена Манцелія.

Вопросъ Манцелій выражалъ черезъ постановку словъ по образцу нѣмецкаго языка и вопросительная частица «wai» встрѣчается у него очень рѣдко. Вопросительныя предложенія образуются также прибавленіемъ слога «gi» или только звука «g» къ слову, имѣющему логическое удареніе, напр.: Girrahg pareise Ṣwaͤhtà-deenà dseedinaht? (P. II, 281) Позволительно ли врачевать въ субботу? Tuggi essi tasz Messias? (P. I, 41). Ты ли Мессія? Essieg tad tu Elias? (P. I, 43). Илія ли ты? Warrieg Acklis Acklam Zeḷḷu rahdiet? Negg kriet tee abbi - diwi Beddreh? (P. II, 72). Можетъ ли слѣпой водить слѣпаго? Не оба ли упадутъ въ яму? Arrieg tad tu ka Muhx dsiewohsṣi? (P. I, 294). Развѣ ты будешь жить монахомъ?

Кромѣ грамматическихъ особенностей встрѣчаются у Манцелія тоже лексическія. Я приведу здѣсь нѣсколько словъ, которыхъ нѣтъ въ словарѣ Ульманна или которыя имѣютъ значеніе для этнографіи. Ein Pfennig, K a u s z (L. Phras. Cap. XXXII). Ein Schilling, S c h k i l l i n g s, A r t a u g s (ibid.). Слово Artaugs = тепер., artaws происходитъ по всей вѣроятности отъ шведскаго Örtug. Was der Braͤutgamb der Braut Eltern vnd Freunden giebt, K r e e n s, K r e e n a N a u d i (ibid.). Morgen Gab, die das Weib zum Manne bringt, R i e k a p u h r s (L.). Ein Baͤnnichen, Waiņax. von Messing, M i s s i ņ a - w a i ņ a x. mit Spangen, a r S p a n g h a m. von Pferdeharen, n o S a ŗ ŗ e e m: t a M e i t a s naͤ s ṣ a zaͤ h s ṣ a, im Wendischen vnd da herumb. (L. Phras. Cap. XIX). Kraut, da sie blaw ferben, M e h ļ o h t n i. damit man roht faͤrbet. M a h r a n i (L. Phras. Cap. XX). Reyer, G h o r r n i s (L. Phras. Cap. VV). Ein Fischerboht, K a h r p i s (L. Phras. Cap. IX). Runde kleine Ruͤben, D u p p u ŗ i (L. Phras. Cap. XVI). Ein Schloss, P i l s,

eine feste Stadt, idem, eine offene Stadt, Ja°llghawa (L. Phras. Cap. XXXVIII). Hauptmann, Stadthalter, Pillskungs (L. Phras, Cap. XLIII). Sonnenfinsterniss, Saules maitaschana Mondfinsterniss, Mehnesz maitaschana (L. Fhras. Cap. XXXV). Reval. Daņņapills (L. Phras. Cap. L). Mitaw, Nietauja (ibid.), тепер. Ielgawa. Finnland, Ṣohma-Semme (L. Phras. Cap. XXXVII). Слово dabut добыть Манцелій пишетъ постоянно dabbuit (P. I, 10). Дифтонгъ «ui» сохраняетъ это слово еще въ слѣдующихъ формахъ: dabbuits (P. I, 24), dabbuisz (P. I, 196), dabbuitu (P. I, 293), dabbuitina (V.S, 1). Относительно слова имѣть, въ словарѣ Манцелія сказано, что въ латышскомъ языкѣ соотвѣтствующаго глагола нѣтъ (haben, deficit), все-таки въ сборникѣ проповѣдей встрѣчаются нѣсколько предложеній съ такимъ глаголомъ, напр.: Wisṣa Łeeta ṣawu Łaiku ṫurr (I, 94). Всему свое время. Kungs, kad es to°w ṫurru (kad to°w gir) tad nhė ba°hdu esz pehtz Debbesz und Semmesz (I, 411). Боже, если Ты со мною, то я ни о чемъ земномъ не забочусь. .....turreta juhsz ta Keiseŗa Naudu, tad tasz Keisers gir juhsṣo Kungs (II, 362). Если ваши деньги царскія, то царь вашъ повелитель.

Прибавлю еще латышскія народныя пословицы, встрѣчающіяся у Манцелія и являющіяся древнѣйшими примѣрами латышскаго народнаго творчества. Anting kur Stabbuling (L. подъ to°llpisch), Антонушка, гдѣ дудочка (срав. T. [1]), 50). Wer fru°he auffstehet, der jsset fru°h, kurrsch Puttnis aggre zeļļahsz, aggre slauka da°ggunting (L. Phras. Cap. VI). Пташка, что рано встаетъ, рано и носикъ обтираетъ (срав. T., 981). Ie meer Dienstboten, je weniger auffsicht, jo dauds Ṣuņņu, jo mas Ṣa°htu ṣarrgha (L. Phras. Cap. VII). Чѣмъ больше собакъ, тѣмъ меньше дворъ въ охранѣ (срав. T., 1238). Es ist schwerlich zu fliegen ohn Federn, ghruht gir besz Spallwahms skreet (L. Phras. Cap. IIX). Трудно летать безъ крыльевъ. Jo arr, jo nabbags, jo dserr, jo baggahtz (P. I, 289). Чѣмъ больше пашешь, тѣмъ бѣднѣе, чѣмъ больше пьешь, тѣмъ богаче (срав. T., 339). Dsehris, iszdsehris, laid Schkippele maxa (P. I, 335). Пилъ пилъ, пусть заступъ заплатитъ (срав. T., 1113). Kasz pirrk Ṣiwanu Maissà? (P. II, 39). Кто купитъ поросенка въ мѣшкѣ? (срав. T., 1110). Nei manna Zuhka, nei manna Druwa, pee-a°hdussi laid isz-eet (P. II, 224). Не моя свинья, не моя и нива—

[1]) Извѣстія Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при Московскомъ университетѣ. Томъ XL. Труды этнографическаго отдѣла. Книга VI. Матеріалы по этнографіи латышскаго племени. Подъ редакціей Ѳ. Я. Трейланда.

наѣвшись пусть выходитъ (срав. Т., 208). Kahds Darrbs, tahda Allgha, kahds Vhdens, tahdas Siwis, kahda Puttra, tahds Meeturrs (P. III, 156). Какова работа, такова и награда, какова вода, такова и рыба, какова каша, такова и веселка (срав. Т., 337). Asşa Riexte darra rahmus Ba°hrnus (P. III, 156). Хлесткая розга воспитываетъ дѣтей скромными (срав. Т., 1013).

П. Шмидтъ.

ТАВРЕНЬГА
Вельскаго уѣзда.

Этнографическій очеркъ.

Въ видѣ предисловія къ собраннымъ мною этнографическимъ матеріаламъ, ниже помѣщаемымъ, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о своихъ поѣздкахъ по Вельскому уѣзду, Вологодской губ., о своихъ впечатлѣніяхъ и приключеніяхъ.

Задумавши изслѣдовать одинъ изъ самыхъ глухихъ уголковъ сѣвера Россіи, какимъ является описываемая мѣстность – «Тавреньга»,—я первую поѣздку туда сдѣлалъ въ январѣ мѣсяцѣ 1894 г. по зимнему пути и проѣхалъ туда изъ Кадниковскаго уѣзда самымъ кратчайшимъ путемъ, а именно черезъ деревню Заозерье, Нижеслободской волости, въ дер. Зеленую, уже Вельскаго уѣзда. Изъ Заозерья до Зеленой волокъ считается 25 верстъ, но въ дѣйствительности, надо полагать, онъ гораздо длиннѣе, ибо дорога идетъ только до р. Пигомы—7 верстъ—болѣе или менѣе прямо, держится одного направленія на сѣверъ, но затѣмъ становится очень поворотистою и въ данномъ случаѣ какъ нельзя болѣе умѣстна народная поговорка о разстояніяхъ: «баба мѣряла клюкой да махнула рукой». Да дороги въ буквальномъ смыслѣ слова и нѣтъ, а есть только небольшая и очень извилистая тропка («што заяцъ выклюксалъ»,—по замѣчанію моего ямщика), по которой лѣтомъ съ трудомъ проходятъ, а зимою еще съ большимъ трудомъ проѣзжаютъ въ возможно узкихъ саняхъ, да и то «ступью», т. е. шагомъ и съ топоромъ въ рукахъ, такъ какъ ежечасно приходится выходить изъ саней и прорубать или очищать себѣ дальнѣйшій путь. Надо сказать, что тропка эта идетъ густымъ, дремучимъ лѣсомъ, гдѣ еще «изъ вѣковъ топоръ не бывалъ» кромѣ чистки дороги; и толстымъ слоемъ снѣга лѣсъ этотъ гнетъ къ землѣ и ломитъ, ломитъ также его и вѣтромъ, отчего на дорогѣ постоянно находится валежникъ, чрезъ который если можетъ лошадь перескочить, то ладно, а въ противномъ случаѣ ямщикъ выходитъ и, перерубивши валежникъ, сбра-

сываетъ съ дороги, и мы опять двигаемся до слѣдующаго препятствія и т. д. Если же валежнику въ одномъ мѣстѣ очень много и расчистить путь трудно, то объѣзжаютъ его стороной, срубая лѣсъ тамъ, гдѣ сани не проходятъ межъ деревьями. Вотъ почему дорожка эта и является очень извилистою, вѣчно мѣняется въ своемъ направленіи. Ѣхали мы волокъ этотъ часовъ 7 или 8 не меньше, и, принимая во вниманіе наши остановки, все-же, думается, онъ не менѣе 35 верстъ, а не какъ не 25-ть.

Деревня Зеленая, куда мы пріѣхали, заключаетъ въ себѣ до 40 домовъ старинной архитектуры: окна небольшія, съ наличниками разнаго рисунка; это такъ называемые «передки», гдѣ живутъ только весною и лѣтомъ. Возлѣ передковъ, гдѣ-либо сбоку ютятся маленькія избенки «зимовки», гдѣ только по зимамъ живутъ, какъ показываетъ и самое названіе ихъ.

Перемѣнивши здѣсь лошадь, я поѣхалъ далѣе, въ с. Пономаревское, гдѣ, собственно говоря, сосредоточена вся администрація мѣстности: волостное правленіе, земское училище, квартиры окружнаго надзирателя, фельдшера и урядника; затѣмъ большая каменная церковь, дома причта и лавки торговцевъ. По пріѣздѣ сюда мнѣ прежде всего захотѣлось узнать: сколько всѣхъ жителей въ данной мѣстности? Для этого захожу въ волостное правленіе и лично прошу старшину сказать мнѣ объ этомъ, но онъ порылся, порылся въ какихъ-то книгахъ и наконецъ объявилъ мнѣ, что не знаетъ безъ писаря, а писарь обѣдаетъ. Дѣлать нечего, жду писаря, но по прошествіи нѣсколькихъ часовъ, не добившись толку, ухожу къ одному мѣстному торговцу и прошу его добыть мнѣ эти свѣдѣнія черезъ свое знакомство съ писаремъ, на что торговецъ согласился и дѣйствительно исполнилъ мою просьбу, при этомъ сказалъ, что не дали мнѣ свѣдѣній изъ боязни, «для чего, говорятъ, это ему понадобилось? Худа бы не было намъ отъ начальства?»...

Изъ с. Пономаревскаго я поѣхалъ въ дер. Давыдовскую (Хмельники, по мѣстному), по направленію къ Ширыханову, каковой приходъ являлся моимъ конечнымъ пунктомъ изслѣдованія. Дорога въ Давыдовскую идетъ верстъ 6-ть боромъ, возлѣ р. Вель, а затѣмъ все остальное разстояніе до станціи (я ѣхалъ по земскимъ станціямъ, такъ какъ вольныя подводы здѣсь трудно найти) дорога проложена рѣкою, по льду. Изъ Давыдовской поѣхали прямо въ д. Николаевскую—въ Верхней Подюгѣ,—хотя «просёлокъ» идетъ на Нижнюю Подюгу; такъ, прямо, лишь зимою проѣзжаютъ, сокращая путь къ Ширыханову. Здѣсь опять пришлось ѣхать волокомъ 20 верстъ и также все густымъ, дремучимъ лѣсомъ, и тоже, что и въ деревню Зеленую, съ топоромъ въ рукахъ и поминутно расчищать путь; кромѣ того выпрягали дважды лошадь въ пути и вываливали изъ саней насыпавшійся съ деревьевъ снѣгъ,

котораго, бывало, навалитъ полныя сани не смотря на то, что дугу впрягли такую низкую, что она буквально лежала на хомутѣ.

Деревня Велико-Николаевская или по просту Николаевская расположена на берегу р. Подюги и имѣетъ 36 домовъ. Рѣка Подюга, какъ я впослѣдствіи убѣдился, протекла между громаднѣйшихъ горъ, ровныхъ мѣстъ почти не встрѣчается. Говорятъ, что полоса этихъ горъ идетъ съ самаго Уральскаго хребта, но насколько это правдоподобно — рѣшить не берусь. Теченіе р. Подюга имѣетъ очень быстрое, мѣстами есть и пороги; на устьѣ ея водится семга. Въ прежнее время, разсказываютъ мѣстные жители, семги водилось очень много, и поднималась она Подюгою далеко отъ устья, но въ послѣднее время выстроены двѣ мельницы, черезъ плотины которыхъ рыба и не можетъ перебраться, такъ что семга мечетъ икру теперь лишь въ устьѣ рѣки.

Говоръ жителей въ Верхней Подюгѣ близокъ къ важскому, тоже, какъ и тамъ, нѣсколько на распѣвъ.

Пособравши кое-что изъ матеріаловъ, я двинулся дальше, къ Ширыханову, куда дорога идетъ тоже громадными, густыми лѣсами, о величинѣ которыхъ можно судить потому, что при вырубкѣ лѣса случается, что изъ одного дерева вырубаютъ по 3 бревна, длиною 10-ти аршинъ, толщиною и послѣднее 8 вершковъ въ діаметрѣ, да и то въ верхнемъ отрубѣ. Разсказываютъ, что князь Вяземскій, Управляющій Удѣлами, при посѣщеніи этой мѣстности взялъ нѣсколько отрубковъ одного дерева, изъ которыхъ былъ одинъ въ 22 вершка въ діаметрѣ!—да и повѣрить этому можно, принимая во вниманіе, что возлѣ самой дороги стоятъ такія гигантскія деревья, что видѣть вершины ихъ можно не иначе, какъ загнувши голову чуть не на спину...

На пути этомъ—къ Ширыханову—есть деревня Вельцы, расположенная на берегу той же р. Подюги и имѣющая до 60 домовъ. Это въ зимнее время, а лѣтомъ въ деревню не заѣзжаютъ, проселокъ идетъ мимо ее. Замѣчательно, что р. Подюга здѣсь до того извилиста, что съ Верхней Подюги въ Ширыханово приходится переѣзжать черезъ нее до 5-ти разъ, какъ въ послѣдствіи оказалось.

Не доѣзжая немного до первой деревни—Хмелеванской—Ширыханова, сдѣлалась страшная пурга и намело снѣгу выше изгородей, такъ что мы съ большимъ трудомъ попали въ деревню, гдѣ и остановился я на «обувательской» станціи. Станція эта здѣсь содержится лишь для того, чтобы вывести обратно того, кого занесетъ сюда капризная судьба, ибо дальше какъ до мѣстной деревни Ярцева и дороги нѣтъ; не даромъ и сложилась въ народѣ такая поговорка: «кто въ Ярцевѣ побывавъ, тотъ вѣцной муки миновавъ»... Правда, есть тропка на Мехреньгу, Олонецкой губ., по которой въ лѣтнее

время знатоки пути пробираются туда пѣшкомъ, а зимою иногда и на лошади, но то знатоки, а такъ, не зная мѣстности, пуститься въ этотъ путь рискованно: легко можно сбиться съ тропки... По словамъ знатоковъ волокъ этотъ, т. е. отъ деревни Ярцева до ближайшей деревни Олонецкой губ. 40 верстъ, а «може и болѣ, кто ево знаетъ», дополняютъ они; посреди волоку будто бы устроена истопка (не большая лѣсная избушка), въ которой путники отдыхаютъ, предварительно выкопавъ ее изъ-подъ снѣга, если случится быть зимою. Я хотѣлъ было рискнуть съѣздить въ Мехреньгу, но заболѣлъ и долженъ былъ вернуться обратно...

Другую же поѣздку туда я сдѣлалъ уже осенью, въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ того же года, и пришлось попадать въ эту мѣстность тогда съ другаго мѣста, а именно чрезъ Ембскую волость, Кадниковскаго уѣзда въ Чушевицко-Покровскую Вельскаго уѣзда и затѣмъ чрезъ Морозовскую въ Тавреньгу. Отъ крайней деревни Кадниковскаго уѣзда—Исаковской—до мѣстности, называемой «Монастырекъ» (гдѣ дѣйствительно прежде былъ монастырь—Верхопежемскій) Вельскаго уѣзда волокъ считается 18 верстъ и дорога до того убійственная, что нѣтъ никакой возможности усидѣть въ тарантасѣ (то колодина, то яма на каждомъ шагу), и намъ весь волокъ пришлось идти пѣшкомъ, да и на бѣду случилось это темною ночью, отчего то и дѣло падали и спотыкались, а когда пріѣхали въ первую деревню Монастырька, то оказались оба съ ямщикомъ и въ грязи, и въ водѣ,—«нитки сухой», что называется не было на насъ. Ночевавши въ деревнѣ, по утру я отправился къ мѣстному священнику, который любезно принялъ меня и даже показывалъ мнѣ церковныя древности.

Верхопежемскій монастырь (теперь приходская церковь) заключаетъ въ себѣ двѣ деревянныя церкви: холодную для лѣтней службы и теплую, т. е. съ печкою [1]),—для зимней. Обѣ церкви, какъ и колокольня, стоятъ отдѣльно и расположены на берегу рѣки Пежмы и обнесены оградою. Войдя въ одну изъ церквей меня поразила живопись на иконахъ, такой живописи я никогда и нигдѣ не видалъ, такъ она древня и не похожа на современную. Будь я фотографъ, непремѣнно снялъ бы копіи съ иконъ, что имѣло бы цѣнность для Императорскаго Археологическаго Общества. Кромѣ живописи, надо сказать, есть и другіе предметы, рѣдкостные и важные для археологіи, напр., вериги строителей монастыря, церковные сосуды и т. п.

Изъ Монастырька я отправился въ Олюшино, дорога куда тоже гряз-

---

[1]) Замѣчательно, что печка въ церкви была еще въ царствованіе Екатерины II изъ глины и безъ трубы, какъ видно изъ мѣстныхъ архивныхъ бумагъ.

кая, но одно хорошо — нѣтъ колоднику и ямъ, а потому не тряско ѣхать. Въ Олюшинѣ остановился на земской станціи, у сыновей бывшаго председателя управы, и по обстановкѣ дома видно, что нѣкогда хорошо жилось здѣсь... Собственно Олюшино—приходъ Морозовской волости, состоящій изъ 4-хъ деревень: Доръ, Бутышкино, Середняя (гдѣ я остановился) и Слудная. Возлѣ послѣдней деревни находятся двѣ церкви, одна каменная, другая деревянная, церкви очень небольшія. Былъ я у обѣдни—служба происходила въ деревянной церкви,—гдѣ молящихся оказалось человѣкъ 10—12 только, и то почти однѣ старушки. Внутреннее устройство и украшеніе церкви очень бѣдно, начиная съ запылившагося потолка, который къ тому же не выше 4-хъ аршинъ отъ полу и кончая иконостасомъ. Священникъ же высокаго роста и казался еще выше въ маленькомъ алтарѣ и должно быть очень ужъ поусердствовалъ на счетъ ѳиміама, а потому дымъ отъ ладана до того былъ густъ, что и самаго-то священника еле было видно... Помолившись Богу, я отправился въ Лыцно-Боровскую деревню, уже Тавренгской волости, куда опять пришлось ѣхать—22 версты—все лѣсами; и дорога, по увѣренію ямщика, была такъ грязна, что иначе, какъ на «тройкѣ» и не проѣхать. Дѣлать нечего, пришлось взять тройку лошадей, хотя и на парѣ вполнѣ можно бы проѣхать. На половинѣ волока есть такъ называемый «разбойный логъ», гдѣ, судя по преданію, прежде жили разбойники, въ числѣ 40 человѣкъ. Пытался было я найти слѣды ихъ жилищъ, но безуспѣшно—время все стерло.

Пріѣхавши въ Лыцно-Боровскую, я застаю тамъ цѣлую массу пьяныхъ мужиковъ, бабъ и разряженныхъ въ кумачныя кофты, пестрые сарафаны дѣвицъ, съ пѣснями расхаживающихъ по деревнѣ. Оказалось, что въ тотъ день въ деревнѣ былъ «пивной» праздникъ, деревня же, т. е. жители ея были зажиточные крестьяне и пива наварили цѣлое море, которое и требуетъ, понятно, не единичныхъ усилій его обсушить. Здѣсь каждый крестьянинъ сваритъ на пиво ржи 10—15 пудовъ и кромѣ того покупаетъ еще отъ $1/4$ до 1 ведра водки; всѣ эти напитки и истребляются населеніемъ окрестныхъ деревень. Дѣвицы на такіе праздники приходятъ большею частью для того, чтобы себя показать и жениховъ посмотрѣть, хоть не прочь иногда и «пригубить» какого нибудь изъ упомянутыхъ напитковъ, лишь при условіи, чтобы никто, кромѣ товарокъ, этого не видалъ. Къ такому празднику варится пиво каждымъ домохозяиномъ, хотя у него и не хватало бы хлѣба и для своего продовольствія, не варить же пива,—значитъ не уважать праздника, грѣшить противъ того святаго, день котораго чтутъ. Таковы понятія у населенія, такова сила обычая, стариками установленнаго!

Празднованіе пивомъ или сусломъ какого-нибудь дня бываетъ не только

въ честь того святого, но и въ ознаменованіе какого-нибудь выдающагося въ жизни народа событія: мора людей или скота, чудеснаго избавленія отъ пожара, градобитія и т. п. Такіе праздники называются здѣсь или «мольбой» или «обѣщаннымъ».

Пріѣхавши въ с. Пономаревское я на этотъ разъ остановился въ волостномъ правленіи, дабы скорѣе получить кое-какіе статистическія свѣденія и не посредственно самому, а не чрезъ другое лицо, что мнѣ на этотъ разъ и удалось, благодаря удостовѣрительнымъ бумагамъ о цѣли посѣщенія мною этой мѣстности. Но, къ слову сказать, никакого содѣйствія мнѣ мѣстныя власти не оказывали, да я и не настаивалъ на этомъ и былъ благодаренъ имъ за то хотя, что не препятствовали въ собираніи свѣденій по этнографіи края.

Пособравши кое-что и сходивши въ дер. Якушевскую для осмотра «городка»,—рѣшилъ было ѣхать далѣе, но опять въ слѣдствіе худаго питанія заболѣлъ и пришлось остаться и ждать пріѣзда фельдшера, который уѣхалъ куда-то верстъ за 100. Къ счастію моему черезъ два дня пріѣхалъ въ Пономаревское докторъ изъ Вельска и привезъ съ собою не большую аптечку-сундучекъ съ медикаментами и помогъ мнѣ. 1-го октября, помнится, я выѣхалъ въ Хмельники, хотя докторъ и запрещалъ еще выѣзжать, рано-де, да и дорога въ Ширыханово по слухамъ была ужасна; къ тому-же, по увѣренію ямщика, около Ширыханова и Подюги медвѣдей такъ много, что ночью «волоками» положительно нельзя ѣздить, да и днемъ «опасно»... Кое-какъ доплелся таки и до Хмельниковъ и остановился ночевать опять въ д. Давыдовской. Говорю «кое-какъ» потому, что эту станцію я ѣхалъ чуть-ли не 10 часовъ, такъ какъ на пути сломалась ось у тарантаса, и пришлось перемѣнить лошадей въ дер. Пуминовѣ, гдѣ пока искали ихъ да пока смазывали телѣгу (тарантаса не оказалось въ деревнѣ), времени прошло не мало. Переночевавши въ Давыдовской, на утро я двинулся въ Нижнюю Подюгу, спѣша по лѣтней дорогѣ осмотрѣть мѣстность по р. Подюгѣ, дабы курганы и городища, о существованіи которыхъ я зналъ по разсказамъ жителей, не покрылись снѣгомъ. Дорога въ Нижнюю Подюгу идетъ все сосновыми борами и мимо Хмельницкую церковь, которая расположена на берегу р. Вель, на довольно красивой горѣ. Отъ церкви волокъ 16 верстъ, посреди котораго есть громадная гора, называемая «волоковая», спускъ съ коей тянется на ½ версты, хотя и отлогс. Лѣсъ около дороги—исключительно сосновый, красивый; особенно выдается красотою сосновый же боръ передъ самою Подюгою: лѣсъ громадныхъ размѣровъ, и совершенно гладкія деревья, вѣтки раскинулись лишь на вершинѣ, что у пальмы; однимъ словомъ какъ настоя-

щій паркъ, тщательно оберегаемый и подчищаемый, хотя ни о какой подчисткѣ здѣсь не могло быть и рѣчи.

Деревня Дьяковская, гдѣ я остановился, расположена на берегу р. Подюги, въ котловинѣ; почти рядомъ съ этой деревней есть другая еще деревушка, противъ которой, на другомъ берегу рѣки—мѣстная приходская церковь, а затѣмъ все вокругъ громаднѣйшія горы, покрытыя вѣковымъ сосновымъ лѣсомъ. Мѣстность эта чрезвычайно красивая и здоровая; невольно подумаешь: «вотъ гдѣ лечиться-то бы нашей интеллигенціи отъ грудныхъ и нервныхъ болѣзней?»... Такую живописную мѣстность трудно и встрѣтить, особенно у насъ на сѣверѣ: куда ни взглянешь,—картины такъ и просятся на полотно! Замѣчательно, что горы эти всѣ имѣютъ форму сахарной головы, вверху нѣсколько усѣченной, и между горами есть весьма узкія и глубокія ущелья, точно на Кавказѣ, внизу же неизбѣжно журчитъ горный ручеекъ, и грунтъ земли твердый, каменистый; на такихъ ручейкахъ есть и меленки. Ни населенныхъ мѣстъ, ни болотъ на полтора десятка верстъ въ окрестъ Нижней-Подюги нѣтъ; не даромъ и крестьяне «хвастаютъ» своимъ здоровьемъ: «мы не знаемъ болѣсти, разѣ што ушибешь, ну, заболитъ то мѣсто»... Жаль, если Удѣльное вѣдомство вырубитъ эти лѣса; тогда горы потеряютъ всю свою живописность, да и воздухъ будетъ уже не тотъ, не такъ здоровъ, какъ теперь.

Записавши и здѣсь кое-что изъ матеріаловъ и заказавъ сдѣлать мѣстному столяру модели хозяйственныхъ построекъ и домашней утвари, отправился далѣе, въ Верхнюю Подюгу. Дорога отсюда до дер. Николаевской идетъ все возлѣ рѣки Подюги, и на пути тоже ни одной деревни нѣтъ; горы же на всемъ протяженіи волока одна другой громаднѣе, изъ которыхъ есть даже такія, что съ возомъ на лошади одному человѣку ни спуститься, ни подняться почти не возможно, до того круты и высоки. Въ этомъ случаѣ крестьяне прибѣгаютъ къ слѣдующему способу; во-первыхъ, ѣдутъ этимъ волокомъ всегда артелями, если возы грузны, и во-вторыхъ, доѣхавши до такой горы, выпрягаютъ лошадей и возы спускаютъ на рукахъ, т. е. поддерживаютъ сани или телѣгу руками и тормозя ходъ экипажа какимъ-нибудь коломъ; спустивши такимъ маneромъ возы, ведутъ и лошадей туда же. Точно также и поднимаются сообща, подпрягая къ каждому возу нѣсколько лошадей. О дорогѣ уже нечего и говорить, понятно, что она и зимою и лѣтомъ очень плоха на такихъ неровностяхъ. Пріѣхавши въ Николаевскую—по пути осмотрѣлъ городище,—какъ уже во второй разъ, нѣсколько познакомившись, то сразу же нашлись и разсказщики, и я весь день и вечеръ тотъ занимался записываніемъ сказокъ. Однако, долго жить здѣсь нельзя было. такъ какъ

кромѣ молока и грибовъ никакой пищи не оказалось въ Николаевской, да и это бы еще ничего, еслибъ можно было достать чистаго ржанаго хлѣба, но его не было. Въ этотъ годъ по всей Верхней Подюгѣ былъ неурожай ржи, и населеніе питалось овсянымъ и на половину съ мякиною хлѣбомъ... Смотрѣлъ здѣсь и древности церковныя, изъ которыхъ особо примѣчательными являются деревянные вѣнцы, найденныя священникомъ въ церковной кладовой.

Изъ Николаевской я отправился опять въ злополучное Ширыханово. Дорога до Хмелеванской лѣтомъ идетъ все лѣсами, минуя д. Вельцы, и до того колодиста, такъ сказать, что большею частью пришлось весь волокъ — 27 верстъ—идти пѣшкомъ, нерѣдко по колѣни вязнуть въ грязи. Но какъ бы то ни было, все же, хотя и съ большимъ трудомъ, добрался наконецъ опять до Ширыханова и на этотъ разъ уже до крайнихъ деревень, гдѣ далѣе начинается уже Олонецкая губернія, попасть куда въ октябрѣ нечего было и думать.

Подъѣзжая къ деревнѣ Ржиново, я былъ страшно пораженъ бѣдностью постройки: вмѣсто домовъ какія-то килейки или истопки [1]), полуразвалившіяся къ тому же; входъ въ эти строенія устроенъ по какимъ-то жердямъ вмѣсто крыльца; вмѣсто стеколъ въ крошечныхъ рамкахъ торчатъ бычачьи пузыри и т. п. Такой бѣдной, такой грязной деревеньки у насъ, на Сѣверѣ, при такомъ обиліи лѣсовъ, трудно найти, да подай, Господи, никогда не увидать подобной—ужасно тяжело видѣть такую нищету...

Когда мнѣ говорили въ с. Пономаревскомъ, что въ Ширыхановѣ сушатъ хлѣбъ на печкѣ, а молотятъ его на полу своей хижины, а мелютъ въ ступахъ и тоже въ избѣ, ибо ни гуменъ, ни мельницы завести, т. е. устроить не въ состояніи, то все это я принялъ тогда за шутку, но теперь, поглядѣвши на житье-бытье ширыхановцевъ, приходится отчасти повѣрить и этому. Остановиться въ Русиновѣ не у кого было, и мнѣ по неволѣ пришлось ѣхать къ мѣстному священнику на квартиру. Но и священническій домъ мало чѣмъ отличался отъ крестьянскаго, развѣ только тѣмъ, что въ избѣ было почище подметено да и самоваръ имѣлся, во всемъ же остальномъ—та же крестьянская изба. Есть тутъ и церковно-приходская школа, которая помѣщается въ церковной сторожкѣ, небольшой тоже килейкѣ. Напившись чаю у священника, я хотѣлъ было сразу же приняться за дѣло, но всѣ мои старанія найти разскащика оказались тщетны. Здѣсь, можно сказать, настоящіе дикари и

---

[1]) Истопка—лѣсная избушка.

такъ, по ихъ выраженію, «натыканы» мѣстнымъ начальствомъ, что въ каждомъ пріѣзжемъ видятъ чиновника и при-томъ непремѣнно злого, отъ котораго надо идти прочь, въ лѣсъ куда-либо... Мнѣ никто не хочетъ вѣрить, чтобы я интересовался ихъ сказками или пѣснями и втихомолку говорятъ про меня, что это «тайная полиця», а потому никого и ни почемъ не могу созвать къ себѣ. Мой ямщикъ Боровиковъ звалъ было мимо шедшую старушку въ домъ священника, но оказалось, что вѣсть о моемъ пріѣздѣ дошла и до ея слуха, и она была такъ запугана мужиками своей деревни, что на-отрѣзъ отказалась зайти въ домъ, а между тѣмъ старушка эта ходитъ «причётницей» по свадьбамъ и, слѣдовательно, весь свадебный обрядъ и колдовство знаетъ отлично и для меня была бы полезна. Вотъ, подумаешь, при такихъ условіяхъ и работай. А сказочникъ Ефимъ изъ д. Горы тотъ еще лучше оказался: сначала сказался больнымъ, а потомъ, когда я подъѣхалъ къ нему и послалъ ямщика узнать: не разскажетъ-ли чего-либо?, то онъ чуть не «отдулъ» его, закричалъ, чтобы и близко къ дому не подходили... «Что, думаю, за чертовщина такая, за что такъ озлились на меня ширыхановцы? Почему они принимаютъ меня за агента тайной полиціи и причемъ тутъ полиція»? Спрашиваю ямщика, который и разъяснилъ. Дѣло оказывается въ томъ, что не задолго до моего пріѣзда крестьяне обокрали общественный магазинъ, весь запасной хлѣбъ вытаскали, о чемъ и велось слѣдствіе, но виновныхъ въ этомъ заглушьи не скоро сыщешь: ширыхановцы ни за что одинъ другаго не выдаютъ, живутъ «всѣмъ міромъ». Вотъ почему они и приняли меня за агента полиціи. Да на что лучше: и жена священника — «попадья»—тоже считала меня за сыщика, какъ въ послѣдствіи узналъ я. Послалъ, разъ, за старостою, думая, что тотъ найдетъ мнѣ какого нибудь разскащика, но сказали, «дома нѣтъ», что равносильно тому, что «спрятался-де». «Чортъ знаетъ что это такое, выругался я про себя, изъ-за такой ерунды да хоть бросай все дѣло, а муки-то сколько принялъ, ѣхавши сюда»! Но мало по малу взглядъ на меня со стороны населенія поизмѣнился, и какой-то Терёха пришелъ ко мнѣ и поразсказалъ кое-что, а за нимъ и другіе...

Однако, здоровье мое въ Ширыхановѣ опять поразстроилось, въ слѣдствіе дурнаго питанія, да и простудился еще къ тому же, промочивши ноги, и надо было выбираться поскорѣе изъ этой глуши, медицинской помощи ждать здѣсь нечего: одна надежда на Бога. Дѣлать нечего, собрался въ обратный путь, но въ Хмелеванской еще пришлось остановиться на два дня, во-первыхъ потому, что матеріаловъ оказалось много, да и свадьба случилась тутъ, которую мнѣ хотѣлось лично видѣть, во-вторыхъ я не могъ идти пѣшкомъ, будучи боленъ, а въ тарантасѣ нѣтъ возможности высидѣть такой волокъ, какъ 27

верстъ и то колодистою дорогою. Рѣшилъ ждать снѣгу и по санному пути уже ѣхать. Къ счастію моему черезъ день или два дѣйствительно выпала глубокая пороша снѣгу, и я немедленно отправился на Подюгу и далѣе въ Хмельники, дабы выбраться по порошѣ домой, опасаясь, чтобы не растаяла. и не застрясть бы въ Ширыхановѣ на долго.

Но дѣлаю не большое отступленіе, чтобы сказать нѣсколько словъ о степени богатства того края: въ Хмелеванской мнѣ нужно было расчитаться за квартиру и подводы, а денегъ мельче 10-ти рублевой бумажки не было, которую никто не могъ во всей деревнѣ размѣнять до Боровиковъ—содержатель станціи—говоритъ, что и во всей волости (приходѣ) не найти здѣсь десяти рублей, а «вотъ въ Подюгѣ тамъ ужъ разминѣютъ, потому народъ тамъ богацѣ нашево»... Какого же было его удивленіе, когда онъ три деревни и тамъ обходилъ съ этой бумажкой, и никто не могъ размѣнять? Нашелся было одинъ крестьянинъ и похвастался, что я размѣняю-де, но, придя домой, посчиталъ, посчиталъ свои деньги—не хватаетъ 3-хъ руб. къ десятку да и баста! Спасибо мѣстному священнику, тотъ уже размѣнялъ, а то хоть плачь и съ деньгами, да и у священника, острятъ подюжане, нашлась такая сумма потому, что недавно еще поступилъ сюда на мѣсто, не успѣлъ еще обнищать.

Но вотъ опять я въ Хмельникахъ, гдѣ прежде всего отправился въ мѣстную часовню, въ которой по слухамъ хранились такія древности, какъ холщевыя ризы, и мнѣ хотѣлось посмотрѣть ихъ. Часовня эта, какъ и многія другія, здѣсь никогда не запирается, хотя скопляется тутъ иногда порядочно и денегъ, но народъ нашъ сѣверный настолько нравственъ и богобоязненъ, что о кражѣ чего-либо изъ часовни не можетъ быть и рѣчи. Холщевыхъ ризъ, однако, я не видѣлъ въ часовнѣ; онѣ будто бы взяты въ мѣстную церковь; иконы въ часовнѣ дѣйствительно есть древнія, да еще восковой подсвѣчникъ, вотъ и все, что я видѣлъ достопримѣчательнаго тутъ. Выйдя изъ часовни, ходилъ въ поле и осмотрѣлъ тамъ курганы, называемые здѣсь «пупки». Затѣмъ послалъ за двумя охотниками—«Блинникомъ» и «Лискичемъ», по прозвищамъ — но ни тотъ, ни другой по первому зову не явились, хотя я обѣщалъ заплатить имъ поденщину. Содержатель станціи говоритъ, что боятся придти ко мнѣ, такъ какъ «понаслышали», что я буду ихъ спрашивать о заговорахъ и о прочемъ, а сказать опасятся, какъ бы худа не вышло. Посылаю вторично за Лискичемъ и самого содержателя станціи, которому и удалось уговорить его придти ко мнѣ, такимъ образомъ и пошло дѣло на ладъ.

Во всей этой мѣстности народъ до того скрытенъ и забитъ, что съ

большимъ трудомъ иногда добьешься того хотя, чтобы сказали названія-то живыхъ урочищъ. Если бы не содержатели станцій, которые болѣе или менѣе уже «пообтёрлись», по ихъ собственному выраженію, то ничего не собрать изъ этнографическихъ матеріаловъ.

Пособравши кое-что въ Хмельникахъ, я отправился въ Пономаревское и по дорогѣ туда заѣзжалъ въ деревню Першенскую, гдѣ у одного крестьянина хранился чудской топорикъ, каковой и пріобрѣтенъ мною. Въ с. Пономаревскомъ я опять жилъ нѣсколько дней, но затѣмъ поспѣшилъ уже вернуться домой, такъ какъ здоровье мое не въ шутку стало очень плохо. Пріѣхалъ домой около 20 октября совершенно разбитый и усталый, такъ что двѣ недѣли хворалъ послѣ этой поѣздки.

Представляя теперь свой слабый трудъ на судъ читающей публики, льщу себя надеждою, что гг. ученые этнографы не осудятъ меня строго за всѣ тѣ промахи, неточности и за топорность, такъ сказать, изложенія, принимая во вниманіе, что собиралъ я эти матеріалы поспѣшно въ силу необходимости, будучи больнымъ да и полуголоднымъ...

А. Шустиковъ.

ТАВРЕНЬГА.

Тавреньга, собственно говоря, одна изъ волостей Вельскаго уѣзда, Вологодской губерніи. Въ географическомъ отношеніи она занимаетъ юго-восточную часть этого уѣзда и съ одной стороны граничитъ съ мѣстностью, извѣстною подъ именемъ «Троичины», Кадниковскаго уѣзда, а съ другой — съ Каргопольскимъ уѣздомъ, Олонецкой губ. и наконецъ съ остальными волостями Вельскаго уѣзда.

Тавреньга раскинута на протяженіи 130—140 верстъ, такъ, напр., отъ крайней деревни съ юго-запада (Заболого) до крайней деревни этой волости съ сѣверо-востока (Ерцево) считаютъ, такъ называемой «проселочной» дорогою 130 верстъ, не говоря о границахъ земельнаго владѣнія съ той и съ другой стороны. Въ прежнее время, до учрежденія волостей, когда были еще вмѣсто ихъ «приказы», Тавреньга была еще обширнѣе: къ ней причислена была еще цѣлая мѣстность, составляющая въ настоящее время Есютинскую, Морозовскую и Пежемскую волости, Вельскаго же уѣзда.

Нечего говорить о томъ, что климатъ въ данной мѣстности, какъ и во всей Вологодской губерніи, очень суровый, что, думается, каждому извѣстно. Во всякомъ случаѣ скажемъ, что 30—40° мороза здѣсь — явленіе обычное по зимамъ. Розливъ рѣкъ бываетъ въ первыхъ числахъ мая, но это далеко еще не весна... Теплая погода иногда начинается лишь съ 1-го іюня.

Теперь обратимся къ статистикѣ.

Населеніе Тавренгской волости состоитъ изъ 2,474 рев. душъ, а наличныхъ по свѣдѣніямъ мѣстнаго волостнаго правленія считается 6,662 чел., въ томъ числѣ мужчинъ 3,275 чел., женщинъ 3,387 чел. Дворовъ въ волости 1,076. Сельскихъ обществъ 6-ть, а именно: Тавренгское, Завельское, Хмельницкое, Верхне-Подюжское, Нижне-Подюжское и Ширыхановское. Число селеній 53, которыя распредѣляются по обществамъ такъ: въ Тавренгскомъ обществѣ 16 селеній, въ Завельскомъ 14, въ Хмельницкомъ 10, въ Верхне-Подюжскомъ 5, въ Нижне-Подюжскомъ 3 и въ Ширыхановскомъ 5-ть [1]).

Церквей съ постоянною службою (приходскихъ) 5, изъ которыхъ 2 каменныя, а остальныя 3 деревянныя. Одна изъ деревянныхъ церквей—Покровско-Ширыхановская—считается народомъ за самую древнюю церковь во всемъ уѣздѣ, но это подлежитъ сомнѣнію. Кромѣ того есть еще, такъ сказать, временныя церкви, гдѣ служба бываетъ лишь въ извѣстные дни года, раза 3—4 въ годъ. Такая церковь, напр., есть въ Верхне-Подюжскомъ приходѣ при дер. Вельцевской; устроена она во имя явленной иконы св. Николая Чудотворца; служба бываетъ въ ней 4 раза въ годъ. Церковь эта довольно большаго размѣра и построена уже очень давно, но, къ сожалѣнію, годъ основанія ея, какъ и многихъ другихъ церквей на Сѣверѣ Россіи, обыкновенно неизвѣстенъ. Разсказываютъ, что было дѣлаемо нѣсколько попытокъ сдѣлать эту церковь приходскою, и однажды ходатайство крестьянъ дер. Вельцевской было уже близко къ удовлетворенію: отведена была и земля въ надѣлъ будущему причту, а крестьяне построили уже и дома для священно-церковно-служителей, но вскорѣ послѣ

[1]) Названія ихъ помѣщаемъ въ отдѣлѣ «живыхъ урочищъ».

того вышло распоряженіе правительства о сокращеніи причтовъ, и по сему открытіе вновь прихода здѣсь не разрѣшено.

Такая же съ временною службою церковь есть и въ дер. Зеленой и тоже въ честь явленной иконы. Объ явленіяхъ той и другой изъ этихъ иконъ будетъ сказано нами въ отдѣлѣ преданій.

О началѣ заселенія данной мѣстности никакихъ письменныхъ актовъ не имѣется, а равно не имѣется и устныхъ преданій, болѣе или менѣе вѣрныхъ. Говорятъ про ту или другую деревню, что сначала поселилось въ ней столько-то человѣкъ, или: «старики наши запомнятъ, что въ N было только 3 дома, а нонѣ вотъ ужъ 30» и—только, но когда случилось поселеніе и по какому случаю и кто именно впервые поселился,—преданіе въ большинствѣ случаевъ умалчиваетъ. Но, между прочимъ, мы должны оговориться здѣсь, что между преданіями есть и такія, что встрѣчаются въ разныхъ деревняхъ и по сходству между собою являются какъ бы признаками правды. Такъ, напр., въ дер. Зеленой пишущему эти строки разсказывали, что въ очень древнія времена сослано было въ Тавреньгу изъ г. Бѣлозерска, Новгородской губ., три человѣка, которые и были первыми колонизаторами данной мѣстности. Другое преданіе, записанное въ с. Пономаревскомъ, говоритъ объ этомъ такъ: Въ древнее время пріѣхали изъ Бѣлозерска въ Тавреньгу три князя управлять Чудью и всѣмъ народомъ, ранѣе ихъ поселившимся здѣсь. По пріѣздѣ своемъ князья эти засѣли: одинъ, по фамиліи Шестаковъ, въ 6-ти верстахъ отъ нынѣшней деревни Зеленой, отчего и до сихъ поръ то мѣсто, гдѣ онъ будто бы жилъ, зовется «шестаковымъ пенникомъ» и замѣтны слѣды пашни, хотя на немъ выросъ уже громадныхъ размѣровъ лѣсъ. Другой изъ этихъ князей, по фамиліи Стоговъ, поселился близъ мѣстности Олюшина, Морозовской волости, составлявшей тогда, какъ уже сказано, въ административномъ отношеніи одну единицу съ Тавреньгой, если въ то время существовала здѣсь какая-либо администрація. Третій изъ нихъ—Распопа—поселился около с. Пономаревскаго.

Шестакова считаютъ основателемъ деревни Зеленой, въ послѣдствіи, когда умеръ Шестаковъ, переселившейся на теперешнее мѣсто.

У всѣхъ трехъ изъ этихъ поселенцевъ, которыхъ народъ почему-то называетъ князьями, были обширныя владѣнія, въ смыслѣ захвата земли, что уже видно по одному тому, что чуть не по всей мѣстности встрѣчаются живыя урочища, ихъ именемъ, т. е. фамиліею, названныя и удержавшія свое названіе до нашихъ дней. Что за люди были эти поселенцы и что ихъ понудило покинуть Бѣлозерскъ и поселиться здѣсь? — преданіе умалчиваетъ, но что это были не первые колонизаторы данной мѣстности, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, судя по преданіямъ и находкамъ. Мы склоняемся къ тому, что аборигенами Тавреньги былъ народъ, извѣстный подъ именемъ Чуди и лишь въ послѣдствіи русскіе поселились здѣсь, отчасти вытѣснили ихъ далѣе на сѣверъ, какъ говорится здѣсь «въ Корелу», отчасти же слились такъ сказать съ ними. Къ этому убѣжденію насъ приводитъ во-первыхъ многочисленныя преданія о пребываніи здѣсь Чуди, а во-вторыхъ и самыя названія живыхъ урочищъ, каковыя названія, не русскаго происхожденія, начиная, напр., съ самаго названія мѣстности «Тавреньга», далѣе рѣчки: «Кырычинга, Кварзанга, Шенчуга, Сивзеньга» и т. д. Жители дер. Прилукъ, Завельскаго общества, до сихъ поръ называются здѣсь «Чудями», потомками прежней Чуди, да судя по наружности, а равно и по образу жизни ихъ, рѣзко отличающемуся отъ жителей прочихъ деревень, пожалуй, и повѣрить этому можно. Достаточно сказать, что они до сихъ поръ занимаются земледѣліемъ, какъ говорится: «такъ-себѣ», «на ѣду», т. е. для своего пропитанія—только, предпочитая ему охоту, которою занимаются съ любовію и положительно всѣ мужчины отъ «мала до велика», но что всего характернѣе—охотою на пушнаго звѣря (въ особенности на медвѣдя), охоту же за дичью—на рябчиковъ и тетеревей — считаютъ не выгодною и унизительною для себя. Между тѣмъ,

какъ это мы увидимъ ниже, жители всѣхъ остальныхъ деревень данной мѣстности занимаются исключительно земледѣліемъ, около земницы «промышляютъ».

Обратившись къ описанію наружности какъ Прилучанъ, такъ и остальныхъ жителей Тавреньги (исключая Ширыханова, гдѣ опять своеобразный типъ жителей), мы еще большую разницу замѣтимъ между ними. Начать съ того, что Прилучанинъ—роста высокаго, а житель другихъ деревень—средняго, даже, пожалуй, нѣсколько ниже средняго. Голова у Прилучанина большая, нѣсколько сплюснутая со лба къ затылку,—у прочихъ же голова средняго размѣра, круглая и съ прямымъ лбомъ. Глаза у Прилучанъ открытые, большіе, сѣро-зеленаго, такъ сказать, цвѣта, тогда какъ у прочихъ въ большинствѣ случаевъ каріе и хотя встрѣчаются сѣрые, но съ голубымъ отливомъ. Волосы у Прилучанъ темные, у прочихъ—русые, даже нѣсколько рыжеватые. Бороду носятъ Прилучане узкую и длинную, но волосы на ней рѣдкіе, у прочихъ же борода широкая и густая. Носъ у Прилучанина большой, нѣсколько клювомъ, у прочихъ умѣренный и прямой или сдернутый къ верху — «курносъ». Верхняя челюсть у Прилучанина рѣзко выдается впередъ.

Отличительными признаками того и другаго типа можно отмѣтить еще то, что у Прилучанъ слишкомъ длинны ноги, сравнительно съ туловищемъ, а у прочихъ наоборотъ: не соразмѣрно длинно туловище, въ особенности животъ, отчего всѣ вообще «таврежана» носятъ кличку въ другихъ мѣстахъ уѣзда «брюханы» и «векшеѣды». Еще можно упомянуть о нѣкоторомъ различіи въ держаніи себя при разговорѣ Прилучанина и Таврежанина: Таврежанинъ говоритъ спокойно, даже лѣниво, Прилучанинъ же при разговорѣ ежеминутно жестикулируетъ, размахивая руками. Признаками красоты женщинъ считается какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ бѣлизна лица, дородство и русые волосы. Послѣдніе воспѣваются въ многочисленныхъ пѣсняхъ и причетахъ, напр., «росщеши-ко, батюшко, русое волосьицё!..», а иногда и прямо говорится «желтое», но ни въ какомъ случаѣ не черное.

Типъ же Ширыхановцевъ, вообще какъ женщинъ, такъ и мужчинъ, красивый. Они въ большинствѣ случаевъ высокаго роста, съ правильными чертами лица, черноглазые, но только съ явною печатью недоѣданія на лицѣ. Особо выдающейся какой-либо части тѣла не замѣтно. Ихъ можно сравнить съ новгородцами, но какъ бы оцыганившимися, если позволительно такъ выразиться. Говоръ ихъ—смѣсь важскаго съ олонецкимъ: говорятъ они нараспѣвъ, какъ и ваганы, «цёкаютъ» также, какъ и олонецы...

Средства къ жизни населенія.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію средствъ къ жизни мѣстнаго населенія, считаемъ нужнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о землевладѣніи въ данной мѣстности.

Всѣ по-занадѣльныя земли (исключая Ширыхановскаго общества, гдѣ жители — бывшіе государственные крестьяне), принадлежатъ здѣсь Удѣльному вѣдомству; частнаго землевладѣнія въ мѣстности, какъ, впрочемъ, и во всемъ Вельскомъ уѣздѣ, почти нѣтъ, если не считать той горсти частныхъ владѣльцевъ, купившихъ отъ Удѣльнаго же вѣдомства такъ называемые «полевые круги», заключающіеся въ нѣсколькихъ десятинахъ пахотной земли. О томъ, что такое «полевой кругъ», считаемъ тоже нужнымъ пояснить. Во время крѣпостнаго права Удѣльное вѣдомство, ради обезпеченія крестьянъ въ продовольствіи на случай неурожая хлѣбовъ, нарѣзало по каждому обществу, чуть-ли не по каждой деревнѣ небольшое количество земли («кругъ») для общественной запашки, и снятый съ такихъ круговъ хлѣбъ ежегодно поступалъ въ запасные магазины общества. Съ уничтоженіемъ же крѣпостничества и съ отводомъ по 7 десятинъ на душу крестьянамъ въ надѣлъ земли, круга эти Удѣльное вѣдомство оставило за собою, а впослѣдствіи и продало ихъ въ личную собственность желающимъ, обыкновенно мѣстнымъ «богачамъ» крестьянскаго же сословія.

Теперь приступимъ къ описанію средствъ къ жизни.

Главнѣйшими изъ средствъ къ жизни мѣстнаго населенія являются: хлѣбопашество, скотоводство, луговодство и огородничество, льноводство и рыболовство и, какъ промыслы, дающіе средства для уплаты разныхъ повинностей, извѣстны здѣсь: охота (по мѣстному «лѣсованіе»), рубка и возка лѣсу и сдирка скалы.

a) Хлѣбопашество.

Хлѣбопашество въ данной мѣстности занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ промысловъ, дающихъ средства къ жизни и уплатѣ разнаго рода повинностей, но сѣется главнымъ образомъ лишь рожь и овесъ, отчасти только горохъ и ячмень. Рожь и овесъ въ совокупности занимаетъ $^{9}/_{10}$ всей засѣваемой площади. Система хозяйства здѣсь, какъ и всюду на Сѣверѣ, трехпольная. Обработка почвы производится сохою и бороною, которыя замѣчательны лишь тѣмъ, что своею конструкціею они едва ли не древнѣе всякаго княжескаго рода. О плугахъ или даже объ усовершенствованной сохѣ или боронѣ крестьяне не имѣютъ и понятія. Почва въ Тавреньгѣ не одинакова по обществамъ; такъ, напр., въ Тавренгскомъ и Хмельницкомъ обществѣ очень хорошая, а въ прочихъ—«такъ себѣ», но всюду требуется очень много хорошаго навознаго удобренія, дабы получить и хорошій урожай. На хорошо «сдобренной» землѣ, напр., рожь родится здѣсь сама 8—10, а иногда и сама 12-я, тогда какъ безъ удобренія она не родилась бы и въ половину того.

Посѣвъ яроваго бываетъ около 10—20 мая, вслѣдъ по оттаяніи земли, когда будетъ возможность вспахать полосу. Озимое сѣется между 10 — 25 іюля мѣсяца, но при этомъ руководствуются слѣдующею примѣтою: когда летающіе мураши (муравьи) будутъ довольно крупны и числомъ ихъ будетъ много—самая настоящая пора сѣва, по замѣчанію мѣстныхъ агрономовъ.

Жатва хлѣбовъ начинается, какъ только созрѣютъ зерна, но въ Ширыхановѣ жнутъ и ранѣе, не дожидая полной зрѣлости, во избѣжаніе вызябанія хлѣбовъ. Вообще жатва происходитъ отъ 10-го августа до 1-го сентября.

Молоченье начинается тотчасъ же по окончаніи жатвы, а иногда и во время ея. Послѣднее бываетъ когда, что называется «размокропогодилось», и въ данномъ случаѣ, чтобы не сгнилъ хлѣбъ, его сейчасъ же убираютъ съ полей въ гумна, гдѣ, въ овинахъ, усиленно сушатъ и обмолачиваютъ.

Мелютъ всегда на своихъ мѣстныхъ водяныхъ мельницахъ, въ которыхъ недостатка здѣсь нѣтъ, такъ какъ рѣчекъ и ручьевъ здѣсь множество. Изъ мельницъ особо-примѣчательными по своему оригинальному устройству являются на р. Подюгѣ «мельницы-колотушки» (крупянки). Устройство ихъ таково: устанавливаются въ рѣкѣ 4 столба, скрѣпленные брусами; между столбами кладется деревянный валъ съ нѣсколькими шипами на немъ, къ одному концу этого вала—что къ рѣкѣ—прикрѣпляется колесо. Подъ валъ кладутся на камняхъ или деревѣ 2 ступы, отъ которыхъ идутъ 2 песта, тоже съ шипами—и вотъ все ихъ устройство. Колесо вертится вмѣстѣ съ валомъ, шипы послѣдняго задѣваютъ за шипы пестовъ и поднимаютъ песты на извѣстную высоту; затѣмъ шипы расходятся, песты падаютъ и ударяютъ своими концами въ ступу съ зерномъ, и такимъ образомъ получается крупа. Такая мельница сверху покрывается тескомъ, но съ боковъ столбы не обшиваются ничѣмъ. Во время разлива рѣки ступы снимаются, а колесо прикрѣпляется къ землѣ коломъ, дабы не вертѣлось—и мельница убрана. Устраиваютъ ихъ на самой «быстротѣ», чуть-ли не посреди рѣки, напр. при дер. Вельцевской, Верхне-Подюжскаго общества, какъ видно изъ прилагаемаго наброска.

Само собою, разумѣется, подобныя меленки могутъ удовлетворить лишь одну деревню, да и то смолотъ зерно на крупу сомнительнаго качества, но за то не дорого стоитъ ея устройство: 5—6 руб. только.

Тавреньга вообще изобилуетъ хлѣбомъ (исключая Ширыхановскаго и отчасти Верхне-Подюжскаго обществъ) и считается житницею остальныхъ волостей своего уѣзда, а равно Кадниковскаго и даже Каргопольскаго, Олонец. губ. Въ одинъ Кадниковскій уѣздъ на мѣстные пристани Тавреньга ежегодно отпускаетъ десятки тысячъ пудовъ зерна, преимущественно овса. Рѣдкій крестьянинъ не продастъ въ зиму 50—100 пудовъ ржи или овса, а нѣкоторые (напр., собственники «полевыхъ круговъ») продаютъ по 500 и болѣе пудовъ. Такой излишекъ хлѣба объясняется не тѣмъ, чтобы земля въ данной мѣстности была ужъ очень плодородна, а главнымъ образомъ потому, что населеніе очень трудолюбиво и старается около землицы, холитъ и удабриваетъ ее такъ, какъ, пожалуй, нигдѣ и никто. Удобреніемъ служитъ здѣсь еловая хвоя, которая ежедневно постилается подъ скотъ и, подопрѣвая подъ нимъ, образуетъ отличное удобреніе для полей. Каждый заботливый хозяинъ ежегодно срубаетъ и привозитъ такой хвои для своего двора не менѣе 100 возовъ. Нерачителя къ земледѣлію всячески здѣсь осмѣиваютъ, напр. если крестьянинъ запустилъ, не вспахалъ полосу, то его сосѣди, въ какой-нибудь праздникъ, подъ хмѣлькомъ, не преминутъ посмѣяться надъ нимъ, скажутъ: «Що, братъ, Петруха (или кто иной), сталъ, видно, разживаться,—земли отъ симянъ стало оставаться?»... Эта насмѣшка, эта колкость всегда попадаетъ, какъ говорится, «не въ бровь, а въ самый глазъ» и сопровождается взрывомъ хохота со стороны постороннихъ, и такой нерачитель Петруха конечно на будущее время изъ-за одного самолюбія не оставитъ не вспаханной полосы.

Продуктами хозяйства большинство крестьянъ пріобрѣтаетъ средства не только къ жизни и уплатѣ повинностей, но и на пріобрѣтеніе предметовъ роскоши и «выпивку». Положимъ, потребности крестьянъ до того малы, что держась буквальнаго смысла словъ, предметовъ роскоши и не существуетъ въ данной мѣстности. Напр. купить на штаны 3 аршина какого-нибудь трека въ 20—25 к. за аршинъ—здѣсь уже предметъ роскоши, а не необходимость, но это едва-ли можно отнести къ предметамъ роскоши...

Въ Верхне-Подюжскомъ обществѣ неурожай хлѣба бываетъ, но только всегда послѣ дождливой осени, такъ какъ мѣстность эта весьма гориста, и водою размываетъ почву, а слѣдовательно и удобрительные соки стекаютъ въ рѣку; это съ горъ; что-же касается низменныхъ мѣстъ въ поляхъ, то ихъ въ такое время заноситъ пескомъ. Такъ или иначе, словомъ, въ такое время рожь или не родится вовсе, или родится очень плохою. Яровые хлѣба въ сказанномъ обществѣ тоже не всегда удаются хорошими, но неурожай послѣднихъ бываетъ отъ діаметрально противоположной причины, а именно отъ засухи весною или лѣтомъ. Когда пишется этотъ очеркъ, то въ Верхне-Подюжскомъ обществѣ рожь уродилась такъ плоха, что многіе крестьяне не сжали ее, и населенію грозилъ голодъ, но мѣстное земство выручило его. Причина неурожая—сырая осень 1893 г.

Что-же касается Ширыхановскаго общества, то, должно сказать, земля тамъ очень-бы удобна для пахоты по своему плодородію, но бѣда здѣсь въ томъ, что по близости полей находится масса озеръ, озерковъ и болотъ, отчего хлѣбъ въ большинствѣ случаевъ вызябаетъ, когда буквально весь, когда часть его. Но въ этотъ годъ, напр. 1894—урожай хлѣба тамъ былъ хорошій потому, что прошлогодняя осень стояла теплою, да и лѣто сего 1894 года было тоже теплое, безъ заморозковъ, а это для ширыхановцевъ такое счастіе, какого они въ 10 лѣтъ лишь однажды видятъ, испытываютъ его. По крайней мѣрѣ такъ разсказываютъ, что полный урожай хлѣба бываетъ тамъ изъ девяти лѣтъ въ десятый, т. е. въ теченіи 9-ти лѣтъ хлѣбъ тамъ или вовсе вызябаетъ или часть его, лишь въ одинъ годъ изъ десяти родится онъ полный. Отъ такихъ частыхъ неурожаевъ населеніе дошло до крайней степени обѣдненія, и за этимъ обществомъ числится громадная сумма недоимки, пополнить которую они едва-ли когда-либо будутъ въ состояніи. Напр. по одной продовольственной ссудѣ недоимки въ губернскій продовольственный капиталъ числится за обществомъ по 10-е

октября 1894 г. (155 рев. душъ) 2727 руб., болѣе чѣмъ по 16 руб. 30 коп. на каждую душу [1]), не говоря о другаго рода недоимкахъ и частныхъ долгахъ...

На этомъ мы и кончимъ говорить о хлѣбопашествѣ.

б) Скотоводство.

Скотоводствомъ занимаются здѣсь по стольку, по скольку оно необходимо для хозяйства каждаго домохозяина, т. е. по количеству распашки опредѣляется и количество скота, ибо содержится скотъ въ данной мѣстности исключительно для накопленія навоза, дабы удобрить землю. Конечно, очень часто бываетъ и то, что вслѣдствіе бѣдности хозяина, скота содержится и менѣе того количества, чѣмъ-бы ему слѣдовало по его участку земли.

Вообще-же скотъ является мѣриломъ крестьянскаго благосостоянія въ мѣстности: чѣмъ болѣе скота у N., тѣмъ лучше у него удабривается земля, а слѣдовательно лучше родится и хлѣбъ, и—наоборотъ.

Разводятся здѣсь лошади, коровы, овцы и частію свиньи, но послѣднихъ разводятъ очень мало, лишь одни богачи. Обыкновенно зажиточный (не богатый и не бѣдный) крестьянинъ имѣетъ здѣсь отъ 10 до 15 коровъ, 2 лошади и до 20 шт. овецъ. Но это далеко не то, что мы привыкли подъ этими цифрами понимать: скотъ здѣсь до того плохъ, мелкорослъ, что едва-ли можно гдѣ-либо и встрѣтить такого; не видавшій такого скота всегда приметъ здѣшнюю самую большую корову за теленка, да и то, выражаясь по мѣстному, «нера̊женьково».

Достаточно сказать, что отъ 10 коровъ — чему даже трудно повѣрить—масла здѣсь не поступаетъ въ продажу и фунта, его еле хватаетъ только для своей семьи, хотя живутъ крестьяне болѣе чѣмъ скромно и ³/₄ года постятся. Причина такого плохаго состоянія скотоводства кроется, по нашему мнѣнію, въ томъ, что кормятъ коровъ исключительно соломою и, какъ роскошь лишь, если изрѣдка дадутъ по зимамъ солому съ сѣномъ, что называется «тряску», а потому коровы зимою буквально еле ноги передвигаютъ, а часто и совсѣмъ околѣваютъ. Да и лѣтомъ, по плохому состоянію скотскихъ выгоновъ, скотъ немного поправится отъ зимней голодовки, такъ какъ выгонныя мѣста большею частью или боровыя или болотистыя и такъ или иначе безтравны. Лошадей и овецъ хотя кормятъ сѣномъ, но послѣднее не имѣетъ достаточнаго количества растительныхъ соковъ, а потому—мало питательно.

Въ слѣдствіе такихъ причинъ и самая порода скота выработалась путемъ естественнаго приспособленія къ внѣшнимъ условіямъ жизни въ какую-то особую, если позволительно такъ выразиться, въ «навозную» породу. Бываютъ исключенія (у богатыхъ крестьянъ) изъ этого опредѣленія относительно лошадей и свиней, но, что касается коровъ, то это опредѣленіе какъ нельзя болѣе подходитъ къ подобному типу скота: они, какъ уже сказано, мелкорослы, коротки, тощи, вымя почти не замѣтно, но животъ чуть не по землѣ волочится!

Средняя стоимость рабочей лошади здѣсь 30 руб., коровы 8—10 руб., овцы 3 руб. и свиньи 5 руб. Изъ однихъ этихъ цифръ уже можно судить о качествѣ и дородствѣ скота...

в) Луговодство и огородничество.

Имѣя въ виду, что всѣ по-занадѣльныя земли принадлежатъ здѣсь или удѣльному или казенному вѣдомствамъ, то луговодствомъ занимаются крестьяне не съ тѣмъ усердіемъ и любовію, какъ въ другихъ мѣстахъ губерніи; напр., хотя-бы въ Кадни-

---

[1]) Свѣдѣнія эти получены изъ мѣстнаго волостнаго правленія.

ковскомъ уѣздѣ. Тамъ, т. е. въ Кадниковскомъ уѣздѣ, каждый крестьянинъ всѣми силами старается во 1-хъ пріобрѣсти какой-нибудь клочекъ сѣнокосной земли, «поженку» и, пріобрѣтя, расчищаетъ его «для себя», холитъ его какъ малое дитя. Не то здѣсь: купить крестьянину какой-нибудь клочекъ земли для сѣнокоса невозможно, такъ какъ продажи земель нѣтъ, расчищать-же арендуемые участки не хочется, «потому—не своя», говорятъ крестьяне, — «сево году я арендую, а на-прокъ (на будущій годъ) Богъ знаетъ кто его возьметъ»... Неудивительно поэтому, что здѣшній крестьянинъ равнодушенъ къ расчисткѣ сѣнокосовъ, и послѣдніе зарастаютъ годъ отъ году. Правда, удѣльное вѣдомство въ послѣднее время отдаетъ годные для пашни или сѣнокоса участки земли въ долгосрочную аренду, и крестьяне охотно берутъ ихъ съ обязательствомъ расчистить, но мы должны сказать, насколько это намъ извѣстно, что берутся такіе участки крестьянами болѣе для «лѣску» и для новинъ, т. е. подсѣкъ, но о расчисткѣ мало думаютъ они. Новины сначала засѣваютъ рожью, а потомъ льномъ или тимофеевкой. Безъ обязательства-же расчистки, отдача лѣсныхъ участковъ земли подъ новины не допускается.

На своихъ-же надѣльныхъ земляхъ крестьяне расчищаютъ покосы охотно, но много-ли на надѣлѣ расчистишь? Впрочемъ, въ Ширыхановѣ и на надѣльной землѣ можно было-бы сдѣлать прекрасные покосы, если приложить стараніе, но... ширыхановцы такъ сжились съ нуждою безъисходной, что мало и заботятся объ улучшеніи своего благосостоянія; «руки, что называется, опустились у нихъ». Да въ лѣни по расчисткѣ покосовъ можно и не обвинять ихъ, потому что въ Ширыхановѣ у богатаго крестьянина 5—6 коровенокъ, а у бѣдныхъ — ихъ же большинство—всего 1—2 и сѣна безъ расчистки всегда бываетъ достаточно. Вотъ почему и мало заботятся ширыхановцы о расчисткѣ покосовъ; но намъ могутъ возразить, что сѣно, излишнее отъ своего хозяйства, ширыхановцы могли-бы продать. На это мы можемъ тоже задать вопросъ: куда сбыть его?..

Что-же касается огородничества, то оно здѣсь находится въ очень плачевномъ состояніи, отчасти вслѣдствіе климатическихъ условій, отчасти по неумѣнію крестьянъ вести его болѣе разумно. Садятъ въ здѣшнихъ огородахъ преимущественно картофель [1]), лукъ, рѣдьку и капусту, но послѣдняя родится очень плохо, лишь первыя изъ вышеупомянутыхъ овощей родятся хорошо и наиболѣе отвѣчаютъ вкусу обывателей. Относительно-же прочихъ огородныхъ овощей, какъ-то: свеклы, моркови, огурцовъ и т. п., то здѣшніе крестьяне и не слыхали объ нихъ, хотя упомянутыя овощи могли-бы и здѣсь рости. Наиболѣе всего садится здѣсь картофеля 10—15 грядъ у каждаго крестьянина, — но картофель ростетъ здѣсь не особенно крупный и по той простой причинѣ, что садить его на гряды принято здѣсь очень густо.

г) Льноводство и рыболовство.

Какъ льноводство, такъ и рыболовство не составляютъ здѣсь промысла, держась буквальнаго смысла этого слова. Каждый домъ (начнемъ съ льноводства) заготовляетъ ежегодно здѣсь столько льна, сколько его необходимо для себя, на изготовленіе нитокъ, одежды и т. п., но въ продажу льна во всей мѣстности почти не поступаетъ и пуда. Ленъ сѣется здѣсь обязательно на пахотной землѣ, отчего онъ и родится весьма не высокаго качества. Новинъ, т. е. подсѣкъ для льна не рубятъ, да если бы и желали сдѣлать это, то нѣтъ мѣста въ надѣльномъ участкѣ земли, да и арендовать ее негдѣ.

Посѣвъ льна производится одновременно съ яровыми хлѣбами и сѣется онъ тоже въ разбросъ, какъ и яровое. Осенью, около 15-го августа, когда головки и стебель льна

---

[1]) Картофель введенъ здѣсь, кстати сказать, только въ 1765 г., когда въ Верховажскую Ратушу прислано было изъ Сената 1/2 ф. сѣмянъ его для раздачи населенію (Мясниковъ: «Ист. свѣдѣнія о Вельск. у.»).

пожелтѣютъ (что считается признаками зрѣлости), тогда его рвутъ. Этою работою занимаются женщины, они же и обвязываютъ его въ снопы, но сдѣлать «вѣшало» и повѣсить на него снопы льна—это уже дѣло мужчинъ. Вѣшало дѣлается такъ: втыкаются въ землю два кола наперекрестъ и связываются въ мѣстѣ скрещеванія вицами, затѣмъ на извѣстномъ разстояніи — 5—10 аршинъ — еще такимъ же образомъ втыкаются два кола, и на нихъ кладется сверху жердь, на которую и вѣшаютъ снопы льна для просушки.

Когда ленъ на такихъ вѣшалахъ достаточно просохнетъ, тогда его увозятъ въ гумно, гдѣ тоже сушатъ на овинахъ, затѣмъ выколачиваютъ изъ головокъ сѣмя, а стебельки его растилаютъ по лугамъ и оставляютъ тамъ до 1—10 октября, т. е. до заморозковъ или снѣгу. Послѣ снятія съ луговъ ленъ еще разъ сушатъ въ овинахъ, а затѣмъ мнутъ на мялицахъ, треплютъ, чешутъ и, наконецъ, прядутъ его. Орудія обработки, думается, общеизвѣстны, поэтому мы и не будемъ говорить о нихъ.

Теперь о рыболовствѣ.

Изъ породъ рыбъ, водящихся въ здѣшнихъ рѣкахъ и рѣчкахъ, извѣстны: щука, окунь, налимъ, сигъ, нельма, харьюзъ, сорога, елецъ и ершъ, а въ рѣку Подюгу заходитъ и семга, даже довольно крупныхъ размѣровъ, фунтовъ 20—30 и болѣе рыба. Ловятъ рыбу здѣсь болѣе для своей потребы, рѣдко для продажи, за неимѣніемъ по близости мѣста сбыта, но рыбы, надо сказать, въ здѣшнихъ рѣкахъ и рѣчкахъ очень много. Общеупотребительными ловушками служатъ здѣсь: морда, ванда, понизовка; это все—издѣлія изъ вицъ ивняка; изъ сѣтей же здѣсь извѣстны: мережки и курма. Всѣ ловушки, свитыя изъ вицъ, какъ, впрочемъ, и курма, ставятся въ ворота заѣзковъ [1]) Рыба, желая пройти внизъ или вверхъ по теченію рѣки (смотря по времени года, такъ ловушки и ставятся) и не находя другаго выхода, кромѣ устроенныхъ воротъ, загороженныхъ тою или другою ловушкою, обыкновенно и попадаетъ въ нее. Такимъ же образомъ ставится и курма, какъ сказано, хотя она и сдѣлана изъ нитокъ, а не изъ вицъ; что же касается мережекъ—обыкновенныя сѣти,—то рыбу ловятъ въ нихъ загономъ, т. е. поставятъ поперекъ рѣки двѣ такія мережки на разстояніи одна отъ другой 30—40 саженъ, и пространство между ними начинаютъ болтать шестами, бросать въ воду камни, вообще производить шумъ, разъѣзжая на лодкахъ, отчего рыба начнетъ бросаться по сторонамъ и попадать въ ту или другую мережку, что, собственно говоря, и нужно было охотнику-рыболову.

д) Охота.

Прежде всего мы должны сказать, что самое слово «охота» замѣняется здѣсь словами «лѣсованіе», «лѣшня», а потому при описаніи охоты мы будемъ держаться мѣстныхъ выраженій, поясняя непонятныя слова въ скобкахъ. Лѣсованіемъ занимаются здѣсь большею частью въ періодъ времени съ 15-го августа по 1-е ноября, но нѣкоторыми видами лѣшни, какъ, напр., на медвѣдя, оленя, лося, куницу, зайца и т. п. занимаются и всю зиму.

Предметами лѣшни въ данной мѣстности являются: векша (бѣлка—тожъ), рябчикъ, полевикъ (тетеревъ) и полевая, утка, лисица, куница, заяцъ, медвѣдь, олень, лось, волкъ, рысь.

Лѣсованіе на бѣлку - самое распространенное изъ всѣхъ видовъ лѣшни. Лѣсуютъ за этимъ красивымъ и хитрымъ звѣрькомъ всегда съ собаками, такъ какъ безъ нихъ найти человѣку векшу не только трудно, но почти не возможно. Можно увидѣть векшу лишь случайно, когда она спрыгиваетъ съ дерева на дерево.

Векша весною и лѣтомъ бываетъ желтой шерсти, а осенью и зимою сѣрою. Сѣрая

---

[1]) Заѣзокъ или ѣзъ—родъ небольшой плотины, сдѣланной поперекъ рѣки изъ хвои, сверху заваленной камнями.

векша называется «бѣлкою» и охотятся на нее тогда, когда она бываетъ въ послѣднемъ видѣ.

Разсмотримъ вкратцѣ всѣ способы лѣсованія за каждымъ предметомъ лѣшни отдѣльно, а затѣмъ уже перейдемъ къ результату этого промысла: сколько доходу приноситъ онъ въ годъ занимающимся имъ.

Итакъ, лѣсникъ, узнавши, что векша поспѣла, стала «бѣлкою» [1]), на утро собирается за лѣшней. Прежде всего онъ тщательно промываетъ ружье, беретъ рогъ и наполняетъ его порохомъ, кожаный кошеликъ дробью, берестяной сосудикъ—пистонами и все это, вмѣстѣ взятое, складываетъ въ холщевый кошель, привѣшиваемый къ шеѣ, не преминувъ положить туда и кудели для пыжей. Позавтракавъ самъ и покормивъ своего вѣрнаго товарища «лыска» или «громка»,—отправляется въ лѣсъ. Его «лыско» или «громко» стрѣлою мчится впередъ своего хозяина и слѣдомъ находитъ въ лѣсу бѣлку, о чемъ и даетъ знать ему громкимъ лаемъ. Лѣсникъ, заслышавъ лай своего лыска, немедленно отправляется къ нему, ежеминутно и самъ посвистывая и покрикивая: «лай, ла-ай'», что дѣлается для того, чтобы лыско не убѣгъ, а зналъ бы, что хозяинъ идетъ къ нему. Найдя лыска, лѣсникъ осматриваетъ то дерево, на которое тотъ лаетъ и, если бѣлки не видать, то колотитъ его топоромъ. Бѣлка, заслышавъ стукъ о дерево, на которомъ сидитъ, или перескочитъ на другое дерево или какимъ-нибудь движеніемъ дастъ о себѣ знать, что отъ опытныхъ глазъ лѣсника не скроешь. Замѣтивъ ее, лѣсникъ стрѣляетъ, предварительно положивши дуло ружья на какое-нибудь дерево, дабы «не стряхнуться», ибо стрѣляютъ здѣсь всегда «съ прикладу». Убивши бѣлку, лѣсникъ отрѣзаетъ заднія лапки отъ нея и отдаетъ ихъ своему лыску, въ видѣ награды, а самую бѣлку затыкаетъ за свой кушакъ. Если же такая найденная бѣлка до него уже кѣмъ-либо другимъ была найдена и «гонена», то она становится чрезвычайно хитрою и топоромъ ея не выколотишь, а увидать ужъ тѣмъ болѣе не возможно, ибо она заберется подъ самую вершину дерева и засядетъ въ такіе густые прутья (вѣтви) ели или сосны, да ляжетъ еще вдоль по пруту, что увидѣть ее надо оставить попеченіе. Бываетъ и то, что лѣсникъ замѣтитъ хвостъ такой «гоненой» бѣлки и сдѣлаетъ 10—15 выстрѣловъ въ нее, не причиняя ни малѣйшаго вреда ей, да если бы и попалъ нѣсколькими дробинками, то она на столько живуча, что смерти не послѣдовало бы, а лишь одно временное страданіе. Но встрѣчаются между бѣлками и такія—«погонныя»—что, какъ только собака почуяла ее и залаяла, такъ она и пойдетъ прочь, перескакивая съ дерева на дерево и такъ быстро это дѣлаетъ, при томъ ежеминутно измѣняя направленіе, что рѣдкую собаку «не спутаетъ», а когда же собака собьется съ пути, то такая бѣлка засядетъ на какомъ-нибудь высокомъ деревѣ, что не скоро найдешь, да и найдя, не скоро выгонишь ее оттуда. Такіе «погонныя» бѣлки являются для лѣсника чистымъ несчастіемъ: отступиться отъ нея и жалко и стыдно, согнать же на болѣе низкое дерево однимъ колоченіемъ о дерево ничего не подѣлать; единственное средство въ этомъ отношеніи является—это срубить то дерево, на которомъ засѣла бѣлка. Но рубить громадное дерево изъ-за какой-нибудь ничтожной бѣлки во 1-хъ не резонно, а во 2-хъ и строго воспрещается, поэтому зачастую лѣсники уходятъ прочь отъ такихъ «погонныхъ», махнувши рукой, и розыскиваютъ другую. Нѣкоторые лѣсники, впрочемъ, прибѣгаютъ въ этомъ случаѣ къ слѣдующему способу согнать бѣлку: они лѣзутъ на то дерево и не долазая немного до вершины его, «стряхиваютъ» бѣлку, но прибѣгаютъ къ этому способу рѣдко, потому что не на каждое дерево возможно улѣзть да и не каждому по силамъ, и кромѣ того пока слазаетъ лѣсникъ на землю, такая «погонная» бѣлка можетъ по вершинкамъ деревъ уйти очень далеко и снова засѣсть на какомъ-нибудь деревѣ, сбивши лыска, тогда лѣснику уже не возможно ее найти.

Настрѣлявши 10—15 шт. бѣлокъ, вечеромъ лѣсникъ отправляется домой, если

[1]) Бѣлкою потому еще называется, что кожа на ней въ то время бываетъ бѣлою, у желтыхъ-же она синяя.

домъ не далеко, а—далеко, тогда въ какую-нибудь «истопку» [1]), гдѣ сдираетъ шкурки и просушиваетъ ихъ на особыхъ пяльцахъ, мясо же отдаетъ своему лыску. Переночевавъ, снова отправляется за лѣшней.

Лѣсованіе на рябчика, полевика (тетерева) начинается приблизительно съ 8-го сентября, по наступленіи «стужи», дабы сохранить эту дичь до прихода скупщиковъ, что бываетъ въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ. Рябчиковъ стрѣляютъ изъ ружей, приманивая на пищикъ, а также ловятъ ихъ въ силышка, какъ и въ прочихъ мѣстахъ. Полевиковъ бьютъ изъ ружей также осенью, но ловятъ въ силышка здѣсь по иному способу, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ, напр. въ Кадниковскомъ уѣздѣ, а именно: петлю прикрѣпляютъ здѣсь не на землѣ, какъ тамъ, а на какомъ нибудь деревѣ, куда они чаще всего слетаются, обыкновенно на березѣ. Ради приманки кладутъ на то дерево грозди рябиновыхъ или вересовыхъ ягодъ, запасенныхъ ранѣе для этой цѣли. Ягоды кладутся по ту и по другую сторону петли, и птица, объѣвъ ягоды по одну сторону, идетъ по вѣткѣ на другую и попадаетъ въ петлю. Лѣсуютъ за тетеревами или по мѣстному «полевиками» и на токахъ, по близости которыхъ лѣсники устраиваютъ себѣ изъ хвои «шалаши, дабы скрыть свое присутствіе, но такъ какъ этотъ способъ лѣсованія общеизвѣстенъ, то мы и не будемъ о немъ говорить.

Утокъ бьютъ при перелетѣ на озерахъ, рѣкахъ и рѣчкахъ, осенью, но за «выводками» не лѣсуютъ; развѣ случайно лѣтомъ, въ сѣнокосъ, собака найдетъ стадо молодыхъ и придушитъ ихъ, тогда лѣсникъ волей неволей уберетъ ихъ на «жаренье».

Лѣсованіе на лисицу, куницу и рысь бываетъ случайное, тогда, когда лѣсникъ случайно натолкнется на ихъ слѣды или ему скажутъ объ этомъ другіе. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ беретъ свое ружье, лыска и отправляется за поискомъ, а найдя стрѣляетъ. Зимою лисицъ ловятъ еще въ клепцы (капканы), которые ставятъ на ея слѣды, «тропы». Она обыкновенно ходитъ куда-либо за поѣдью однимъ и тѣмъ-же мѣстомъ, ступая въ одинъ и тотъ же слѣдъ свой; на такихъ мѣстахъ—тропахъ—и ставятся клепцы. Но такъ какъ лисица, какъ извѣстно, чрезвычайно хитра, иногда черезъ толстый слой снѣга заслышитъ запахъ желѣза, то здѣсь нашли способъ и ее обманывать. Этотъ способъ заключается въ томъ, что клепцы, прежде чѣмъ поставить подъ лисицу, натираютъ предварительно травою, извѣстною здѣсь подъ именемъ «богородской», добываемой лѣсниками черезъ богомольцевъ съ Соловецкихъ острововъ, гдѣ она будто-бы только и растетъ [2]).

Чтобы «привабить» лисицу лѣсники вывозятъ въ лѣсъ какое-нибудь павшее животное, вокругъ котораго и становятся клепцы.

Что же касается зайцевъ, то какъ-какъ ихъ только и ни истребляютъ! Бьютъ ихъ изъ ружей, ловятъ въ клепцы, нитки, кряжи. Изъ ружей бьютъ ихъ большею частью раннею осенью, когда зайцы по вечерамъ выбѣгаютъ на гладкіе пеннинки или въ полянки съ озимью. Нитки же ставятся уже глубокою осенью, обыкновенно въ изгороди вокругъ какой-нибудь полянки съ озимью, куда по ночамъ прибѣгаютъ они ѣсть молодую озимь, ибо трава въ это время уже погибаетъ. Клепцы ставятся зимою на ихъ, заячьихъ, тропахъ, какъ и кряжи, но такъ какъ всѣ эти способы описаны нами въ прежнемъ очеркѣ (см. «Троичина», Кадниковскаго уѣзда, «Жив. Стар.» 1892 г., вып. II и III), то мы и не считаемъ нужнымъ говорить объ нихъ здѣсь, отсылая интересующихся къ той статьѣ.

На медвѣдя лѣсуютъ здѣсь большею частью зимою, во время глубокаго снѣга, въ февралѣ или въ началѣ марта. Это въ берлогахъ. Но мы были бы не точны, не упомянувши о томъ, что лѣсуютъ за ними и во всякое время года, только послѣдняго рода лѣсованіе является случайностью. Напримѣръ: заслышавъ лѣсникъ, что у такого-то крестьянина задралъ медвѣдь корову, лошадь или овцу, наконецъ,—что бываетъ очень рѣдко, т. е. овецъ-то онъ рѣдко задираетъ — отправляется розыскивать «уши-

[1]) Истопка—маленькая лѣсная избушка, безъ оконъ.
[2]) Такая трава—бѣлаго цвѣта, говорятъ, забиваетъ запахъ желѣза.

бину» и, найдя, устраиваетъ по близости лабазъ, а затѣмъ садится на него и, затаивъ дыханіе подкарауливаетъ медвѣдя. Подкараливаютъ его и на овсяныхъ полянкахъ, стоящихъ близъ какого-нибудь крупнаго лѣса. Въ томъ и другомъ случаѣ прежде всего дѣлается лабазъ, устройство котораго несложно: кладутся на вѣтки двухъ, близко стоящихъ одно отъ другаго, деревъ двѣ жерди, и концы ихъ связываются межъ собой вицами, дабы не разъѣхались — вотъ и все устройство лабаза. Высота лабаза отъ земли бываетъ около 1 саж. Но мы должны оговориться здѣсь, что бьютъ медвѣдей съ лабаза лишь только лѣсники «первоучки», а старый и опытный лѣсникъ никогда но сядетъ не лабазъ, считая это для своей чести унизительнымъ и всегда бьетъ медвѣдей съ земли, и такихъ лѣсниковъ-смѣльчаковъ масса въ данной мѣстности. Такихъ опытныхъ и храбрыхъ лѣсниковъ не охотящійся мѣстный народъ называетъ колдунами, знающимися съ чертями, ибо храбрость такихъ лѣсниковъ выходитъ за предѣлы ихъ пониманія. Намъ, т. е. пишущему эти строки, извѣстенъ одинъ изъ такихъ лѣсниковъ по прозванію Лисквчъ, живущій въ Хмельницкомъ обществѣ, который въ свою жизнь убилъ болѣе 50 шт. медвѣдей и охотился за ними всегда одинъ. Этотъ Лискичъ разъ убилъ медвѣдя даже стягомъ (анщпугомъ), такъ какъ ружья при себѣ не имѣлъ. Дѣло было такъ, судя по его разсказу, подтверждаемому сосѣдями его: Лискичъ рубилъ бревна въ лѣсу, вдругъ его «сѣрко» залаялъ въ сторонѣ отъ него и такъ, что по его лаю сразу замѣтно, что лаетъ на звѣря, а не на кого-либо другаго. Приходитъ онъ къ своему сѣрку и видитъ, что тотъ стоитъ надъ берлогою. Что дѣлать? вернуться домой за ружьемъ — далеко, тогда онъ вырубилъ аншпугъ и давай тыкать имъ въ берлогу, дабы медвѣдь разсердился и вышелъ. Вотъ, наконецъ, вылезаетъ медвѣдь и лишь только показалъ свою голову, какъ его «треснетъ» Лискичъ своимъ стяжкомъ, и медвѣдь опять «укурнувъ» въ свое логовище, и второй разъ намѣревается вылѣзти медвѣдь, онъ и второй разъ угостилъ его тѣмъ-же, а въ третій разъ уже окончательно пришибъ, ибо попалъ межъ глазъ. Послѣ третьяго удара Лискичъ самъ залѣзъ въ берлогу со своимъ сѣркомъ и вытащилъ оттуда медвѣдя еще немножко «живенькаво».

Принимая во вниманіе, что Лискичъ обладаетъ и теперь громадною силою (ему около 70 лѣтъ), а въ молодые годы, конечно, еще былъ сильнѣе, то и повѣрить въ правдивость этого случая можно, не смотря на то, что всѣ лѣсники любятъ «прихвастнуть»...

На волковъ лѣсуютъ такъ: берутъ въ сани собаку или поросенка и разъѣзжаютъ ночью по полямъ и лѣсамъ, непрестанно трепля собаку или поросенка, дабы визжали. Волки, заслышавъ визгъ, подбѣгаютъ къ санямъ, чего лѣсникъ и ждетъ, за-ранѣе сдѣлавши ружье на прицѣлъ... Ловятъ ихъ въ ямы и клепцы, но это уже общеизвѣстныя ловушки.

Лѣсованіе на лосей (по мѣстному «сохацей») и оленей бываетъ только въ зимнее время, да и то во время глубокаго снѣга. Вотъ какъ оно бываетъ: замѣтивши слѣды того или другаго животнаго, лѣсникъ беретъ лыжи и отправляется по слѣдамъ ихъ и гонится за ними до тѣхъ поръ, пока они не пристанутъ, что опытному лѣснику не трудно узнать, такъ какъ приставшее изъ стада животное все чаще и чаще будетъ ложиться на снѣгъ. Добившись того, что животное уже изнемогаетъ, двинуться не можетъ далѣе, лѣсникъ подходитъ къ нему возможно ближе и пристрѣливаетъ, а затѣмъ гонится за слѣдующими и т. д. Иногда случается—хотя очень рѣдко,—что такимъ образомъ лѣсникъ все стадо перестрѣляетъ и рѣдкое животное спасется. Но къ сохачу на близкое разстояніе не подходятъ изъ опасенія, что дастъ «стрекача» заднею лапой, на что они, надо сказать, очень способны. Самое удобное время для этого рода лѣсованія бываетъ въ началѣ марта мѣсяца, когда на снѣгу образуется небольшой настъ, легко поднимающій человѣка на лыжахъ, а животное обрывается и обрѣзываетъ настомъ ноги. Гоньба этихъ животныхъ продолжается иногда по цѣлой недѣлѣ и лѣснику волей неволей приходится ежедневно въ лѣсу и ночевать, хотя бы при 30 — 40° мороза, — погоды, какъ видите, не совсѣмъ благопріятной для ночлега подъ открытымъ небомъ!

Но нашъ сѣверный крестьянинъ до того привыкъ къ разнымъ невзгодамъ, до того «смекалистъ», что изъ всякой бѣды найдетъ себѣ выходъ. И въ данномъ случаѣ найдетъ способъ спасти себя отъ замерзанія. Способъ этотъ заключается въ томъ, что лѣсникъ, желая переночевать въ лѣсу, подыскиваетъ и срубаетъ еловую или осиновую «сушу» (сухоподстойное дерево), отрубаетъ отъ нея двѣ чурки по 1 саж. длины, раскалываетъ ихъ на половины и выдалбливаетъ топоромъ часть середины этихъ плахъ, дѣлая изъ нихъ какъ бы колоды для пойла скоту, затѣмъ опять складываетъ ихъ въ одно мѣсто, предварительно положивши въ пустую середину ихъ хворосту и огня. Чурки эти начинаютъ внутри по-немножку тлѣть, но не вспыхиваютъ пламенемъ, такъ какъ притокъ воздуха внутрь ихъ не большой. Разжегши чурки, лѣсникъ выгребаетъ въ снѣгу яму, подстилаетъ подъ себя хвои и ложится спать, положивши возлѣ себя, по ту и другую сторону, эти тлѣющія чурки. Такимъ образомъ онъ и спасается отъ морозовъ и даже прекрасно выспится. Говорятъ, что такое ложе, именуемое, надо сказать, въ одномъ мѣстѣ «нотья», а въ нѣкоторыхъ «ночья», бываетъ очень тепло. Какое вліяніе оказываетъ подобная «нотья» или «ночья» на здоровье спящаго—говорить нечего, надо имѣть привычку и очень крѣпкое здоровье, чтобы безвредно переносить подобные ночлеги.

Что касается выгоды, представляемой охотничьимъ промысломъ, то мы должны сказать, что промыселъ этотъ является не малымъ подспорьемъ для крестьянскаго благосостоянія мѣстности, въ особенности для Шпрыхановскаго общества, гдѣ хлѣба, какъ уже сказано ранѣе, часто вызябаютъ и средства къ жизни приходится получать не отъ хозяйства. Такъ, намъ извѣстно, что крестьянинъ лѣсникъ, постоянно занимающійся (исключая сѣнокосной поры) этимъ промысломъ заработываетъ по 50 и болѣе руб. въ годъ, а если удастся ему убить медвѣдя, то и 100 руб. Занимающіеся этимъ же промысломъ, но только въ одно осеннее время (а такихъ лѣсниковъ большинство) заработываютъ отъ 10 до 20 руб. въ осень.

е) Сдирка березовой скалы и рубка лѣсу.

Еще въ недавнее, сравнительно, время, лѣтъ 15—20 тому назадъ, промыселъ сдирка березовой коры, называемой по мѣстному «скалы», былъ главнымъ послѣ хлѣбопашества во всей мѣстности, а въ настоящее время совершенно упалъ. Причинъ такому паденію промысла много; главная изъ нихъ та, что «березнику мало стало вблизи», по словамъ крестьянъ, а во-вторыхъ «дорога пошлина (аренда) стала». Прежде платилось аренды за пудъ скалы 5—6 коп., теперь же 10—12 коп., какъ разъ вдвое. Деготь, между тѣмъ, въ цѣнѣ съ каждымъ годомъ падаетъ (скала идетъ спеціально на выкурку дегтя) да и требованіе на него уменьшается. Но какъ бы то ни было, а промысель этотъ все же существуетъ еще, и нельзя обойти его молчаніемъ, а потому мы и о немъ скажемъ нѣсколько словъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ, до наступленія сѣнокосной поры крестьянинъ-берестяникъ приходитъ къ мѣстному окружному надзирателю (нынѣ, кажется, именуются начальниками округа) съ заявленіемъ, что въ такой-то дачѣ, въ такомъ-то обходѣ или кварталѣ, онъ желаетъ содрать столько-то пудовъ скалы. Окружный надзиратель обыкновенно записываетъ его и выдаетъ проходное свидѣтельство, что-ли, въ дачу, съ которымъ крестьянинъ и отправляется туда, вмѣстѣ со всею почти семьею. Найдя березовый лѣсъ, семья обдираетъ съ него кору. (Въ іюнѣ кора обыкновенно отопрѣваетъ отъ ствола дерева и легко сдирается) и укладываетъ ее въ грудки, тутъ же въ дачѣ. Грудки эти покрываются отъ дождя еловою корою и заваливаются камнями и прочей тяжестью, дабы не спихнуло ихъ вѣтромъ. Во время этой работы семья безвыходно живетъ въ лѣсу по цѣлой недѣлѣ, претерпѣвая при этомъ всевозможныя перемѣны погоды, укусы и уколы милліоновъ кишащихъ вокругъ ея комаровъ, оводовъ и т. п. твари.

Покончивши работу, семья отправляется домой и приготовляется уже къ сѣнокосу. Зимою, какъ только установится санный путь, крестьянинъ-берестяникъ прокладываетъ къ своимъ грудкамъ дорогу и увозитъ скалу домой; затѣмъ идетъ опять къ окружному надзирателю за провознымъ билетомъ, при этомъ уплачиваетъ аренду всю сполна. Получивши билетъ, онъ везетъ скалу въ Кадниковскій уѣздъ, гдѣ и продаетъ ее на дегтекурные заводы, которыхъ тамъ много.

Заработываетъ семья этимъ промысломъ въ настоящее время отъ 10 до 20 руб. въ годъ только. Чтобы заработать эти несчастные 10—20 р. потребно громадное количество рабочихъ дней и не удивительно, что промыселъ этотъ упалъ...

Но счастіе русскаго крестьянина никогда не покидало. Съ упадкомъ промысла по сдиркѣ скалы, возникъ другой, еще болѣе выгодный,—это рубка и возка лѣсу на Удѣльное вѣдомство, купившее въ Архангельскѣ, какъ слышно, лѣсопильный заводъ и теперь заготовляющее изъ своихъ дачъ ежегодно до 100 тыс. бревенъ. Лѣса здѣсь громадные, можно сказать, дѣвственные, и ихъ такая масса, что надолго еще хватитъ распиливать, хотя-бы даже заготовка ихъ была дѣлаема изъ одной только описываемой мѣстности, чего нѣтъ да и ждать нельзя. Заработокъ по рубкѣ и возкѣ бревенъ для данной мѣстности равняется 10 тыс. руб. и болѣе, не считая сплава бревенъ, гдѣ тоже перепадаетъ «малая толика» мѣстному крестьянству. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подъ рукою болѣе или менѣе вѣрныхъ данныхъ о томъ, сколько ежегодно заработываетъ населеніе отъ Удѣльнаго вѣдомства по эксплуатаціи имъ своихъ богатѣйшихъ лѣсовъ...

Отхожихъ промысловъ въ данной мѣстности не существуетъ. Есть промыселъ мѣстный: плетеніе изъ лыка разной утвари, какъ-то: лукошковъ, корзинъ, пестерей, лаптей и т. п., но имъ, какъ промысломъ, занимаются только старики и то очень немногіе и заработываютъ этимъ отъ 5 до 8 руб. въ зиму. Здѣсь каждый, или почти-что каждый крестьянинъ умѣетъ самъ сдѣлать изъ лыка нужное для семьи и лишь рѣдкіе изъ нихъ прибѣгаютъ къ покупкѣ сихъ издѣлій.

На этомъ мы и покончимъ со средствами къ жизни.

Умственное развитіе населенія и народное здравіе.

Въ общемъ народъ въ данной мѣстности уменъ, смѣтливъ, но въ слѣдствіе неразвитія своего и разныхъ историческихъ причинъ выработалъ въ себѣ характеръ весьма скрытный: здѣшній крестьянинъ очень не сообщителенъ и говоритъ съ посторонними не иначе, какъ сдерживая и затаивая свои чувства. Особенно рѣзко выражается эта скрытность при разговорѣ съ чиновникомъ или, выражаясь по мѣстному, «барномъ», хотя къ числу баръ они причисляютъ и полицейскаго урядника. Въ этомъ случаѣ каждый крестьянинъ держится крѣпко рутинной фразы «знать не знаю и вѣдать не вѣдаю», хотя-бы вопросъ шелъ о капустѣ. Боязнь передъ начальствомъ не описуема. Наставленіе о томъ, какъ держать себя передъ начальствомъ выражается въ многочисленныхъ пословицахъ, напр: «ѣшь пироги съ грибами, а языкъ держи за зубами». «хвали сѣно въ стогу, а барина въ гробу». «Въ карманѣ кружки (понимается: монеты), такъ и чиновники дружки», и т. д., разумѣя подъ послѣдней, что если денегъ много, то и съ чиновниками водить дружбу можно, а въ противномъ случаѣ «держи языкъ за зубами».

Большинство населенія отличается любопытствомъ, желаніемъ проникнуть, понять суть дѣла, исключая ширыхановцевъ, которые какъ-бы на все окружающее ихъ махнули рукой. Про равнодушіе ширыхановцевъ сложилась слѣдующая басня: «Ерцяна (жители дер. Ерцева) раньше жили такъ, що и не знали: есть-ли на свитѣ какой-нибудь другой народъ, акромя ихъ; но вотъ, разъ, вошовъ одинъ мужикъ въ лѣсъ дровъ рубить и чуетъ (слышитъ) изъ-за лѣсу—пѣтухъ поетъ. Що, думаетъ, за притця? Пошовъ на крикъ пѣтуха и нашовъ цѣлую деревню (Руснново) людей.. Кабы не пѣтухъ, онѣ и все-тъ бы не знали другъ друга», говорятъ таврежане.

Въ послѣднее время замѣчается среди населенія стремленіе къ обученію своихъ дѣтей грамотѣ, въ результатѣ чего возникло 7 школъ грамоты. Хотя и нельзя отнести это всецѣло къ иниціативѣ самаго народа, такъ какъ о развитіи грамотности заботятся священники, и большинство школъ явилось по ихъ совѣту, но нельзя умолчать и о томъ, что не будь желанія у самихъ крестьянъ обучать своихъ дѣтей, то они не послушали-бы ни чьихъ совѣтовъ. Потребность-же въ грамотности сильно ощущается здѣсь. Достаточно сказать, что ни въ Верхне-Подюжскомъ, ни въ Ширыхановскомъ обществахъ нѣтъ своего сельскаго писаря до сихъ поръ: нанимаютъ въ Нижней-Подюгѣ. Представьте себѣ, читатель, что, для того, чтобы написать какой-нибудь ничтожный сельскій приговоришко, въ 3—5 строкъ, требуется, напр. изъ ближайшей деревни Ширыханова (Хмелеванской) ѣхать за писаремъ за 45 верстъ, а если такой приговоръ писать въ той деревнѣ (Гора), гдѣ живетъ сельскій староста, то надо еще прибавить 12 вер., итого 57 верстъ. За 57 верстъ ѣхать по ужасной дорогѣ за писаремъ, такъ какъ въ своемъ обществѣ нѣтъ такого человѣка, который способенъ былъ бы написать 3—5 строкъ—это-ли не ужасно? а, между тѣмъ, фактъ.

Въ настоящее время народное образованіе находится здѣсь въ слѣдующемъ положеніи: земскихъ школъ 2, а именно въ с. Пономаревскомъ и при церкви въ Хмельникахъ. Въ с. Пономаревскомъ школа носитъ названіе «земское училище», а въ Хмельникахъ «земская школа», но какая между ними разница—вѣдаетъ аллахъ!

Учащихся въ 1892—3 учебномъ году было:

въ Пономаревскомъ училищѣ	мальчиковъ	44	58 чел.
	дѣвочекъ	14	
Кончило курсъ ученія:	мальчиковъ	11	12 чел.
	дѣвочекъ	1	
Въ томъ-же году въ Хмельницкой школѣ училось:	мальчиковъ	19	
Кончило курсъ ученія		9	
Учащихся дѣвочекъ не было.			

Школъ грамоты въ упомянутомъ учебномъ году было 7, а именно въ деревняхъ: Пуминовѣ, Харитоновской, Кузнецовѣ, Заболотной, Боровской, Велико-Николаевской и Хмелеванской; учащихся было въ нихъ:

Въ Пуминовской школѣ:	мальчиковъ	11	15 чел.
	дѣвочекъ	4	
Въ Харитоновской	мальчиковъ	13	18 чел.
	дѣвочекъ	5	
Въ Кузнецовской	мальчиковъ	8	9 чел.
	дѣвочекъ	1	
Въ Заболотной	мальчиковъ	8	11 чел.
	дѣвочекъ	3	
Въ Боровской	мальчиковъ	11	
	дѣвочекъ не было.		
Въ Велико-Николаевской	мальчиковъ	8	
	дѣвочекъ не было.		
Въ Хмелеванской (въ Шпрыхановѣ)	мальчиковъ	10	
	дѣвочекъ не было.		
Итого:	мальчиковъ	69 чел.	
	дѣвочекъ	13 »	
	Всего	82 »	

Въ слѣдующемъ 1893—4 учебномъ году число школъ грамоты увеличилось еще на 2, а именно: открыты школы въ деревняхъ Великопольской, гдѣ учащихся было 10 чел., въ томъ числѣ 3 дѣвочки, и затѣмъ въ Нижне-Подюжскомъ обществѣ, гдѣ учащихся было 19 чел., въ томъ числѣ тоже 3 дѣвочки.

Кромѣ того въ данной мѣстности открыта недавно церковно-приходская школа, при Покровско-Ширыхановской церкви, но о дѣятельности ея мы не имѣемъ свѣдѣній. Помѣщается она въ убогонькой церковной сторожкѣ, гдѣ живетъ сторожъ, вотъ набросокъ съ нея:

Учителемъ въ земскомъ училищѣ состоитъ кончившій курсъ въ Тотемской Учительской Семинаріи, жалованіе которому мѣстное земство платитъ 200 руб. въ годъ да «прибавочныхъ» за пятилѣтнюю службу 40 руб. Сверхъ того земство расходуетъ на это училище: жалованія законоучителю 50 р.; за обученіе пѣнію 12 р., на сторожа, отопленіе и освѣщеніе 40 руб. Квартира же подъ училище отъ волости.

Въ Хмельницкой земской школѣ учительница получаетъ жалованія только 10 или 12 руб. въ мѣсяцъ.

Учителями же въ школахъ грамоты бываютъ мальчики, кончившіе курсъ земскаго училища или школы, вознагражденіе они получаютъ большею частью «натурою», зерномъ, а именно: отъ 10 до 20 фун. ржи съ каждой ревизской души того общества, въ которомъ находится школа. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ школахъ вознагражденіе получается и деньгами—по 1 руб. съ каждаго учащагося, за бѣдныхъ же платитъ общество. Квартира же для школъ грамоты или нанимается сообща «міранами» или отводится по очередно, напр. сегодня у Петра, а завтра у Ивана и т. д.

Понятно, отъ такихъ школъ, какъ школы грамоты, ждать многаго нечего, принимая во вниманіе ихъ теперешній учительскій персоналъ, но все же, думается, лучше пусть будутъ существовать пока они, чѣмъ отсутствіе всякой школы. Конечно, лучше бы имѣть еще 2 земскихъ училища, нежели всѣ эти 9 школъ грамоты, но средства у Земства весьма ограниченны, да и въ силу разбросанности населенія открывать такія училища пришлось бы въ каждомъ обществѣ, ибо сгруппировать учащихся въ какихъ-либо двухъ мѣстахъ не возможно. Населеніе здѣсь такъ разбросано, что цѣлыя десятки верстъ отдѣляютъ деревню отъ деревни того или другаго общества. Напр. отъ ближайшихъ деревень Хмельницкаго общества до ближайшихъ деревень слѣдующаго по дорогѣ Нижне-Подюжскаго разстояніе равно 15 верстамъ; отъ Нижне-Подюжскаго до Верхне-Подюжскаго 16 верстъ, отъ Верхне-Подюжскаго Ширыхановскаго 27 верстъ. Мыслимо ли при подобныхъ разстояніяхъ посѣщеніе школы мальчиками изъ разныхъ обществъ? Нанять же квартиру по близости школы, платить за содержаніе крестьяне не имѣютъ средствъ.

Открыть же во всѣхъ обществахъ по училищу, какъ уже сказано, Земству не посиламъ.

Вотъ главныя причины сравнительно слабаго еще развитія грамотности въ данной мѣстности. Кромѣ того надо принять во вниманіе еще то, что дѣти школьнаго возраста являются подсобниками своему отцу, матери въ различнаго рода работахъ и «управахъ» по хозяйству, и лишеніе такого подсобника для иныхъ родителей составляло бы значительный ущербъ ихъ хозяйству, слѣдовательно и благосостоянію семейства.

Что же касается медицинской части въ мѣстности, то дѣло это находится еще въ болѣе плачевномъ состояніи, нежели народное образованіе. Во всей мѣстности находится одинъ только фельдшерскій пунктъ, въ с. Пономаревскомъ, да и тотъ такъ бѣдно снабженъ со стороны Земства медикаментами, что пользы ждать отъ этого нечего, даже хотя бы при всемъ желаніи и умѣніи завѣдывающаго имъ фельдшера. Это во-первыхъ, а во-вторыхъ фельдшеру вмѣняется въ обязанность завѣдывать не только этою волостью, но и прочими, еще далѣе находящимися отъ пункта, нежели Ширыханово, а потому оказаніе кому-либо своевременно медицинской помощи не мыслимо. Въ самомъ дѣлѣ, если случится кому-либо заболѣть, напр., хотя бы въ Ширыхановѣ, за 100 верстъ отъ пункта, то скоро-ли съѣздятъ за фельдшеромъ, имѣя въ виду, что весною и осенью дорога туда бываетъ почти въ буквальномъ смыслѣ слова не проѣзжая? Скоро-ли, наконецъ, фельдшеръ пріѣдетъ да и поѣдетъ-ли по такой дорожкѣ, гдѣ полпути приходится идти пѣшкомъ? Можно, какъ говорится, сто разъ умереть, нежели дождаться помощи.

Неудивительно поэтому, что народъ здѣсь въ большинствѣ случаевъ по прежнему лечится своими «средствіями», и охотно обращается къ знахарямъ и знахаркамъ,

каковыхъ не занимать стать въ такой глуши! Да такое печальное явленіе, впрочемъ, всеобщее на Сѣверѣ Россіи, вслѣдствіе разбросанности населенія.

Разсмотримъ, насколько намъ это извѣстно, всѣ способы домашняго леченія и его результаты.

Всѣ простудныя болѣзни, какъ напр., лихорадку, воспаленіе легкихъ и т. п., по словамъ мѣстнаго фельдшера П., обязательно лечатъ «жаромъ». Это леченіе заключается въ томъ, что больнаго водятъ въ жарко-натопленную баню и тамъ «хвощутъ» его вѣникомъ чуть не до потери сознанія, а затѣмъ приводятъ домой и укладываютъ на печку, покрывая шубами. Если это не поможетъ, то, значитъ, больной не достаточно еще «пропотѣлъ» и его снова начнутъ лечить жаромъ, но на этотъ разъ уже не въ баню ведутъ, а запихиваютъ въ печку-пекарку и закрываютъ ее заслонкой, хотя бы самъ больной и протестовалъ противъ закрытія печки. Какъ результатъ такого леченія случается—хотя рѣдко,—что больной задыхается тамъ на смерть, если домашніе лекаря не догадаются во время вытащить его оттуда. Но если больной перенесъ печку благополучно, то его вслѣдъ затѣмъ поятъ настоемъ какой-нибудь лечебной травы или водкой, настоянной на стручковомъ перцѣ.

Оспу и корь тоже обязательно печкой или баней лечатъ, дабы «зажечь» болѣзнь.

О простомъ поносѣ (по мѣстному—«черево») говорятъ, что «сорванъ пупъ», и лечатъ его горшкомъ. Этотъ оригинальный и варварскій способъ леченія состоитъ въ томъ, что берутъ большой глиняный горшокъ, кладутъ въ него свернутую въ пушъ кудель и зажигаютъ, а затѣмъ моментально опрокидываютъ горшокъ на животъ больнаго и держатъ такъ нѣсколько минутъ. Больной испытываетъ при этомъ страшныя боли въ животѣ, такъ какъ въ горшкѣ послѣ горенія образуется безвоздушное пространство, и весь животъ больнаго втянется въ него, но населеніе крѣпко вѣритъ, что послѣ такой операціи больной обязательно долженъ поправиться. Эту же болѣзнь лечатъ также и заговорами, которые произносятъ надъ водою или лукомъ и заговоренный предметъ даютъ больному выпить или съѣсть.

Вывихи, растяженія связокъ и ушибы лечатъ прикладываніемъ къ больнымъ мѣстамъ теплыхъ припарковъ изъ сѣнной «трухи» (измельченнаго сѣна) или пелёвы (мякины) отъ овса. Но по невѣжеству знахарей и знахарокъ прикладываніе припарковъ продолжается иногда слишкомъ долго и вмѣсто пользы приноситъ больному значительный вредъ, а именно прикладываютъ ихъ до нагноенія.

Всѣ дѣтскія болѣзни лечатъ «наговоромъ» (заговорами) на настой какой-нибудь мѣстной травы, и настой этотъ даютъ ребенку пить.

Болѣзни глазъ, напр. трахому лечатъ сначала такъ: вылизываютъ языкомъ внутри вѣкъ, предполагая, что туда попала шаминка (соринка, пыль), а когда болѣзнь не проходитъ отъ лизанія, тогда варятъ щелокъ (вода смѣшанная съ печной золой), и паръ съ этого щелока пускаютъ въ глаза, для чего больной стоитъ надъ кадушкой по цѣлому часу времени въ наклонномъ положеніи. Нечего и говорить уже о томъ, что отъ такого леченія у больнаго сдѣлается еще большій приливъ крови къ головѣ и къ больному глазу, и еще больше усилится болѣзнь, тѣмъ болѣе, что пары щелока очень ѣдки. Если же вылизывающая вѣки знахарка сифиличка, то въ довершеніе бѣдъ и сифилисъ еще привьетъ несчастному, что и случалось. Кромѣ того пускаютъ иногда въ больной глазъ нюхательнаго табаку, чтобы «проѣло» и глазъ былъ бы свѣтлѣе, а то вмѣсто табаку практикуется пускать туда водку-перцовку и тоже для той цѣли, чтобы «проѣло»... Само собою, разумѣется, что подобное леченіе не рѣдко ведетъ не къ выздоровленію, а къ совершенной потерѣ глаза, а то и обоихъ вмѣстѣ. Къ счастію, надо отмѣтить, что въ послѣднее время очень рѣдко стали прибѣгать къ подобному способу леченія, все чаще и чаще обращаются за помощью въ г. Вельскъ къ врачу или въ с. Пономаревское къ фельдшеру, отдавая имъ предпочтеніе въ леченіи глазъ передъ своими знахарями.

Раны, язвы, ссадины лечатъ кто и чѣмъ попало или какъ кого научилъ свой мѣстный знахарь. Напр. моютъ раны своею мочей, заливаютъ лакомъ, засыпаютъ землей,

табакомъ и проч., и проч. Всѣ эти средства вызываютъ лишь нагноеніе—и ничего больше за исключеніемъ развѣ лака, которымъ, будто бы, если покрыть свѣжую рану, то очень полезно; да этому, пожалуй, и повѣрить можно, такъ какъ лакъ не пропускаетъ въ рану ни воздуха, ни тѣмъ болѣе пыли.

Отъ ревматизма лечатся настоемъ травы, извѣстной здѣсь подъ названіемъ «костоломка».

Вообще, надо сказать, леченіе травами здѣсь очень распространено, и есть такія старушки-знахарки, которыя имѣютъ до 100 сортовъ разныхъ мѣстныхъ травъ и ими лечатъ обращающихся къ нимъ.

Вотъ нѣкоторыя изъ наиболѣе распространенныхъ лечебныхъ травъ:

1—2. Грыжныя. Употребляются отъ грыжи, какъ показываетъ и самое названіе.

3. Бѣлоцвѣтка. Тоже отъ грыжи.

4. Боровой вересъ. Отъ шума въ головѣ.

5. Шумиха. Тоже отъ головнаго шума.

6. Родимецъ. Употребляется отъ болѣзни, извѣстной здѣсь подъ именемъ «родимца» или золотухи.

7. Адамова голова. Употребляется отъ головной боли, отчего бы это не произошло.

8. Стародудка. Отъ боли живота у женщинъ.

9. Усолна. Отъ колотья боковъ.

10. Усовная. Тоже.

11. (Безъ названія). Отъ головной боли.

12. » » Тожъ.

13. Утиная. Отъ спинной боли.

14. Георгіевское копье. Тоже отъ спинной боли, и кромѣ того считается полезною для охотника-звѣролова.

15. Сквозница. Отъ головной боли.

16. Саксъ-Сапарель. Отъ «худой» болѣзни (Sifilis).

17. Отёковая. Отъ опухоли.

18. Костоломка. Отъ боли костей и ранъ.

19. Сонъ. Отъ безсонницы по ночамъ.

20. » Отъ женской болѣзни.

21. Золотуха. Отъ болѣзни послѣ родовъ.

22. » Отъ непросыпу.

23. » Отъ женскихъ внутреннихъ болѣзней.

24. Звѣробой. Отъ кашля.

Всѣ эти травы завариваются и употребляются такъ же, какъ чай, только съ непремѣннымъ условіемъ: пить на голодный желудокъ, а не послѣ обѣда или ужина.

Кромѣ лечебныхъ травъ извѣстны здѣсь еще «колдовскія» травы, но, къ сожалѣнію, пишущему эти строки не удалось пока раздобыться ни однимъ экземпляромъ ихъ. Такъ, напр., извѣстны здѣсь:

а) Петровъ крестъ. Полезна для охотника-рыболова.

б) Супротивница. Полезна для воровъ, съ помощью ея якобы отмыкаютъ замки. Растетъ въ рѣкѣ напротивъ теченія, отчего и получила названіе «супротивницы».

в) Одоленъ корень. Употребляется для привораживанія дѣвицъ.

г) Поясъ. Употребляется противъ невозможности исполнить супружескія обязанности. (Мужч.).

д) Чертополохъ. Употребляется для изгнанія бѣсовъ, вообще «нечистой силы» изъ дому.

А. Шустиковъ.

(*Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ*).

Письма а) аббата Іос. Добровскаго 29 Дек. 1821 г. и б) В. С. Караджича 9 Ноября 1824 г. къ Министру Народнаго Просвѣщенія Шишкову.

Отъ Ред. Подлинники этихъ двухъ писемъ находятся съ недавняго времени въ библіотекѣ нашего Университета. Оба они не лишены интереса какъ для біографіи двухъ замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи славянской науки и образованности, такъ и для исторіи отношеній западныхъ Славянъ къ Россіи въ XIX-мъ столѣтіи. Письмо высокопросвѣщеннаго и проницательнаго критика, великаго основателя Славяновѣдѣнія отличается благородною независимостью тона, а письмо очень даровитаго самоучки, отличнаго знатока живого сербскаго языка и народнаго быта, къ сожалѣнію, не лишено приниженной лести и развязнаго попрошайничества.

Euer Excellenz

Hochzuvehrerender Herr Präsident.

Ehe ich Wien, wo mir Herr Vuk ein Schreiben von Deroselben verehrlichen Hand überreichte, verlasse, nehme ich mir die Freyheit, Euer Exc. zu bitten, ein Exemplar von meiner slavischen Grammatik gütig an-und aufzunehmen. Dass ich von dem Wurzelsystem auch Erwähnung machte, war wohl nothwendig. Ich hielt mich in andern Stücken, als in den Paradigmen an alte Codices, um darnach alte Denkmale besser verstehen zu lernen. Wie nun—immer das Urtheil einer erlauchten russischen Gesellschaft ausfallen möge, so bin ich mir meines Fleisses bewusst und verdanke hierin meine Einsichten den alten Handschriften, die ich in Russland 1792 zu benutzen Gelegenheit hatte.

Ein zweytes Exemplar, das beyliegt, wünschte ich wohl durch Euer Excell. Seiner Majestät dem Kaiser Alexander überreicht zu wissen. Indessen soll diesz Eu. Exc. Gutachten anheim gestellt seyn. Sollte diesz Werk für so einen Monarchen vizel zu gering scheinen, so bitte ich das zweyte Exemplar dem Herrn Reichskanzler Rumanzow überreichen zu lassen, der die Gnade für mich hatte, mir ein Exemplar von Leo Grammaticus, das aber in Petersburg, zurückblieb, zu senden zu lassen.

Wenn ich Karamsins vortreffliche Geschichte werde excerpirt haben, [1]) so will ich Hand an mein Onomasticum anlegen, und die alte slawische Welt vom Dnepr bis an die Moldau in Personen—Namen darstellen. Apollos Grammatik wünschte ich zu sehen, da ich nicht einmal errathen kann, ob sie die alte slawische Sprache oder die russische zum Gegenstande hat.

Diesen Brief so wohl als die zwey Exemplare übergebe ich dem Herrn Wuk, der sie bey der russ. Gesandschaft abgeben wird. Diesen Winter verbleibe ich in Prag, da ich 16 Monate mit dem Drucke meines Werkes zugebracht hatte. Euer Excellenz befehlen mit Ihrem

ganz ergebensten

Diener Ioseph Dobrowsky.

Wien
den 29 December
1821.

NS. In der Vorrede äussere ich den Wunsch, dass doch einmal von der alten slavonischen Version der Evangelien und des Psalters eine grössere Probe gegeben werden möchte, aber mit Beybehaltung der alten Schriftzüge der alten Orthographie und aller Lesarten, auf die Art, wie man des Ulfila gothische Uebersetzung herausgegeben hat.

Gott erhalte Euer Excellenz bey steter Gesundheit und vollen Kräften, zum weitern Gedeihen der slavischen Literatur.

Ваше Высокопревосходительство,

Милостивый Государь!

Прежде половины года я имѣлъ щастіе поздравить ваше высокопревосходительство съ чиномъ Адмиральскимъ, и послать вамъ два экземпляра мною собранныхъ и въ Лейпцигѣ напечатанныхъ народныхъ Сербскихъ пѣсней. Потомъ я имѣлъ щастія съ неописанною радостію читать въ разныхъ вѣдомостяхъ, что вы ужь Министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. Всякой человѣкъ, желающій щастіе роду человѣческому, и всякой Славянинъ, желающій щастія и славы народу Славянскому, долженъ презѣлною радостію радоваться сему, не только для Россіи, но и для всѣхъ народовъ

[1]) Статья Добровскаго объ исторіи Карамзина (первыхъ 8-ми томовъ) принадлежитъ къ замѣчательнымъ современнымъ отзывамъ объ исторіи государства Россійскаго и заслуживала бы большаго вниманія нашихъ новѣйшихъ ся критиковъ. У насъ къ сожалѣнью слишкомъ мало извѣстенъ и прекрасный разборъ Русскаго академическаго Словаря (1806—1822 г.) напечатанный Добровскимъ въ тѣхъ же Wiener Iahrbücher, гдѣ былъ помѣщенъ и его разборъ исторіи Карамзина, вмѣстѣ со многими другими столь же замѣчательными критическими статьями великаго ученаго. *Ред.*

Славянскихъ прещастливому событію, и непрестанно молитъ Всевышняго о сохраненіи драгоцѣннѣйшей жизни вашей на премногая лѣта; кольми паче я, имѣющій щастіе быть покровительствуемъ вашимъ высокопревосходительствомъ и ожидающій отъ васъ и собственнаго щастія своего! Что вы мнѣ желали и обѣщали сдѣлать посредствомъ другихъ, это (и еще много лучше) можете нынѣ сами сдѣлать. Вамъ извѣстно, что мнѣ паче всего было-бы пріятнѣе достать пенсію. (Есть ли бы я имѣлъ щастіе теперь быть предъ вашимъ высокопревосходительствомъ, безсумнительно вы спросили бы меня: коликую пенсію? отвѣтъ: отъ 100—или по крайней мѣрѣ отъ 150 червонцевъ ежегодно, въ прочемъ: чѣмъ болѣе, тѣмъ лучше). Зная что величайшія заслуги часто (наипаче безъ покровительства) остаются ненагражденны, не смѣю сказать, что я сочиненіемъ первáго Сербскаго Словаря и первой Грамматики, собираніемъ народныхъ Сербскихъ пѣсней, и сочиненіемъ додатка къ Санктпетербургскимъ сравнительнымъ Словарямъ всѣхъ языковъ и нарѣчій съ первымъ опытомъ о Болгарскомъ языкѣ, заслужилъ такую милость Царя величайшаго изъ народовъ Славянскихъ; но единственно надѣюсь получить оную посредствомъ вашего высокопревосходительства, посредствомъ министра, знающаго цѣнить труды сего рода. Твердо уповая быть ощастливленъ вашимъ высокопревосходительствомъ, я опять теперь съ моимъ семействомъ преселился въ Вѣну.

По возвращеніи моемъ изъ Лейпцига (въ мѣсяцѣ мартѣ сего года) я отдалъ здѣсь Господину Татищеву одинъ экземпляръ народныхъ Сербскихъ пѣсней для отправленія къ Государю, который онъ и отправилъ, и (колико я могъ узнать) Государь приказалъ ему, одарить меня по благоразсужденію своему; и такъ прежде нѣсколько времени врученно мнѣ въ здѣшней канцеляріи Русскаго посольства пятьдесять червонцевъ.

Честь имѣю теперь послать вашему высокопревосходительству два экземпляра (одинъ для Академіи, а другой для вашей собственной библіотеки) моей Сербской Грамматики, которая издана на Нѣмецкомъ языкѣ нынѣшнимъ первымъ Нѣмецкимъ филологомъ и Грамматикомъ, Іаковомъ Гриммомъ. Есть ли ваше высокопревосходительство за благоразсудите одинъ экземпляръ сея книжки поднести Государю, то я вамъ (для вашей библіотеки) съ величайшею радостію пошлю другой.

Въ милостивомъ и высокопочтеннѣйшемъ письмѣ вашего высокопревосходительства отъ 18 октября 1820 года вы желали отъ меня имѣть Богемскій Словарь съ Нѣмецкимъ или инымъ какимъ языкомъ, каковаго я тогда не могъ найти; но послалъ вамъ Нѣмецко-Богемскій Словарь; потомъ изданъ Георгіемъ Палковичемъ, Богемскаго и Словачкаго языковъ Профессоромъ въ

Пресбургѣ, Богемскій Словарь съ Нѣмецкимъ и Латинскимъ языками (въ двѣ части), который я теперь честь имѣю вамъ послать, также одинъ экземпляръ народныхъ Словачкихъ пѣсней (Pjsne swetske Lidu slowenskeho v Uhrjch). Есть ли вы сіи книги ужъ получили отъ кого нибудь другаго, то я прошу покорнѣйше о извиненіи: причина отсутствія моего изъ Вѣны, что я ихъ вамъ прежде не послалъ. (Не сумнѣваюсь, что Добровскій послалъ вамъ своего Кирила и Меѳодія).

Сего прошлаго лѣта я былъ съ Архимандритомъ Кенгельцемъ; онъ отвѣтствовалъ вамъ на письмо, посланное ему чрезъ меня по почтѣ прошлаго года, и теперь ожидаетъ отъ васъ отвѣта.

Поручая себя милости и покровительству вашего высокопревосходительства съ глубочайшимъ высокопочтеніемъ честь имѣю быть

Вашего высокопревосходительства Милостиваго Государя
покорнѣйшимъ слугою
Вукъ Стеф. Караджичемъ.

Въ Вѣнѣ 9 ноября
1824 г.

ОТДѢЛЪ II.

Сказанія и сказки.

I.

Объ Іосифѣ Прекрасномъ.

(Записано со словъ крестьянина дер. Велико-Николаевской Степана Орлова).

Братья Яковъ и Осафъ стали рожатсё да и заспорили, имъ надо выйти изъ брюха обоимъ старшимъ братомъ, одинъ станётъ рожатсё, а другой за ногу держитъ. Вотъ потомъ и родивсе первой братъ въ шерстѣ, а мéньшой братъ голой, какъ и мы. Бóльшому дали имя Осафъ, а младшому—Яковъ. Ну, вотъ потомъ они и нáчали жить, большой сынъ—отца любимецъ, а меньшой—материнъ. Отецъ сдѣлавсё въ темнотахъ и живетъ въ особыхъ залахъ, потомъ и призываетъ къ сибѣ любимца и говоритъ ему: «мнѣ, Осафій, составъ жертву, пойди сегодня въ лѣсъ и набей птицы-дици, я тибѣ за это благословенье дамъ». Тотъ пошовъ. Мать и учула эти разговоры и говоритъ своему любимцю: «пойди ты въ хлѣвъ и выбери тамъ козлища, который помегче, надо сдѣлать отцю жертву, благословенье получить тибѣ». Вотъ они (Яковъ съ матерью) и составили жертву, она и посылаетъ ево съ жертвою къ отцю, разрѣзываетъ эту овчинку на двѣ щуки (штуки) и увиваетъ на шею галстукъ вверхъ шерстью, а на руки рукавицы, тожо вверхъ шерстью, щобы не признавъ отецъ и наказываетъ сказатсё Осафомъ. Онъ приходитъ съ этой жертвою къ отцю и говоритъ ему: «Батюшко, вставай! я тибѣ жертву принесъ». Онъ (отецъ) спросивъ: «которой это сынъ?» «Я, гытъ (сокращенное «говоритъ»), Осафій»—«Що-жо по голосу-то какъ Яковъ? Покажись, за руци пощупаю да за шею». Тотъ показавсе, старикъ повиривъ и спрашиваетъ: «гдѣ твоя жертва?» (Яковъ подалъ). «Отдаю, гытъ, тибѣ благословенье, дарю тебя пшеною и житницей и золотою казной, отдаю благословенье на вѣки нерушимое»...

Потомъ жертву исправилъ большой сынъ Осафій и приходитъ къ своему отцю въ зало: «батюшко, гытъ, вставай, я тибѣ жертву принесъ». Отецъ спросилъ; «которой это сынъ?»—Я, Осафій! Онъ сказалъ своему любимцю: ну, сынъ, у меня другово благословенья нѣтъ, видно отдано Якову».. Осафій на Якова послѣ тово осердивсе, злобу понесъ. Яковъ не засмѣвъ дома жить, пошовъ на чужую сторону. Вотъ потомъ онъ вздумавъ отдохнуть на волоку, легъ и заснувъ и видитъ (во снѣ) стоитъ лис(т)ниця отъ земли до неба, по этой лисницѣ видитъ Ангелы поднимаютсё, то снова опускаютсе, вотъ потомъ самъ Исусъ Христосъ сошовъ къ нему и ударивъ въ стегно (въ бедро ноги): «знай, Яковъ, видѣвъ Христа въ лицё!» (сказалъ Онъ). Яковъ проснувсе, пошовъ, припадочку почувъ въ сибѣ (захромалъ); зашовъ онъ въ чудскую землю, увидѣвъ ево царь чудской и спрашиваетъ ево: чей да откудъ, изъ какой земли и какъ зовутъ?

«Вотъ, гытъ, ваше царское величество, я изъ такой-то земли, таково-то короля сынъ, а вовутъ Яковомъ; я, гытъ, пришовъ свататсё: отдай дочь за меня!» «Отдамъ, Яковъ, гытъ царь и выводитъ, кажетъ ему двухъ дочерей. «Которую возьмешь?» А большая-то курослѣпенькая была (близорукая), и шадровитая, а меньшая чистая лицёмъ. «Возьму, гытъ, меньшую»... «Вотъ що, Яковъ, царь сказавъ, закону у меня таково нѣтъ, щобы черезъ бо̀льшую да отдать мѐньшую... Поживи 7 годовъ въ дворникахъ у меня, тогда отдамъ я меньшую».

Яковъ согласивсе и сталъ 7 годовъ жить въ дворникахъ. А скота было у царя 300 овецъ, 200 коровъ и 100 лошадей, всего 600 головъ. Вотъ онъ 7 годовъ проживъ и говоритъ царю: отдай за меня меньшую, а царь опѣть сказавъ, што закону таково нѣтъ, щобы черезъ бо̀льшую да отдать мѐньшую. «Возьми, гытъ, сначала большую, а еще черезъ 7 годовъ отдамъ и меньшую!» Яковъ взявъ, дѣлать нечево. Семь годовъ проживъ, взявъ и меньшую; обоихъ ему отдалъ царь. Вотъ у ево ужь дити пошли отъ жонъ, онъ сталъ просить скота у царя: «благослови, гытъ, скота мнѣ». А царь ему сказавъ: «сдѣлаемъ условьё: даю тибѣ скота приплоднаво [1]) по шерстѣ; которыя народятся лисыя, краснопѐстрыё ягната, то твои, а прочей шерсти, то мои». Дамъ изъ другово роду, коровья: какъ мячомъ убиты (яблочкомъ), то тибѣ, а прочіе—мнѣ, изъ лошадей—пегатые жеребята, то твои, а прочіё масти, то мои».

Вотъ написали условье и живутъ. Яковъ набасивъ (накрасилъ) батоговъ и наклавъ въ разныя колоды скоту, сталъ поить съ этихъ батоговъ скотъ, стали суегнитьсё овцы и нарожали все лисыхъ и краснопестрыхъ ягушекъ. Изъ овечьево роду царю едная ягушка не родилась. Изъ коровьево скота тожо царю едная не родилась, также изъ лошадинново — всѣ жеребята родились Яковы. У Якова скота утроилось противъ царя и родилось у ево отъ двухъ жонъ 11 сыновей; сталъ онъ домой проситсе у царя, на свою сторону, а царь сказавъ: «живи у меня, Яковъ!»

Яковъ не спрося пошовъ, взявъ прогонныхъ, скота и дитей, и отправивсе на свою сторону. Царь узнавъ, що Яковъ ушовъ не спрося, посмотрѣвъ всѣ свои вещи и не нашовъ золотово тельца, не спрося увезли, за нимъ въ погоню. Настигаетъ царь Якова со скотомъ и дитьми, а тотъ палатки строитъ, какъ цыганы, раскидываетъ паруса, царь и говоритъ ему: почему, Яковъ, золотово тельца увезли не спрося?

— Нѣтъ, батюшко, гытъ, я не трогавъ золотово тельца! Царь сдѣлавъ обыскъ, ничево не нашовъ,—а меньшая дочь взяла тельца-то,—отправивсе домой.

Яковъ потомъ раздиляетъ этотъ скотъ на три партіи, потому раздиляетъ, що боитсё брата своево Осафія, що побьетъ всю партію вдругъ. Онъ заказываетъ своимъ прогоннымъ: «какъ спросятъ (дорогою) чей скотъ идетъ? то отвицейте, що Якова, а ладитъ дарить скотомъ брата своево Осафія, а съ-зади и самъ идетъ». Отправлѣетъ такъ одну партію скота, другую, также и третью, все наказываетъ тожо прогоннымъ. Вотъ и встрицяетъ первую партію Осафій и спрашиваетъ: чей скотъ идетъ? Прогонной отвицѣетъ: «Якова, а ладитъ дарить имъ брата своево Осафія, а съзади и самъ идетъ». Вотъ встрицѣетъ и другую партію, тожо спрашиваетъ: «чей скотъ идетъ?» ему тожо отвицѣютъ, що и въ первой партіи; вотъ встрицѣетъ и третью партію и самово брата Якова и говоритъ ему: «здраствуй, братъ Яковъ!» поклонивсе ему, не спросивъ о скотѣ. А Яковъ сказавъ ему: «дарю тебя, братъ, всьмя тремя партіями скота!» «Не надо, гытъ Осафій, мнѣ твоево скота, у меня своево довольно». Вотъ пришовъ Яковъ въ свою землю, въ свою страну. Погостивъ у брата немного времени и прошолъ всю свою землю, едново (ни одного) села не захвативъ у брата и завелъ новую землю Удейскую, свою, и остановивсе въ ней жить. А скота-то нагонивъ не мало, просто жить! (пояснилъ намъ разсказчикъ). Устроилъ (Яковъ) пастбы для скота, накопалъ рвовъ, колодцевъ скота поить, а воды-то и не оказалось, пришлось далеко пасти скота. Вотъ вскорѣ родивсе у Якова двѣнадцатой сынъ Ведіаминъ (Веніаминъ). Въ далекихъ пастбахъ 10 братьевъ пасутъ скота, и привидѣвсе одному

[1]) Т. е. имѣющаго народиться, «приплодъ».

сонъ; кажетцё 12 братьевъ вышли въ поле всѣ жать ржы и нажали по одному снопу только и поставилъ первой снопъ на землю комлёмъ Осифъ Прекрасной (старшой сынъ), а потомъ окружили этотъ снопъ одиннадцатью снопами братья; всѣ эти снопы валилисё къ Осифову снопу, а тотъ стоитъ. Выслушавъ это, другой братъ и говоритъ: «Я могу разсудить этотъ сонъ!» «Разсуди», говорятъ братья. «У нашево батюшка любимецъ Осифъ и будетъ онъ царемъ, а мы всѣ будемъ кланятсё ему». Братья другіе осерчали: «будемъ-ли мы кланетсё ему, говорятъ, призовемъ лутше въ пустыню и даемъ ему скорую смерть». Вотъ онѣ сдѣлали заказъ своему батюшку, щобы пославъ онъ Осифа Прекраснаго къ нимъ въ пастбу съ хлѣбомъ. Яковъ, получивъ эту просьбу отряжаетъ сына своево Осифа Прекрасново къ братьямъ съ хлѣбомъ. Пришовъ Осифъ, братья и удумали ево рѣшить, скорую смерть дать, а одинъ изъ нихъ (Веніаминъ) и говоритъ: «на що ево рѣшить скорой смертью, опустимъ ево въ сухой ровъ, онъ и самъ уходитсё». Опускаютъ Осифа въ ровъ, а тотъ братъ опѣть говоритъ: «ну, теперь ступайте со скотомъ въ разныя стороны», и самъ какъ будто пошовъ, а ему жаль было Осифа и хотѣвъ онъ ево вынеть изо-рва да домой отпустить. Братья подошли да и удумали, що не ладно сдѣлали, що Осифа опустили въ ровъ, нашъ батюшко хватитсё, сдѣлаетъ розыски, и мы виновниками останемся. Вернулись назадъ и ладятъ брата вынеть изо рва и рѣшить. А тотъ братъ, що разославъ ихъ, ужъ тутъ. Приходятъ и говорятъ ему: «вотъ ты научивъ насъ, да не ладно, какъ Осифъ домой не будетъ, нашъ батюшко розыски сдѣлаетъ, и мы виновниками останемсе». Вынимаютъ изо-рва ево и ладятъ тотчасъ скорую смерть дать. Вдругъ два купца египетскіе подходятъ къ сухому рву и спрашиваютъ: «що братья дѣлаете?» «Египетскіе купцы, отвицѣютъ братья, мы вотъ що дѣлаемъ: ладимъ брата рѣщить своево». А египетскіе купцы опѣть спрашиваютъ: «почему рѣщить надо?» «А онъ у нашево батюшка любимецъ, онъ будетъ царемъ у ево, а мы во вики кланетсё будемъ ему». Египетскіе купцы на это сказали: «продайте намъ, во вѣки вашъ батюшко не узнаетъ, гдѣ онъ находитсе». Братья продали. «Ну, господа купцы египетскіе, дайтё только сертукъ снѣть (съ его) намъ!» сказали братья. Купцы отдали.

Братья зарѣзали козла и замарали платье кровью, приходятъ домой и говорятъ своему отцю Якову: «що жо, батюшко, ты къ намъ въ пустыню не пославъ Осифа съ хлѣбомъ?» «Какъ, дити, я пославъ къ вамъ Осифа»? «Такъ вотъ що, батюшко, мы шли домой за хлѣбомъ и нашли лежащей сертукъ на дорогѣ, весъ вымаранъ въ кровѣ; мы этотъ сертукъ подынули (подняли) да и опазднываемъ (признаемъ), що этотъ сертукъ нашево Осифа; левъ звирь, видно, ево разорвалъ»... «Ну, гытъ, дити, сказавъ Яковъ, безпокойною смертью помру»...

Осифа увели въ египетскую землю, и состроивъ ему купецъ мастерскую и выучивъ ево двѣнадцатимъ языкамъ разнымъ. Осифъ былъ красивой, и захотѣлось купеческой жонѣ ево полюбить; вотъ приходитъ она къ нему въ мастерскую и сказала ему: «полюби меня, Осифъ Прекрасной»! Онъ отвитивъ жонѣ купеческой: «Боюсь Бога я отъ жива мужа жону отбить»! Черезъ нѣсколько времени опѣть приходитъ (къ нему) купеческая жона и тоже говоритъ «полюби меня»; онъ тоже самое отвитивъ, що «боюсь Бога я отъ жива мужа жону отбить». Купеческа жона не могла горя стерпить, на себѣ платье изорвала, вышла безъ платья. Приходитъ къ купцу, своему мужу и говоритъ ему: «эково ты разбойника привезъ, мнѣ невходимо въ мастерскую стало, насильничеть, гытъ, сталъ... Вотъ и теперь вырвалась изъ рукъ ево, въ дверяхъ платье захвативъ, безъ платья вышла». Купецъ осердивсё, за самовольную руку посадили Осифа въ острогъ, а въ томъ острогѣ сидятъ два острожника, посажонные, самимъ царемъ Фараономъ. Первой острожникъ былъ при дворѣ первымъ хлѣбодаромъ, а второй—первой винодаръ,—вотъ какіэ острожники-тѣ! Видитъ этотъ винодаръ сонъ: кажется вышовъ (онъ) въ садъ гулеть и стоятъ древа́ въ саду, на этѣхъ древахъ рацвѣли цвѣты бѣлые, потомъ выросли ягоды красныя, кажется я этихъ ягодъ набравъ съ древовъ да нацѣдивъ чашу-цѣжу и подношу къ своему господину фараону». Другой, хлѣбодаръ, видитъ сонъ: «кажетсе несу на главѣ три корзины хлѣба, налитѣла птица

и изъ трехъ корзинъ хлѣбъ съѣла». По утру встають они и разсказывають сны, а Осифъ Прекрасной сказавъ: «я могу разсудить ваши сны! Вамъ, гыть, черезъ трои сутки выйдеть рѣшеніе; тебя, винодаръ, одобрять, останешьсё на своемъ мѣстѣ у царя фараона, а тебя, хлѣбодаръ, выведуть въ чистое поле, снесуть буйную голову съ плечь долой, птица ростащить тѣло и кости»... Потомъ Осифъ сказавъ ищо винодару: «будешь ты служить при царѣ, такъ не забудь меня»!..

Осифъ Прекрасной ищо живъ въ острогѣ три года послѣ винодара, тотъево забывъ. Потомъ царь Фараонъ видить сонъ: кажетсё пришовъ въ рикѣ, изъ воды вышло семь воловъ, сытые и гладкіе, потомъ вышло опѣть семь воловъ морныхъ, и пожорали (съѣли) морные хорошихъ, посмотривъ: такіе-жо тощіе и стали, не сколько и не прибыло ихъ. На другую ночь опѣть царь Фараонъ видить сонъ: кажетсё вышовъ въ чистое поле гулеть и видить на одной седмицѣ (волоть) вышло семь колосовъ, на другой, рядомъ-жо, тожо вышло семь колосовъ; въ одной седмицѣ полно зерно, а на другой ничево нѣтъ; но худая-то седмица и пожорала хорошую и тожо, посмотрѣвъ,—ничево не прибыло въ нихъ. Онъ (Фараонъ) и сталъ эти сны всѣмъ разсказывать и говорить, що кто-бы разсудилъ эти сны, тому-бы и царство отдалъ. «А вотъ господинъ Фараонъ, говорить ему винодаръ, въ острогѣ сидить Осифъ Прекрасной, тотъ могъ бы разгадать твои сны». Фараонъ призываетъ Осифа къ себѣ. «Осифъ Прекрасной! розсуди мои два сна»... Осифъ сказавъ ему: «господинъ царь Фараонъ! Богъ разсудить твои сны (Однако), какіе твои сны?» Фараонъ разсказалъ свои сны. «Твои сны, гыть, вотъ що значатъ: семь годовъ будетъ урождай, а семь годовъ ничево не будетъ хлѣба, хоть сій, хошь нѣтъ; вотъ худые-то годы и пойдять хорошіе».

Фараонъ снявъ съ руки перстень имянной, подалъ ему и сказавъ: «и ты такой жо царь, только корона моя! Строй-жо житницы и закупай семь годовъ хлѣбъ, щобы хватило на семь голодныхъ годовъ хлѣба на всю землю египетскую». Прошло семь годовъ хорошихъ и худыхъ и пожорали худые годы хорошихъ, хлѣба-то и нѣтъ. Всѣ въ другихъ земляхъ узнали, що у египетскаго царя запасу хлѣба много и можетъ отпущать въ другія земли. Узнали объ этомъ и братья Осифа Прекрасново и поѣхали изъ Удейской земли въ египетскую покупать хлѣбъ. Пріѣзжають къ царю Фараону; какъ увидитъ это Осифъ Прекрасной и узнавъ ихъ, осерчавъ: «Що эки за разбойники наѣхали?» а отворотивсё, да самъ и взвылъ.

Братья межъ собой и шепчутсё: «это за нашъ грѣхъ онъ озлилсё на насъ, що мы брата своево продали»; потомъ обратились къ Осифу Прекрасному и сказали: «мы люди добрые, не разбойники, изъ удейской земли Якова земледержавця сыновья, насъ 11 братьевъ». Осифъ Прекрасной спросивъ: какъ зовутъ меньшово брата? Онѣ сказали: «Веденіаминомъ». «Втупоръ (тогда) повирю вамъ, когда вы доставите ево сюда; девять подъ арестъ васъ теперь возьму, а десятово отправлю за Веденіаминомъ». Потомъ сказавъ: «ну да ладно ужъ, такъ и быть, отпущу 10 возовъ хлѣба, а другой разъ пріидите, то безъ Веденіамина не издите, не отпущу». Заказавъ казначею отпустить 10 возовъ хлѣба братьямъ, и що чево стоитъ, гыть, получи и розклади въ каждой мѣшокъ, взадъ деньги отправъ, щобы онѣ и не знали».

Пріѣзжають братья домой, стали въ житницю высыпать хлѣбъ, розвязали мѣшокъ, що за мѣшокъ было отдано—деньги тутъ; весь хлѣбъ высыпали и що за 10-ть возовъ заплачено, всѣ деньги сповна нашли въ хлибѣ. «Это що случилосё? надо отправить деньги назадь, говорять они и сказали отцю своему Якову; а большой сынъ ищо сказавъ отцю, що царь Фараонъ велѣвъ на послѣдки привести меньшово брата, а безъ тово и хлѣба не отпущаетъ. «А нѣтъ, сыновья, гыть отецъ, я и то безпокойной смерью помру,—Осифушка не стало». Большой братъ ищо говорить отцю: «а вотъ що, батюшко, мы ни куды сына твоево не утратимъ, а если утратимъ, то утрать ты моево». Во второй разъ поѣзжають ужъ 11 братовъ; пріѣзжають къ казначею въ египетскую землю и подають ему деньги, которые домой возили. Казначей денегъ не беретъ, гыть, расчотъ съ васъ, братья, полученъ сповна. Осифъ Прекрасной опять сказавъ казначею, що отпусти 11 возовъ хлѣба, получишь деньги, то положи ихъ

всѣ меньшому брату на возъ да нщо чашу серебряную. Наклали братья хлѣба, отправлѣютсе домой; ихъ дорогой воротили,—обокрали царя. Стали обыскивать; обыскъ начавсе съ большово брата, дошовъ и до меньшово. Нашли покражу у меньшово брата Ведіамина, и деньги, и чашу серебряную. Братья ево начали ругать воромъ, «видно, говорятъ, и ты такой дуракъ ростешь, какъ твой братъ Осифъ былъ». Осифъ Прекрасной отобравъ у нихъ 11 возовъ хлѣба и заставъ ихъ въ прихожую всѣхъ десяти братьевъ, а меньшово брата въ особыя залы увелъ для допросовъ, да тамъ и сказавъ: «братъ ты мой, Ведіаминъ! вотъ що я подумавъ: близко-ли ростояніе изъ египетской земли возить хлѣбъ въ удейскую; я васъ достану все семейство, прокормлю до самолутшихъ годовъ, роспространю на лутшія мѣста жить». Потомъ выходитъ въ прихожую и сказавсе остальнымъ братьямъ. «Ну, гытъ, ступайте-жо теперь за всѣмъ семействомъ»!

Братья пріѣхали къ отцю своему Якову, а Ведіамина оставили у брата. Отецъ сказавъ имъ: «гдѣ моево сына утратили»? Онѣ отвитили: «слава тебѣ, Господи, батюшко Яковъ, пашъ братъ Осифъ Прекрасной царемъ въ египетской землѣ, у ево и Ведіамина оставили». Отецъ сказавъ имъ: «не можетъ этово быть!» А царь Фараонъ отъ себя пославъ свою колесницю подъ Якова, въ это времё колесниця и сбрякала подъ окномъ; Яковъ посмотрѣвъ въ окно и увидѣвъ, що колесниця египетская, тогда и повиривъ своимъ сыновьямъ... Яковъ сѣвъ на колесницю 120-ти лѣтъ и 50 годовъ нщо живъ въ Египтѣ. Осифъ Прекрасной доставъ всю семью и распространивъ на самолутшія мѣста. Но вотъ Яковъ плохъ ужо сталъ, и говоритъ Осифу Прекрасному: умру я, то тѣло мое отправь въ свою удейскую землю» [1]).

II. Судья Божья.

(Сообщ. его-же).

Былъ у купця сынъ красавецъ собой, онъ снявъ съ себя патрегъ и розсылаетъ по всему свѣту, находится-ли (найдется-ли) супруга мнѣ равная красотою? Такой супруги (невѣсты) не нашлось во всемъ свитѣ. Вотъ онъ отправляетсё самъ искать; встричаетъ дорогою чуночки (саласки) идутъ простыя, и спросилъ ихъ: «Що-жо идете однѣ, не ямщика, не сѣдока нѣтъ у васъ?» Чуночки отвицѣютъ: «мы судья Божья». «Коли вы судья Божья, гытъ, то разсудите-жо меня: есть ли мнѣ супруга на свитѣ противо меня красотою?» Чуночки этѣ и говорятъ, що ес(т)ь супруга тьбѣ: у царя Калики дочь, 20 лѣтъ во гноищѣ лежитъ, нездоровая. «Какая жо это мнѣ супруга», думаетъ купеческой сынъ. Вотъ онъ и поѣхавъ къ ней, къ царю Каликѣ на домъ. Пріѣзжаетъ къ царю Каликѣ во дворецъ и спрашиваетъ часовыхъ: «гдѣ жо есть дочь царя Калики нездоровая?» Часовые сказали, що есть, лежитъ въ такихъ-то залахъ 20 лѣтъ. «Пропусти-жо, гытъ, меня къ ней посмотрить!» «Нечево тибѣ тамъ дѣлать, царя Калики дома нѣтъ», говоритъ часовой. Онъ часового скупилъ, далъ денегъ, щобы пропустилъ. Часовой думаетъ: що онъ тамъ у нездоровыя сдѣлаетъ?—пойди, гытъ!» Приходитъ купеческой сынъ въ зало, она нездоровая лежитъ; онъ посмотривъ на нее да баетъ про себя: «какая жо это мнѣ супруга, и взгленуть-то брезгно». Потомъ вынявъ тесакъ изъ ножней и подпересѣкъ ее пополамъ, «вотъ тебѣ, гытъ, и супруга моя! Пѣть рублевъ положивъ тутъ къ ней на похороны, щобы похоронили ее, а самъ уѣхавъ домой. Каликиной дочерѣ будѣ во снѣ привидѣлось: пришовъ молодецъ къ ней въ зало, крылышкомъ помазавъ по серёдкѣ да 5 рублевъ награды далъ».

[1]) Послѣ этого мой разсказчикъ приплелъ тутъ и Моисея, и переходъ его чрезъ Чермное море и т. п., что мною при перепискѣ исключено, какъ неподходящее къ данному сказанію, а потому и самое сказаніе вышло какъ-бы незаконченное.

Вотъ прiѣзжаетъ царь Калика къ сибѣ во дворецъ, приходитъ къ дочерѣ въ лежащую комнату и видитъ, що дочь у ево совсѣмъ здорова стала и такая-то красавиця, що экихъ на свитѣ нѣтъ, не видавъ. Вотъ царь Калика снимаетъ съ нея патреты и розсылаетъ по всему свѣту есть-ли суженой ей по красотѣ? Вотъ и находитсе ей ровной по красотѣ этотъ купеческой сынъ, онъ и ладитъ взеть взамужество за себя, посватавсе и—бракъ произвели. Вотъ однажды пришли молодые въ баню, онъ посмотрѣвъ: у ее рубецъ на спинѣ, на самой на середкѣ; вотъ онъ и спрашивавъ ее: «отчево-жо это у тебя случилосе? Она сказывала ему: «я 20 лѣтъ во гноищѣ лежала, будто въ сновидѣньѣ приходитъ ко мнѣ молодецъ красавецъ, меня крылышкомъ помазавъ, 5 рублевъ награды давъ, я и обризвѣла [1])

Купецъ тутъ и догодавсе, що это она, про котору Судья Божья сказавъ.

III. Два брата или Судья.

(Его-же).

Жили два брата, одинъ богатой, другой бѣдной, у бѣдново и лошадки нѣтъ, а надо ѣхать по дрова. Приходитъ онъ къ богатому брату и говоритъ: «пожалуста, братъ, дай мнѣ коня по дровця съиздить»! «Ты у меня побьешь, сказавъ богатой, а конь у меня сторублёвой». «Пощо, храни Богъ, побью» Ну, гытъ, дамъ, ступай, поѣзждай! Такой былъ крутой на словахъ-то. Бѣднякъ выводитъ коня, а безъ хомута; онъ и не смiетъ попросить хомута, думаетъ що братъ не ровно передумаетъ, не дастъ коня. «Ну, добро, гытъ, у меня хомутъ и свой ес(т)ь». Хомутъ свой не пригодивсе, малъ; «ну, добро, гытъ, съѣзжу и такъ!» Вывернувъ оглобли изъ дровень [2]), привязавъ коня хвостомъ къ стужню [3]), поѣхавъ за дровами. Возъ наклавъ огромной. И случилось ему ѣхать мимо братова дому, онъ прiопасивсё, що безъ хомута идетъ, пригрозивъ лошадь, щобы скоряя проѣхать, а лошадь взбѣсилась да прямо во дворъ, а тутъ была подворотниця высокая, возомъ захватило, хвостъ и оторвавъ у коня. Вотъ тутъ онъ (бѣднякъ) и заревѣвъ, пошибъ коня. Свелъ коня къ брату во дворъ, поставивъ въ конюшну и приходитъ въ избу. Братъ и спрашиваетъ ево: «що съиздивъ по дрова?»—«Съиздивъ,» гытъ. «Все-ли ладно?»—«А не больно ладно:—хвостъ у коня оторвалъ»! Ахъ, ты такой-сякой, закричавъ богатой братъ, я тебя на судъ поведу, къ Судьѣ Вотъ онѣ и отправились въ дорогу, къ Судьѣ, привернули ночевать къ богатому человѣку—богатой къ богатому ужъ завсегды!—хозѣинъ составилъ для ево самоваръ, а бѣдной улезъ на печку. Вотъ онѣ завели разговоръ: «куды, землякъ, пошовъ?» спрашиваетъ хозѣинъ. «Да вотъ, гытъ, братъ оторвавъ у моего коня хвостъ, такъ веду на судъ». «Да не у хорошовото-ли коня?» говоритъ хозѣинъ.» «У хорошово отвицѣетъ богатой братъ». «Эку бѣду-то! Судятъ за это ево станутъ строго, сказалъ хозѣинъ.

Бѣдной братъ на печѣ лежитъ да слушаетъ ихъ разговоръ; выслушавъ и думаетъ: «не предамсе суду живой, съ воронци зашибусь о полъ». Вотъ онъ залезъ на воронецъ и только гнеть [4]) на полъ! А раньше хозѣйка постелю ус(т)лала подъ воронецъ и съ малюткой спать легла; онъ и угадавъ на малютку, ушибъ до смерти, а самъ не ушибсё, мягко было. Хозѣйка заревѣла, що малютку зашибъ, объяснила хозѣину; вотъ и тотъ пошовъ на судъ, надо бѣдняка засудить. Идутъ на судъ ужъ троёмъ. Подходятъ къ рикѣ, виновной и думаетъ опѣть: «зашибусь съ мосту о лёдъ, а не предамсе суду жи-

---

[1]) Обризвѣла—выздоровѣла.

[2]) Дровни—сани для возки дровъ.

[3]) Стужень—передняя часть саней.

[4]) Гнеть—отъ слова: гнѣть, тажесть, и какъ тажесть быстро падаетъ, такъ и слово «гнеть» показываетъ быстроту паденiя.

вой». Въ то время сынъ отца волокъ на чункахъ изъ бани и только що выволокъ изъ-подъ мосту, а бѣднякъ съ мосту ищо гнеть, да прямо на старика! Убивъ ево до смерти, а самъ живъ оставсё. Вотъ и сынъ старика пошовъ на судъ. Идутъ къ судьѣ ужъ три просителя на одново виновника. Бѣднякъ дорогою взявъ пребольшущой камень, сунувъ ево за пазуху и думаетъ, що не дамсё живой въ руки, осудитъ судья, такъ убью и судью, и себя, все одно, гытъ.

Пришли къ судьѣ; вотъ судья и начавъ ихъ судить; спрашиваетъ первово—брата: «ну, що такое сдѣлавъ у тебя братъ?» Братъ сказавъ, што оторвавъ у коня хвостъ, опозоривъ коня. Судья взглянувъ на бѣдняка, а тотъ и поколотивъ у себя за пазуху да думаетъ: що только осуди—зашибу! Камень-то бывъ большой, пазуха такъ и оттопырилась. Судья, увидя это, подумавъ, што бумажникъ съ деньгамъ у ево за пазухой, взятку сулитъ; вотъ онъ и рѣшивъ: «ты, гытъ, отдай ему коня-то, пусть онъ издитъ, пока не выростетъ у коня хвостъ, а какъ выростетъ, такъ и возьми назадъ!» Богатой братъ только голову почесавъ. Другой опять жалуетсё: «у меня, гытъ, малютку убивъ». Бѣднякъ опѣть похлопавъ у себя за пазуху. Судья и говоритъ жалобщику: «отдай ты ему жону и пусть онъ держитъ ее пока не родитъ ребенка, а какъ родитъ, такъ ты съ ребенкомъ-то втупоръ и уведи къ сябѣ». Такъ и это дѣло рѣшивъ, ни чево бѣдняку не было. Вотъ третій жалуетсё, що отця убивъ. Бѣднякъ опѣть похлопаетъ о пазуху. Судья сказавъ жалобщику: «вотъ, братецъ, ты самъ виновникъ; волокёшь отця по подмосту, подъ большой дорогой, мостовина валилась(бы) и тебя убила бы... Ты видно такъ и ладилъ старика-то?» Обсудивъ судья жалобщика четвертнымъ штрафу. Роспустивъ судья просителей и подходитъ къ виновному: а що, гытъ, посулёное-то! а самъ хлопаетъ себя о пазуху. Бѣднякъ вынимаетъ изъ-за пазухи каменищо: «вотъ, гытъ, ваше благородьё, кабы ты меня обсудивъ, такъ бы и зашибъ тебя камнемъ!» Перекрестивсе судья: «слава Богу, гытъ, хоть я тебя-то не обсудивъ!..

Такъ бѣдняку нечево и не было.

IV. Сказаніе про Ивана Богатово.

Жилъ Иванъ Богатой, и былъ у ево домъ состроенъ хорошой, со флигилемъ. Приходитъ къ нему странникъ и проситсе ноцевать. Онъ въ хорошой домъ ево не приглашаетъ; «пойди, гытъ, во флигель ноцевать!» «Ну, какъ хочешь, хозёинъ, и со мной, а пусти въ этотъ домъ ноцевать», сказавъ странникъ. А хозёйка и услышала ихніе разговоры и говоритъ хозёину: «не пущай, нищимъ-ли спать у насъ въ домѣ? Задастсё имъ—не радъ будешь; про нищую братію есть отхожая килья (флигель)». Хозёинъ на то сказавъ хозёйкѣ: «пустимъ ево, дурново нечево не сдѣлаетъ». Пустили. По-утру рано хозёинъ и выгонѣетъ странника изъ дому: «пойди вонъ, да не кому не сказывай, що у меня ноцёваль ноцьку». «Благодарю, хозёюшко, за твой теплой ночлегъ, но какъ хочешь и со мной, а пусти и другую ноць ноцёвать». Дѣлать нечево, опѣть пустили, да и въ третюю ноць тоже самоё. Вотъ хозёинъ и высылаетъ за утро рано странника да наказываетъ: «пойди, гытъ, да не кому не хвастай, що ноцевавъ у меня три ноцьки». Сряжаетсё странникъ во дорожку и говоритъ: «благодарю, хозёинъ, за хлѣбъ за соль твою, я скажу тебѣ, що на севоднишній день великое несчастіе будетъ на тебя; станешь просить Божью милость, такъ будешь жить, а не станешь, такъ не будешь и живъ». Ушовъ. Хозёинъ сказавъ своей жонѣ, що сказавъ ему странникъ, а хозёйка сказала ему, што не вирь (не вѣрь) не кому, врутъ много эти странники, поѣзжай севодни долговъ сбирать». А у ево только и семьи было, ищо одинъ казакъ (работникъ); онъ и сказалъ казаку, щобы запрегъ коня... Вотъ онъ и поѣзжаетъ. Ѣдетъ Иванъ Богатой до половины волока, Господь далъ хижу (порошу) снѣга, конь не можетъ идти, ставъ. Выпрягъ онъ коня, привязавъ къ тарантасу, а самъ подъ тарантасъ залезъ отъ погоды; и поднялась такая погода, що свѣту не видно, сдѣлалось темно. Вемолилсё Иванъ Богатой всѣмъ

святымъ, и далъ Господь ему свѣтъ; вышевъ Иванъ изъ-подъ тарантасу: куда ѣхавъ, туда и свѣту нѣтъ и конь нейдетъ, а просвиглѣло въ сторону. Запрягъ коня—конь идетъ въ сторону; пріѣзжаетъ и видитъ домъ. Вотъ Иванъ Богатой и думаетъ, «що у меня домъ хорошъ, а семыя доли не стоитъ этово». Господь посылаетъ Ангеловъ встрицѣть Ивана; Ангела выпрягли коня у ево. Приходитъ Иванъ въ прихожую. «Пойди, Иванъ, говоритъ, Христосъ, я у тебя выгостивъ, три ноцьки ноцевавъ. Ангела! сведите ево въ нижной спокой ноцевать». Отворили Ангела двери, въ спокоѣ одно окно, одна и кровать; ему тутъ непріятно палость; «живъ, а нёгоденъ». На утро Ангела отворили двери, онъ взглянувъ на себя, на немъ и платья нѣтъ, изотлѣло все. «Вставай, Иванъ»! говорятъ ему Ангела. «Радъ бы я встать да на мнѣ и платья нѣтъ», отвицѣетъ Иванъ Богатой. «Перекрестись, да вставай», опѣть сказали ему Ангела. Въ чемъ пущали ево, въ томъ и вышевъ, ничево вредново не оказалось. Приходитъ Иванъ въ прихожую, сѣвъ да и плачетъ: «укажите, гытъ, дорогу домой ѣхать». «Погости, Иванъ, я у тебя любя выгостивъ, три ноцьки ноцевалъ»... Опѣть ево свели въ нижніе спокои, а тамъ теперь ужъ одна кровать да два окна, а платья все на немъ нѣтъ и тѣло ево стало, какъ на елѣ кора, «живъ, а нёгодёнъ». Заутра опѣть Ангела приходятъ, отпираютъ двери и зовутъ ево. Иванъ сказавъ имъ: «на мнѣ платья нѣтъ и тѣло мое, какъ на елѣ кора, живъ, а нёгоденъ». «Перекрестись, да иди»! сказали ему Ангела. Вотъ онъ опѣть приходитъ въ прихожую и проситсё домой. «Погости, Иванъ», сказавъ Христосъ, «я у тебя любя выгостивъ, и ты погости»! Даетъ ему три ключа: два желѣзныхъ и одинъ серебрянной; отперли Ангела двери и указываютъ ему ищо на трои двери и баютъ: «отвори самъ желѣзными ключами эти двои двери, а смѣлость твоя будетъ, то и въ третьи посмотри». Иванъ смѣлъ тутъ сталъ и веселъ: «пущай, гытъ, и дома не бывать, хоть домъ и хорошъ у меня, да семыя доли не стоитъ этово».

Отпираетъ Иванъ Богатой желѣзнымъ ключемъ первыя двери, посмотря, видитъ—огненна планида; онъ и запираетъ опѣть; отпираетъ желѣзнымъ ключемъ другія двери, посмотря—преисподняя колесница; заправъ тутъ Иванъ и эти двери. Рѣшивсе, отпираетъ и серебрянымъ ключомъ двери, посмотря:—небесное царство возсіяло, и увидявъ онъ казака своево тамъ; потомъ заложаетъ ключомъ и эти двери. Потомъ приходятъ къ нему Ангела и уводятъ ево въ прихожую, и спросивъ Ивана Христосъ: «отворявъ-ли желѣзнымъ ключомъ двери и що увидявъ»? «Видягъ, гытъ, огненну планиду». «Ну, то твое, Иванъ, мѣсто». Христосъ опѣть спрашиваетъ ево: «отправъ-ли, Иванъ, желѣзнымъ ключомъ вторыя двери и що увидявъ»? «А видявъ, гытъ, преисподную колесницю». «То жоны твоей мѣсто! Отпиравъ-ли, Иванъ, серебрянымъ ключомъ третьи двери и що увидявъ»? «Видявъ, гытъ, царство небесное и казака своево». «Ну, то казака твоево мѣсто! Подьте, Ангела, запрягите ему коня и отправте домой!» сказавъ Христосъ.

Пріѣзжаетъ Иванъ Богатой домой, онъ коня не выпрягъ, заходитъ въ домъ и говоритъ хозѣйкѣ, що я на томъ свитѣ бывъ. Хозѣйка испужалась, думаетъ: «издивъ хозѣинъ за довгами и съума сошовъ, не съкраю все и говоритъ». Иванъ спросивъ у жоны про казака: «дома-ли казакъ»? Она сказала ему, що за сѣномъ уѣхавъ. «Посмотри-ко, гытъ на синникъ, не пріѣхавъ-ли?» Она посмотрила на синникъ—казакъ пріѣхавъ; она говоритъ тутъ казаку: «потужи-тко о моемъ горюшкѣ, хозѣин-отъ пріѣхавъ да не въ умѣ, пойди, онъ тебя въ домъ зоветъ на лицё». Казакъ приходитъ къ хозѣину на лицё и говоритъ: «ну, що, хозѣинъ, надо?»—А вотъ що, казакъ, продай на томъ свитѣ свою жиру (жизнь). Казакъ по полу прошовъ и думаетъ, што хозѣину отвицѣть? «Вотъ що, хозѣинъ, гытъ, у тебя дом-отъ и добъ (добръ), а моей жиры не стòитъ на томъ свитѣ!» Хозѣинъ вотъ що сказавъ ему на это: «ты оставь мнѣ только хлѣба, що въ брюхѣ, да платья—на сибѣ, а тутъ все тибѣ»! Казакъ на то согласивсё. Хозѣинъ ушовъ въ монастырь и съ жоной Богу молитсё, а этотъ казакъ только оставивъ и сибѣ, що хлѣба въ брюхѣ да платья на сибѣ, все это имѣніе ростащивъ по нищимъ да по церквамъ. Ну, всѣ люди издивились этому дѣлу: «первой домъ былъ во слухахъ, говорятъ, а на казака дѣло палосё,—изнуривъ имѣнье однимъ часомъ»...

V.

(Его-же).

У царя былъ одинъ сынъ и былъ выученъ двѣнадцатимъ языкамъ и у птицы знавъ, що птиця баетъ (говоритъ). Вотъ онѣ и поѣхали съ отцёмъ въ разъѣздъ гулѣть и видятъ: сидитъ воронъ на горожоной новинѣ, да каркаетъ. Царь и спрашиваетъ у своево сына, що воронъ говоритъ?—«А нѣтъ, батюшко, не скажу!» отвицѣетъ сынъ. «Пошто не скажешь»? «А по то не скажу, що ты осерчаешь на меня». «Какой-жо ты мнѣ сынъ, коли не провѣдаешь (не объяснишь) отцю, що воронъ баетъ»? «А ты осерчаешь на меня, по прежному сказавъ сынъ, но не могъ отбитьсё и сказавъ: «а вотъ що, батюшко, воронъ говоритъ, що въ нѣкоторомъ царствѣ не будетъ, царя, а я буду царемъ, къ тибѣ въ гости спобываю, ты мнѣ на руки воды польешь, моя мать полотенцё дастъ»... Царь сказавъ на это сыну своему: «какой жо ты мнѣ сынъ, ладишь удалитсё въ чужую землю отъ отця своево»? Вотъ онѣ доѣхали до моря, посадивъ царь сына своего въ бочку, заковавъ эту бочку и на море спустивъ. Потомъ идутъ по морю корабли, сынъ и закричавъ во всю голову: «господа корабельщики! выньте меня изъ бочки, я буду служить вамъ во вики». Услыхали это корабельщики, подъѣзжаютъ къ бочкѣ, вынимаютъ ее на корабль, разсикли и вытащили ево оттудова. Пристали этѣ корабельщики къ берегу и вышли въ городъ, а въ этомъ городѣ царя нѣтъ,—спокоивсё. Вотъ и судятъ тутока (тутъ) народъ и зовутъ корабельщиковъ: «господа корабельщики! пойдемте севодни въ церкву, у насъ царя нѣтъ, вывевсё царь и званье вывелось, не изъ ково и выбирать новово». Этѣ корабельщики и пошли въ церкву смотрить, какъ станутъ новово царя выбирать. Отошла заутреня и стали выбирать царя, на двери поставили свицю и сказали: «кто во дверяхъ переступитъ порогъ и свиця сама затеплитсё (зажжется), тотъ и будетъ нашъ царь». Стали выбирать сначалу изъ господъ; вотъ господскія дити прошли, потомъ купеческія прошли—все свиця не затепливаетсё. И приказали корабельщики идти цареву сыну,—а сами не знали, що онъ царевъ сынъ.—Онъ какъ только черезъ порогъ вступивъ, такъ свиця и вспыхнула, затеплилась сама. Народъ и сказавъ: «слава Богу, царя выбрали!» Вотъ этотъ царской сынъ и водворивсё на царство въ чужую землю, ему и захотѣлось провѣдать своихъ родителей отця и мать, давно не видавъ. Онъ и пріѣзжаетъ въ свою землю, а тамъ ужъ новово царя выбрали, а отецъ ево заштатной сталъ царь. Вотъ онъ въ гости пріѣхавъ сначала къ новому царю, въ гостяхъ и спрашиваетъ нового царя: «нѣтъ-ли въ вашемъ царствѣ старыхъ стариковъ царсково роду»? Сказалъ на это царь ему, що есть, старой царь, онъ находитсе теперь въ сиротахъ, у ево былъ одинъ сынъ, онъ знавъ двѣнадцеть языковъ, знавъ, що и птиця баетъ, но безвѣстно куды дѣвавсе. «Ну, такъ пойдемъ къ ему въ домъ, просвѣтить (посѣтить) ево». Вотъ и приходятъ цари въ гости къ старому царю.

Заштатной царь обрадѣвъ гостямъ (гости-тѣ, па, цари, дакъ!.. добавилъ разсказчикъ), принёсъ воды самъ и приказавъ жонѣ полотна принести ширинку; онъ льетъ воды на руки, сынъ ево отворотивсе да схохотавъ, мать полотна ему дала на руки, онъ отворотивсё да прослезнивсё.

Потомъ онъ сказавъ отцю, старому заштатному царю: «отецъ мой! помнишь-ли мы ѣхали, а сидѣвъ воронъ на горожоной навинѣ, ты спросилъ меня що воронъ говоритъ? Я сказавъ тибѣ, що въ нѣкоторомъ царствѣ не будетъ царя, и я буду царемъ и спобываю къ тибѣ въ гости, а ты польешь мнѣ воды на руки, а мать да с(т)ъ полотна. Вѣдь такъ и сбылось?»... Вотъ онъ погостивъ тутока и увезъ къ сибѣ отця и мать и до сихъ поръ живутъ, да хлѣбъ жуютъ!

А. Шустиковъ.

Царь Солома.

Въ одномъ какомъ-то царствѣ (батько-то зналъ, да я позабылъ) жили не русскіе люди, а Бога-то знали. У нихъ былъ царь мудренный, непьющій и грамотный. Народу жить было хорошо, а все-же царь порато тосковалъ, что нѣту у него сына послѣ смерти батька замѣнить. Потомъ черезъ нѣсколько лѣтъ далъ ему Богъ сыночка, да такого пригожаго, что всѣмъ на диво. Радъ былъ царь сыну и велѣлъ повѣсить зыбку въ саду, чтобы сынъ былъ ядренѣе, какъ выростетъ на вѣтру. Случись-же оказія! Не далеко отъ дворца жилъ кузнецъ, и у него тоже родился сынъ, вотъ нечистый и сталъ его мутит: «Перемѣни сына на царскаго! Твой царемъ будетъ!» Кузнецъ послушался, взялъ своего ребенка, завернулъ въ тряпичку и понесъ въ садъ. Тамъ онъ вынулъ изъ зыбки царскаго сына, обвернулъ тряпичкой, а своего положилъ на его мѣсто подъ парчевое одѣяльце, потомъ бросилъ царскаго ребенка черезъ огороду въ кучу соломы, и самъ ушелъ какъ ни въ чемъ не бывало. Шелъ этой-же дорогой мимо дворца пастухъ и слышитъ, гдѣ-то дитя плачетъ. Остановился, смотритъ—солома-то шевелится, раздвинулъ солому, а тамъ ребеночекъ горемычный барахтается. Пастухъ былъ жалостливый: «Ну,—говоритъ,—пускай у меня растетъ, по манерамъ-то цѣпкой долженъ быть, а хлѣба у меня будетъ!» Такъ и взялъ онъ себѣ ребенка.

Вотъ и растутъ кузнецкій сынъ да царскій, никто ничего не замѣчаетъ, только одинъ царь сомнѣвается:

— «Не сынъ онъ мнѣ, говоритъ, а обмѣнёнышъ—по царски не умѣетъ говорить!»

И вправду, царь толкуетъ ему про законы, которые лучше, а онъ говоритъ про желѣзо, какое на что годится, или начнетъ царь разговоръ: «тамъ-то полицію нужно поставить, а онъ: «Нѣтъ, говоритъ,—лучше здѣсь кузницу поставимъ!»—какъ тутъ не догадаться, что не царскій сынъ! Кузнецкій такъ по кузнецки и толкуетъ.

Разъ случилось, что царь поѣхалъ на охоту и взялъ съ собой свиту. Въ одномъ мѣстѣ онъ остановился ночевать, а свита поѣхала по лѣснымъ дорогамъ птицу разыскивать, да и заблудилась. Наконецъ выѣхали на какую-то рѣчку,—видятъ на угорышкѣ пастухъ сидитъ, они и спрашиваютъ его:

— «Какъ тебѣ имя? Велико-ли стадо? Глубока-ли рѣчка?»

А онъ разомъ имъ на три вопроса отвѣтилъ:

— «Триста, Матвѣй, бродъ по колѣно».

Они всѣ такъ рты и разинули отъ удивленія, какой находчивый пастухъ. Потомъ хотѣли его запутать, выдвинули свою карету золоченую впередъ и говорятъ:

— «Отгадай, что на свѣтѣ всего дороже?»

Думали, что онъ обзарится на карету, не тутъ-то было!—пастухъ вынулъ изъ кашáлки кусокъ хлѣба, да и говоритъ:

«Вотъ что на свѣтѣ всего дороже!»

«Нѣтъ, сказали они промежъ себя, плохо съ нимъ тягаться»!

Да и правда, въ лѣсу другой разъ заблудишься, животъ подтянетъ, такъ тутъ хоть десять каретъ давай, такъ не промѣняю на кусокъ хлѣба! Разспросила свита у пастуха дорогу, да и отправилась къ царю. Разсказали они ему все, что видѣли и слышали, а царь и догадался, что пастухъ должно быть его сынъ, поѣхалъ самъ къ рѣчкѣ, а пастуха и слѣдъ простылъ,—ушелъ куда-то.

Вотъ случилось царю въ уѣздъ по дѣлу уѣхать, а у царицы-то былъ обожатель, невѣрный царь, она созвала его къ себѣ и стала съ нимъ совѣтоваться, какъ-бы царя уходить, а на мѣсто его самимъ царствовать. Провѣдалъ объ этомъ какъ-то пастухъ (который царскій-то сынъ) и говоритъ своимъ товарищамъ:

«Ребята! соберемъ войско и выберемъ себѣ царя; жеребій не станемъ кидать, а такъ сдѣлаемъ: выйдемъ на болото,—слышите, какъ вакуши квакаютъ,—пусть каждый изъ насъ скричитъ, чтобы замолчали, и кого послушаютъ, тотъ царь между нами!»

Такъ и сдѣлали. Почали кричать по очереди, кричали, кричали,—не слушаютъ вакуши, да и только, все квакаютъ, потомъ какъ крикнулъ царскій сынъ и смолкли всѣ.

«Ну, говоритъ, мало еще этого, станемъ кричать по очереди, чтобы снова заквакали!»

Опять начали кричать. Кричали, кричали—молчатъ вакуши, голосу не подаютъ, а дошла очередь до царскаго сына, онъ какъ крикнулъ,—и всѣ заквакали.

«Тебѣ царемъ быть!» сказали всѣ пастуху. Онъ и сталъ ими распоряжаться, всѣхъ вооружилъ и собрался ѣхать въ городъ. Только одинъ солдатъ ему измѣнилъ: побѣжалъ въ городъ царицѣ вѣсть подать, но они его на бѣгу подстрѣлили. А городъ то былъ недалеко, царица услыхала выстрѣлъ, испугалась, послала сотскаго узнать, кто стрѣляетъ, что за выстрѣлы (знаешь, недоброе на умѣ-то было, такъ всего боялась). Сотскій прибѣжалъ, видитъ человѣкъ мертвый лежитъ, бросился бѣжать обратно и донесъ царицѣ. Она взяла свою свиту и вмѣстѣ съ невѣрнымъ царемъ, который гостилъ у ней, пріѣхала въ деревню и велѣла схватить пастуха. Пастуха поймали, а войско его въ лѣсъ спряталось, когда же его вязали, онъ выпросилъ дозволеніе взять съ собою рожокъ—передъ смертью поиграть. Привезли пастуха въ городъ, стали строить висѣлицу, чтобы его повѣсить, а онъ и говоритъ:

«Я хочу висѣть нáкосо,—сдѣлайте мнѣ три петли: одну на голову, другую на руку и третью на ногу».

«Ну, говорятъ, пускай такъ виситъ», и сдѣлали три петли.

Зашелъ пастухъ на возвышенное мѣсто, гдѣ стояла висѣлица, началъ передъ смертью въ рожокъ играть. Какъ сыгралъ одинъ разъ—рать его и выбѣжала изъ лѣсу, какъ сыгралъ второй разъ—повскакали на коней, сыгралъ третій — подъѣхали ко дворцу, схватили царя невѣрнаго, повѣсили въ одну петлю, царицу въ другую, въ третью того, кто налаживалъ петли, и привелся кузнецъ, тотъ самый, который царскаго-то сына подмѣнилъ, тутъ онъ и признался во всемъ.

Пріѣхалъ царь изъ уѣзда, узналъ въ чемъ дѣло, обрадовался, что сынъ нашелся да такой еще мудрёный, передалъ ему царство, а самъ вышелъ въ отставку. Вотъ и сталъ царствовать новый царь, рѣшалъ дѣла все загадками, мудренѣе батька, а назвалъ себя царь Солома, потому что изъ соломы взятъ.

Когда Христосъ воскресъ и пришелъ вывести добрыхъ людей изъ ада, увидалъ царя Солому въ аду и говоритъ ему:

«Ты, больно хитеръ, да мудеръ, зачѣмъ здѣсь?»

А онъ ему прямо такъ таки и отвѣтилъ:

«Кто мудрости-то далъ, какъ не ты!»

Тогда Христосъ сказалъ: «Иди за Мной», и вывелъ его изъ ада, а въ рай все-же не пустилъ, такъ и остался царь Солома между раемъ и адомъ. Вотъ вѣдь какой смѣлый былъ, гдѣ бы нашему мужику такъ Самому Христу отвѣтить, ни одинъ-бы не осмѣлился! Бывало случилось на меня становой вспылилъ, такъ я такъ перепугался, что 10 верстъ бѣгомъ бѣжалъ, въ избу зашелъ дома-то, хватилъ шубу и безъ ужны на печь, насилу отогрѣлся, добрый часъ зубы стучали, а онъ прямо Христу вонъ какъ отвѣтилъ! Смѣлость во многомъ помогаетъ, мнѣ бы на его мѣстѣ вѣкъ привелось бы пыхтѣть въ аду!

Да, хитрецъ изрядный былъ царь Солома, а все таки, говорятъ, не святой, въ святые-то не могъ выхитрить!

(Записано Е. Вальневымъ лѣтомъ 1894 года со словъ крестьянина Архангельскаго уѣзда, деревни Кудьмы, по фамиліи Корельскаго).

Причитанья на рукобитьѣ.

(Записанныя въ Архангельской губерніи, Шенкурскомъ уѣздѣ).

(Плачея къ отцу).

Не вставай ты, всхожее солнышко, со брусовыя лавицы [1],
Не молись, не кланяйся свѣту Господу Богу,
Не давай тѣ руки правыя на чужу́-дальнюю сторону.
Тебѣ не выкупить правой руки ни селомъ, ни деревнею,
Только выкупишь праву́ю руку моей буйной головой.

(Сватъ подходитъ и накидываетъ на невѣсту фату. Невѣста причитаетъ).

Пала, пала на талу́ землю по́роха [2]) бѣлаго снѣгу—
На мою буйную головушку фата шелкова́я!..

(Свату́).

Тебя чортъ носилъ сватовца ни путемъ, ни доро́гою по собачьей тропиночкѣ.
Колотитя большой сватовецъ подъ косящатымъ окошечкомъ,—
Батюшковъ высокъ теремъ съ краю на край пошатался,
Наши лавицы брусовыя отъ стѣнъ отпадали,
Столы наши дубовые съ краю на край пошатались,
Шиты-браныя [3]) скатерти въ трубу завивались,
Хлѣбы бѣлы-ситніе колесомъ покатились.
Я во ту пору погодилася середь высокаго терема,
Стояла-молилася свѣту Господу Богу,
У меня да тутъ подломилися до колѣнъ рѣзвыя ноженьки,
По локоть опустилися бѣлыя рученьки,
Испугалось-перепалось [4]) въ грудяхъ дорого́ сердце.

(Отцу).

Отказалъ меня батюшка отъ хлѣба—отъ соли
Отказалъ, всхоже солнышко, отъ дѣла—отъ работоньки;
Не указалъ мнѣ, всхоже солнышко, ни въ теремѣ мѣста, ни въ лавкѣ бесѣды,
Какъ у тебя, батюшка, уста отворилися? въ устахъ языкъ поворотился?
Ужъ что я была у батюшка [5]) не слуга, не работница, не замѣна великая?
Благословите меня, родители, мыкать горе великое!..

---

[1]) Брусовая лавица—лавка изъ брусьевъ.
[2]) Пороша.
[3]) Шитыя—наборныя
[4]) Это слово встрѣчается въ былинахъ.
[5]) Это слово здѣсь выговаривается: батюшко, у батюшка и проч., прилагательное батюшковъ.

(Матери).

Кормилица-жалостница, моя родимая матушка!
Хоть вы меня избудете, не богаче будете.
Вамъ не два свѣту освѣтить, не два солнца огрѣетъ,
А только вамъ прибудетъ, что меня въ дому не будетъ,
Въ терему меня не увидите, голосу не учуете [1]).
Ты станешь, моя кормилица, рано по раннему утру,
Ты дождешь, моя кормилица, Божья лазурева свѣту,
Ты поднимешь очи ясныя, обведешь брови черныя—
Ты кого тогда побудишь рано—по раннему утру?
Ты кого тогда нарядишь на дѣло,—на работу?
Ужъ что я была у матушки не слуга, не работница?
Ужъ что я была у матушки не замѣна великая?
Не дала ты мнѣ, кормилица, на ножкп подынутися [2]),
Не дала мнѣ, кормилица, съ вышнимъ ростомъ сверстатися [3]).
Я кабыть [4]) вѣтки-вѣточка, молода отростелиночка.
Мнѣ не въ годы привязалося зло-великое горе,
Не въ пору проливалися горючія слезы.
Молодымъ я молодехонька, зеленымъ зеленехонька,
Годовицы-ровесницы во ребенкахъ шатаются [5])—
Меня, красну дѣвицу, стали замужъ давать.

(Если есть старшая невыданная замужъ сестра, то ей) [6]).

Я росла бѣдна, вырастывала за горой за высокой, за сестрицей родимою,
Не слывала я, красна дѣвица, взрослой красной дѣвицей,
Не держала я на головѣ дорогой дѣвьей красоты.

(Матери).

Ты, кормилица моя родимая матушка!
Какъ издается,—накрасуешься, неисдается—напозоришься.
Какъ падется на чужой сторонѣ житье неиздаточно [7]),
Ужъ я вѣкъ буду забѣдовать [8]) на родимую матушку:
«Мнѣ отъ матушки родимой все горе привязалося,
Отъ кормилицы-жалостницы всѣ слезы проливалися».
—Вы чего убоялися, чего устрашилися?
Моего ли недороднества [9]), худого худославьица?
Я худого худославьица надъ людьми ненавидѣла,
Надъ собой вѣкъ не взначалася.
Я жила у родителей тише воды, тише вносной [10])

---

[1]) Услышите.
[2]) Подняться.
[3]) Хорошенько вырости.
[4]) Какъ будто.
[5]) Сверстницы еще въ ребятахъ.
[6]) Причитанье сестрѣ лучше выпустить.
[7]) Отъ слова неиздаться.
[8]) Бѣдняться.
[9]) Недородство.
[10]) Виновной.

Ниже травы шелковыя.
Не въ дорость траву шелковую съ корешка подкосили,
Въ недоцвѣтъ цвѣты лазуревы со травы соронили, —
Въ недорость меня красну дѣвицу стали замужъ выдавать,
Мнѣка не дали родители пожить—покрасоватися,
Меня вздумала кормилица давать на чужу-дальню сторону.
Мнѣ не ровня чужъ отецкой сынъ ни ростомъ, ни дороднествомъ,
Мнѣ не ровня чужъ отецкой сынъ ни бѣлоствомъ, ни румянествомъ [1]),
Мнѣ не ровня чужъ отецкой сынъ ни умомъ, да не разумомъ.
Вы не съ ровнюшкой сверсталися, честные родители,
Вы не съ ровней спознаваетесь, честные родители.
Я была роду не малаго, была роду славо-славнаго,
Я была въ роду почтеная, во всемъ міру хваленая;
По тому роду-племени надо бы не въ томъ мѣстѣ быть,
Не за тѣмъ человѣкомъ.
Да не тѣ бы кони кованы во дворѣ постояли,
Не тѣ бы люди добрые за столами сидѣли,
Да не та бы сватья-княжая по низку́ поклонилась.
У меня бы тѣ кони кованы въ сторонѣ постояли,
Меня бы тѣ добрыя люди на умѣ подержали,
У меня бы та сватья-княжая на печи посидѣла [2]).
Ужъ счастки [3]) мои бѣдные, худой талантъ горе-горькій!..

(Братьямъ).

Кабы у меня были во домѣ соколы братцы родимые,
Меня не дали бы соколы-братцы давать на́ чужу сторону:
По росту я недоросточекъ, по годамъ не невѣста.
У меня тѣ соколы-братцы въ дому не случилися,
У меня тѣ соколы-братцы въ гульбѣ молодецкой.
Ужъ какъ много наживаютъ злата и се́ребра,
Не срядили мнѣ всхожія солнышки драгоцѣнное платье.

(Дѣвицамъ).

Крестовая се́стрица, по правую руку подручница,
Крестовая сестрица, по лѣвую руку лѣворучница,
Вы красуйтесь, мои се́стрицы, на вѣкъ накрасуйтесь!
Веселитесь, мои сестрицы, да на вѣкъ навеселитесь!
— Я рада бы красоватися, да красота не красуетъ, сердце не веселитъ.
Покуль [4]) добры - жалостливы до васъ честные родители.
Жалость у родителей до поры до времени, до часу до единаго,
Какъ пойдутъ съ чужой стороны бо́льшіе сватовцы,
Какъ у твоего батюшка пойдутъ рѣдкіе отказы,
А съ чужой-то стороны того чаще приказы [5]),
Какъ тебѣ бы послѣ меня зимы не зимовать, лѣто не лѣтовать!
Какъ тебя красну дѣвицу бьёмъ отбиваютъ, отымо́мъ отымаютъ.

---

1) Ни бѣлизной, ни румянцемъ.
2) Т. е. подождала бы долго и въ ожиданіи у нея и на печь сѣла бы.
3) Счастокъ—счастки—значитъ счастье.
4) Покуда.
5) Приказъ здѣсь въ значеніи про́сьбы, предложенія.

(Дѣвушка подноситъ подарокъ).

Спасибо тебѣ, сестрица, на большомъ подареньицѣ, на честномъ приношеньицѣ,
На любыхъ чѣстныхъ гостиночкахъ.

Нѣсколько словъ въ поясненіе.

Написанныя здѣсь причитанья, или по здѣшнему выраженію причёты, записаны со словъ одной старушки. Не знаю также совершенно, не появлялись ли они гдѣ въ печати, потому что данныхъ для этого совершенно не имѣю. Не знаю поэтому также требуется ли ихъ присылка, или она совсѣмъ излишня. Я предпочелъ послать только причитанья на рукобитьѣ, причитанья же на дѣвичникѣ и пр. пришлю, если потребуется, если же нѣтъ, то и переписывать незачѣмъ.

Кажется, что причитанья не составляютъ чего-либо совершенно неизмѣняемаго, хотя въ общемъ остаются, конечно, одни и тѣже. Напр., годовъ 20 тому назадъ одному священнику случилось быть въ качествѣ крестнаго отца жениха, плачея такъ начала ему причетъ:

Духовнымъ назвать батюшкомъ,—на духу не бывала,
Роднымъ назвать батюшкомъ,—не поилъ, не кормилъ... и проч.

Свящ. Владиміръ Ивановъ.

Пѣсни с. Писокъ, Житомірскаго уѣзда.

С. Писки, въ которомъ я записалъ печатаемыя ниже пѣсни, находится въ 12 верстахъ отъ Житоміра, близость котораго замѣтно отражается на жизни и бытѣ писковскихъ крестьянъ. Дивчата давно уже не носятъ вышитыхъ сорочекъ, плахтъ, давно уже одѣлись въ «баскины», т. е. кофточки въ талію, нѣкоторыя, болѣе зажиточныя, мечтаютъ о корсетахъ. Даже и мужское населеніе, наиболѣе въ этомъ отношеніи консервативное, начинаетъ понемногу измѣнять свою внѣшность. Молодые парни заводятъ себѣ цвѣтныя рубахи, пиджаки. Сплошь и рядомъ можно слышать тотъ малорусскій жаргонъ, состоящій изъ смѣси исковерканныхъ русскихъ и малорусскихъ словъ, которымъ любятъ щеголять солдаты, писаря и т. п. деревенскіе интеллегенты. «Расейскія» солдатскія пѣсни распѣваются все чаще и чаще, пользуются большими симпатіями. Старыя малорусскія пѣсни начинаютъ забываться, или-же видоизмѣняться подъ вліяніемъ новыхъ. Записанныя мною пѣсни носятъ на себѣ слѣды новыхъ вліяній. Въ нихъ встрѣчаются отдѣльныя, чисто русскія слова, выраженія, а нерѣдко даже и цѣлые куплеты.

1.

Чые то поле,
Що довгіе гоны?
Ой, то того козаченька,
Що чорніи бровы.
Чыи то волы
По гори ходылы?
Ой, то того козаченька,
Що мы втрохъ любылы.
Идная любыла—
Биленько водыла,
Другая зодягала,
Вирненько кохала.
Чорнявая чары готувала.
Лытила зозуля
Черезъ садъ кукучы...
Ишовъ козакъ зъ вечорныць,
Вже винъ очарукучы.
Прыходыть до дому—
Ны 'каже никому,
Сивъ сыби кинець стола

Пидперся рукою.
Его маты ходыть
Билы ручки ломить,
А винъ сыдыть кинець
стола
Слова ны промовыть.
Прыходыть товарыщъ
Тай просыть ораты.
— «Ой, ны можу това-
рыщу
Головки носыты.
Ны тра мини сина,
Ны тра мини й трошки;
Треба мани сажень земли,
Щей чотыры дошки.
Ны тра мини сина,
Ны тра ны коныци,
Запровадять ажъ до гробу
Гарни молодыци».

2.

Загувъ, загувъ сывый соколонько
Седячы на тычыни...
Заплакавъ, затужывъ молодый козакъ
По своій дивчыни.
Що любывъ, та кохавъ
Соби дивчыну мавъ,
Теперъ покидаю Господу Богу,
Самъ я пиду, самъ я поиду,
Въ далеку дорогу.
Сподивайся мене, серденятко мое,
Тай до себе въ гости,
Якъ поросте трава шовковая
Трава на помости.
Росла, росла трава шовковая,
Стала посыхаты,
Ждала, ждала дивчына козака
Тай стала плакаты.
— «Хилитеся густія лозы,
Звитъкиль витеръ віе,
Дивитеся чорнія очы,
Звиткиль мылый иде?»
Хылылыся густи лозы,
Та вже пересталы
Ждала, ждала дивчына козака,
Тай плакаты стала [1])...

3.

Травка моравка, жовтый цвять (sic)
Мандруй, паненко, зе мной въ свять.
Трай ром, трай ром, тра-ра-ра-ра (припѣвъ).
Слична ягода на вышни
Поведзь, паненко цо мыслишь?
(Припѣвъ).
Якъ мы будемъ мандрувать
Вендо людзи дывувать.
(Припѣвъ).
Слична ягода яловець
Липшій кавалеръ якъ вдовець:

—

Идить сиби вдовце до попа
Тамъ тиби брама отперта.

—

Буду сывить, какъ овца,
Такъ и не пиду за вдовця.

—

Идь сиби, вдовце, до дому,
Шукай сиби удову.

—

Идить сиби, вдовце, до чорта,
Тамъ тиби брама отперта [2]).

—

4.

Нельзя, нельзя расчеремушку
Неспѣлои рвать...
Нельзя, нельзя раздѣвчоночку
Не сватану брать.
Выкопавъ я крыныченьку,
Выкопавъ я дви.
Выкохавъ я дивчыноньку
Людямъ ны соби.
А вже съ теи крыныченьки
Орлы воду пьють,
А вже тую дивчыноньку
До шлюбу ведуть.
Иденъ веде за рученьку,
Другій веде за рукавъ,

---

[1]) Ср. Чубинскій, т. V, № 460, стр. 289; № 237, стр. 110; № 555, стр. 281, № 600, стр. 306.

[2]) Гцоваловій, ч. III, отд. I, № 138, стр. 256.

Третій гляне—сердце вьяне,
Що любывъ, та ны взявъ.
Бодай тиби, моя матинко,
Такъ тяжко вмирать,
Якъ мини молодому
Дивчыну покидать [1]).

5.

Думала гадала,
Явора зрубала,
Труну збудувала.
Думала гадала,
Кого бъ я поклала?
Поклала бъ я матку—
Ны буде порадку.
Поклала бъ я батька—
Батька дуже жаль.
Поклала бъ я брата—
Въ брата нова хата.
Поклала бъ я сестру—
Въ сестры мали диты.
Въ сестры мали диты,
Никому глядиты.
И клала бъ мылого—
Ны буде другого.
Лягай, мыла, сама,
То якось то буде:
Котори диты малы—
То разберуть люды.
Котори бильшеньки,
То при мыни будуть
Лягла мыла сама,
Труна зачынылась,
Мыла сопьятылась.
Диты закрычалы.
— «Цытьте, диты, цытьте,
Цытьте ны крычите!
Я ще не вмираю,
Я свого мылого
Ума вывираю».

6.

Ой, козаче, козаче,
Житте твое собаче!
Чомъ ны сіешъ, ны орешъ,
Чомъ ны рано съ Крыму йдешъ?
Ой, я сію, я гору,
Ой, я рано съ Крыму йду.
Оно ныма идного—
Брата мого риднёго.
Шукавъ, гукавъ,
Ны знайшовъ,
Заплакавши
Тай прыйшовъ.
Найшовъ я лысточокъ,
Свого брата слидочокъ...
Косить, хлопци, лободу,
Кормить волы на биду.
Косить, хлопци, отаву,
Кормить волы на славу.
Косить, хлопци, тай овесъ,
Тай поидымъ у Гадесъ (Одессу).
Изъ Гадесу до Крыму,
А изъ Крыму до долу,
А изъ долу до дому...
Заизжаю въ шынёчокъ,
А въ шынёчку шынькарка...
— «Шынькарочка молода,
Дай-же меду, щей вына».
«Ой, якъ тиби меду дамъ,
Колы въ тебе жупанъ дранъ?»
— «Хоць у мене жупанъ дранъ
Есть у мене грошей збанъ».
— «Якъ у тебе грошей збанъ—
Дочку свою я оддамъ...
Ны такъ дочку, якъ наймычку,
Що хороша на лычку».
Въ субботу змовлялыся,
А въ нындилю винчалыся.
Въ понедилокъ раненько:
«Дивчыно серденько,
Скажы мини правдоньку,
Якогожъ ты родоньку?
Чы ты въ миста мищанка
Чы ты въ села селянка?»
— «Ой, я въ сыла селянка,
Зъ миста мищанка,
На прызвысько Карплянка».
А въ вивторокъ раненько:
— «Скажы мини правдоньку,
Якого ты родоньку?»
— «Я зъ миста мищанынъ,
Я зъ села селянынъ,
На прызвысько—Карпивъ сынъ».
Бодай, попе, пропалы,
Що сестру зъ братомъ звинчалы.
«Ходимъ, сестро, въ темній лисъ,
Бодай-же насъ звиръ ззисть».
Лисъ каже—ны прыйму,
А звиръ каже—ны пойму.
«Ходимъ, сестро, по полю,
Розсіемся травою.
Зъ тебе буде сыній квитъ,
А зъ мене буде жовтій цвитъ [2]).

---

[1]) Ср. Чубинскій, т. V ст. 204. Головацкій ч. I, стр. 103, № 15; стр. 294 № 106.
[2]) Ср. Чубинскій, т. V, № 407, ст. 201; № 485, стр. 917; № 157, стр. 1034. Головацкій, ч. I, стр. 178; ч. III, отд. I, стр. 74.

7

Выйшла дивчина, выйшла идына
Якъ руж вій цвять (sic)
Ручкы заломыла, очки заплакала:
— «Ны бендо твоя».
— «Бендешъ, дивчыно,
Бендешъ идыно,
Бендешъ, дали Бугъ.
Мини людзи раютъ,
Щей родзицы кажутъ,
Щей самъ же я Бугъ» (панъ Бугъ?).

8.

Теперь моя воля,
Що ныма нужа въ дома:
Десь поихавъ въ поле,
На пшеныченьку горе... (пашетъ)
Та буйный витер віе,
Та пшеныченьку сіе...
Повій витре, зъ яру
На пшеныченьку яру,
Та повій по долыни
Въ червовій калыни
Тамъ дивчина ходыла,
Цвитъ колыну ломыла,
Чорнымъ шовкомъ вьязала,
До лыченька рихняла,
Щей матинки пытала:
—«Чы я буду такая,
Якъ калыноньна цвя?
—«Будышъ, доненьку, дудышъ,
Закиль у мене будышъ...
За лыху долю пидешъ,
Той красу зъ лыченька збудышъ».

9.

Ой отдала мене маты
Та въ далеку сторону.
Въ далекую сторону,
Межъ велыку семью.
А велыка семья
Тай обидать сила,
А мене молоду
Посылають по воду.
Якъ по воду иду,
Якъ голубка гуду,
За дрибными слизонькамн
Крыныченьки ны знайду.
Якъ крыныцю знайшла.
Той водыци набрала...
И водыци набрала
Тай ны повни видра,
Заки до дому прыйшла,
То слизонькамы долляла.
Поставлю я пидъ сыньмы,
А сама стану пидъ дверми,
Стану я, послухаю,
Про що семья говорыть?
Семья говорыть:
—«Чомъ ты ін ны бьешъ,
Чомъ ты ін ны бьешъ,
Чомъ ты ны лаишъ.
—«За що-жъ ін быть,
Колы вміе все робыть?
Намеле й натовче,
И наварыть, напече,
Щей накрае, подае,
Свому мылому дае,
Шей по хати бигае,
Н и ч а в о (sic) не сдѣлае... (sic).

10.

На вышенци, на черешенци
Жовтый цвитъ,
Любылыся, та кохалыся,
Зъ малыхъ литъ.
На вышенци, на черешенци
Цвитъ опаде.
Ой, такъ наше коханничко
Та пропаде.
Породыла мене маты
На биду
Хорошую, молодую
На выду.
Розсыпала горишеньки
По леду.
А хто ціи горишеньки
Избере—
Той мене до серденька
Прыгорне.

Обизвався та гарный хлопець
На меду:
—«Охъ, а я тіи горишеньки
Собыру,
Я тебе до серденька
Прыгорну».

11.

Прыихавъ мій мыленькій съ поля,
Прывьязавъ коня до явора.
Чогось моя голывонька больна (sic).
«Дай, Боже, ныдыли дождаты,
То пошлю людей дивчыны сватáты,
А самъ стану пидъ викномъ слухаты,
Що буде дивчына казаты».
Дивчына по свитлоньци ходыть,
Биліи рученькы до серденька ломыть,
До свеи матинки съ тыха говорыть:
—«Маты, моя маты, порадныце въ хати,
Порадь мене, що людямъ казаты?
Чы мини хусточки даваты,
Чы людей отсылаты?»
—«Якъ ты будешъ хусткы даваты,
То ны прызнавай, що я твоя маты».

Сообщ. Вл. Боцяновскій.

„Иванъ Купайло" въ с. Корытной Гайсинскаго уѣзда Подольской губ.

24 іюня «на Ивана Купайла» (по мѣстному выраженію) [1]) дѣвочки и подростки (не старше лѣтъ 14—15) собираютъ цвѣты и сходятся вмѣстѣ небольшими кучками гдѣ-нибудь на пригоркѣ, на холмикѣ или просто въ уютномъ мѣстѣ на улицѣ. Здѣсь онѣ плетутъ вѣночки и надѣваютъ ихъ на воткнутую въ землю вѣтку вишни, яблони или другого какого-либо дерева (предпочтеніе дается вишневой вѣткѣ). Всѣ садятся вокругъ украшенной вѣнками вѣтки и поютъ слѣдующія пѣсни:

Наше купайло зъ вирби, зъ вирби,
А ти (имя какого-либо парня) прийди, прийди!
Бо якъ ни прийдешь на купайла,
То вийди съ тебе душа и пара.

На Івана, на Купайла
Вийшла (имя дѣвушки), якъ та панна;
На нюю хлопці зглядаются,
На медъ-горівку складаются.

Було літо, була зима,
Котра дурна за-мужъ пішла,
Котра розумна зосталася,
Зъ нами Купайла погралася.

Маленька нічка петрівочка [2]),
Ни виспалася нивісточка,
Іде по воду дримаюче,
Іде зъ водою клипаюче,
Прийшла до сіний—відра побила,
Прийшла въ світлоньку—свекруха била:
На шо-жъ ти, доню, відра побила? —
Я іхъ не била, постановила,
А вони взяли покотилися,
Покотилися, побилися.

Ой ти (имя дѣвушки) коханочко,
Въ тебе личенько якъ яблочко,—
Не такъ личенько, якъ ти сама,
Щей на папері написана.

---

[1]) Въ Каменецкомъ и Ушицкомъ уѣздахъ называется «Иванъ Лопухатый». Въ этотъ день украшаютъ стрѣхи домовъ и другихъ построекъ лопухами и чернобылемъ. Послѣднимъ также опоясываются, чтобы спина не болѣла.

[2]) Т. е. въ Петровъ постъ.

Сіяла діброва, сіяла,—
Съ кимъ-же ти (имя дѣвушки) стояла?
Съ тобою (имя парня), съ тобою,
Якъ зъ ясною зорою.
— Чімъ-же ти (имя дѣвушки) пізнала,
Що ти мене зорою назвала?
— По тобі (имя), по тоби;
Чорная шапочка на тобі,
Чорная шапочка, якъ галка,
Ось твоя (имя) коханка.

Ходила (имя дѣвушки) по полю,
Збирала пшиниченьку зъ колосю;
Ішовъ (имя парня), шапку знявъ:
Боже тобі (имя) помагай,
Боже тобі помагай,—
Буде съ цеі пшиниченьки коровай,

Ходила (имя дѣвушки) по саду,
Тай садила съ (имя парня) росаду.
Рости, рости, росадо, въ три листи,—
Надійся (имя дѣвушки) старости;
Надійся (имя) старости,—
Дайте-жъ тіі (имя) підрости;
Якъ-же вона підросте,
То ви еі радоньки ни дасьте.

Литіла зіронька, литіла,—
За кого-жъ ти (имя дѣвушки) захтіла?
Ой за того, дівчата, за того,
За того (имя парня) молодого.

Помагайбі (имя дѣвушки), куди йдешь?
Десь та пшиниченька, шо ти жнешь?
Підъ гаємъ, дівчата, зелененькимъ
Я жну съ (имя парня) молоденькимъ.

Пѣсни эти поются по возможности каждой участвующей дѣвушкѣ. Когда окончатъ пѣть, тогда каждая дѣвушка беретъ вѣночекъ, несетъ на свой огородъ и бросаетъ на огурцы. Дѣлается это съ тѣмъ, чтобы огурцы хорошо росли и такъ-же хорошо вились, какъ свиты вѣночки.

Прежде—лѣтъ 5—6 тому назадъ—на «Ивана Купайла» собирались и взрослыя дѣвушки, точно также плели вѣнки и пѣли тѣ-же пѣсни. Въ настоящее время взрослыя дѣвушки прекратили «на купайла» свои игры, считая ихъ для себя излишними и неудобными.

1894 г., м. сентября.
Корытна.

Р.

Свадебные обряды и пѣсни въ м. Маковѣ Каменецкаго уѣзда Подольской губерніи.

I. Сватанье.

Женихъ со «старостой» идетъ къ своей невѣстѣ (съ которой напередъ сговорился), неся съ собой бутылку водки и хлѣбъ. «Староста», обыкновенно, спрашиваетъ дѣвушку, согласна-ли она выйти за такого-то? Въ случаѣ согласія невѣсты пьютъ водку и начинается угощеніе [1]).

II. Приготовленіе вѣнка въ субботу.

Свадьба обыкновенно начинается съ субботы. Невѣста приглашаетъ себѣ двѣ «дружки» (шаферки) и съ ними отправляется въ село приглашать знакомыхъ дѣвушекъ «до вінка», т. е. плести вѣнокъ для невѣсты. Между тѣмъ дома готовятъ «ко-

---

[1]) Иной «староста» дѣлаетъ приступъ въ родѣ слѣдующаго: «Десь ту е наша тылычка въ займи?»—Та котра? въ насъ може ця, або ця?—Ну, да та, та!..» и т. под.

ровай»—обыкновенно продолговатой формы. При этомъ мужчины, вырвавши у бабъ, певущихъ коровай, лопату, которой сажаютъ хлѣбъ въ печь, бѣгаютъ вокругъ хаты, а бабы гоняются за ними, стараясь вырвать лопату. Коровай украшается «Гильцемъ»— вѣточкой, украшенной калиной, барвинкомъ и выкрашенными перьями. Точно такой-же коровай готовятъ и у жениха. Коровай все время стоитъ на столѣ. Приглашенныя дѣвушки остаются за воротами, пока ихъ не позовутъ. Когда-же въ комнатѣ приготовятъ все, необходимое для плетенія вѣнка, тогда большею частью старшая дружка выходитъ за ворота и приглашаетъ дѣвушекъ въ хату. Всѣ садятся за столъ, по срединѣ та, которая лучше умѣетъ дѣлать вѣнокъ. Вѣнокъ плетется изъ «барвинку». Старшая дружка, взявши три или четыре вѣточки барвинка, и обратившись къ отцу невѣсты, говоритъ:

— «Татку, проситъ молода благословеньства».

— Нихай Богъ благословитъ!—отвѣчаетъ отецъ. Такъ до трехъ разъ. Послѣ этого съ тѣми-же словами дружка обращается къ матери и къ всей присутствующей роднѣ невѣсты. За симъ начинается плетеніе вѣнка, при чемъ поютъ слѣдующія пѣсни

Зъ руточки дві квіточки—
Благослови, Боже! (bis)
И отецъ і мати
Своёму дітяти
Віночокъ начинати.
Матінка моветъ:
Най Богъ благословетъ
I отецъ и мати
Своёму дітяти
Віночокъ начинати.
Вся родинка моветъ:
Най Богъ благословетъ,
И отецъ и мати... и т. д.

Сдрагалися стіни,
Де панянки сиділи,
А ще гірше здрігнутця,—
Якъ горілки напьютця.
Дайти намъ гориночки (bis)
Зъ новоі барилочки,
Зъ староі не хочемо.
Бо въ старі сколочено.
Де-ся староста подівъ?—
До води коня повівъ.
Ще кури не піли,—
Старосту вовки сзіли.
Старосто,—дівочий батьку,
Яку ти маешь гадку:
Че віночокъ скупити,
Че думаешь пропити;
Або-ся поміркуймо,
(NN.—имя невѣсты) подаруймо.
Скочемъ ми въ городы
Черезъ гострі частоколи,
Тай наріжемъ барвинку—
Дошевати вінку.
Ніхто не вгадае,
Хто вінка дошевае,—
Че зміста міщаночка,
Че с сила селяночка,
Білую ручку мае
Віночка дошевае.

А въ лузі калина [1])
Білимъ цвітомъ зацвіла;
Пішли ві панни рвати,
Не далася ломати.
Пішла (имя невѣсты) сама,
Нарвала, наломала,
Принесла до світлоньки
Миже красни панянки.
Че буду я такая,
Якъ калинонька тая?
Будишь, донењко, будишь,
Поке пре мені будишь,
А якъ підешь відъ мене,
Спади красонька съ тебе,
Зъ личенька румяного,
Съ серденька коханого.

Че ти нами (имя невѣсты) не рада [2])
Чи тобі віночка не треба,
Шо ти до насъ не ходишь,
Словонька не промовишь.
Ни дружки вінокъ вила,
Тілько-ся хвалила,
Ввили его дівки
За кватирку горивки.

[1]) Мотивъ этой пѣсни другой, чѣмъ предыдущихъ, болѣе нѣжный и трогательный и болѣе чувствительный.
[2]) Мотивъ новый.

Во время пѣнія музыканты наигрываютъ мотивы тѣхъ пѣсенъ, которыя поются. Невѣста тогда совершенно свободна: она можетъ заниматься какимъ-либо дѣломъ, можетъ танцовать, можетъ поплакать и т. п. Иная во время своего танца поетъ слѣдующую пѣсню:

Далась мене, моя мати
За високі гори,
Будешь мене виглядати
Якъ ясноі зори.

Будешь мене виглядати,
Людей-ся питати,
Десь я мала едну дочку,
І тоі ни видати.

Когда окончатъ вѣнокъ, тогда дружка кладетъ его на хлѣбъ и отдаетъ съ хлѣбомъ старостѣ свадебному. Староста пьетъ къ ней водку и передаетъ ей рюмку съ водкой, а самъ беретъ вѣнокъ. Дружка-же обязательно должна пить къ той дѣвушкѣ, которая главная плела вѣнокъ, а эта пускаетъ рюмку въ круговую. Когда староста, взявши вѣнокъ, относитъ его въ другую комнату или въ чуланъ, то всѣ дѣвушки бросаютъ въ него остатками барвинка.

Дѣвушкамъ даютъ закусывать. Послѣ закуски дѣвушки поютъ:

Та нима того ві Львові,
Шо въ (имя невѣсты) на столі:
Пшенешний хлібъ,
Солотний мидъ,

Шей зеленое вено
На столі поставлено,
Хороше припрошено.

Наконецъ, обращаются къ свадебному старостѣ съ такой пѣсней:

Загіра сонячко, загира,
Вивиди, старосто, за стола,
Та на ясное,

Та на красное
(имя невѣсты) подвіра.

Староста беретъ крайнюю дѣвушку за платочекъ, а эта слѣдующей подаетъ руку и т. д. и всѣхъ ихъ староста выводитъ на подворье. Здѣсь протанцуютъ одинъ только разъ (только дѣвушки) и расходятся по домамъ.

III. «Заручены».

Днемъ въ субботу женихъ присылаетъ невѣстѣ при посредствѣ своихъ шаферовъ «рантухъ» (особое головное покрывало, сшитое изъ бѣлаго полотна; его замужнія женщины надѣваютъ, когда идутъ въ церковь,—но только пожилыя, молодицы-же покрываютъ голову платкомъ. Только съ недавняго времени стало входить въ обычай, что вновь вышедшая за-мужъ должна въ первый разъ своего прихода послѣ вѣнчанія въ церковь, явиться въ рантухѣ) и платокъ (болѣе или менѣе цѣнный). Вмѣстѣ съ рантухомъ передаетъ и деньги по своему желанію больше или меньше, но обязательно завернувши ихъ въ рантухъ.

Подъ вечеръ въ домъ невѣсты приходитъ со своей музыкой женихъ и съ нимъ его отецъ и мать и вся его родня. Поздоровавшись, садятся всѣ за столъ, — женихъ посрединѣ, за нимъ съ лѣвой стороны садятся его два шафера («дружбы»), а съ правой оставляется пустое мѣсто для невѣсты и ея «дружекъ». Невѣста въ то время прячется куда-нибудь вмѣстѣ со своими дружками. Свахи спрашиваютъ:—«А дежь наша молода?»—«А отъ заразъ прийци»,—отвѣчаетъ мать невѣсты. Является тогда младшая «дружка». Поклонившись, она цѣлуетъ въ руку родныхъ жениха.

— А це ваша?—спрашиваетъ мать невѣсты или кто-либо изъ ея родни.

— О ні, не цяя, це ни наша, наша краща, — отвѣчаютъ свахи, — покажитъ намъ нашу.

Входитъ старшая «дружка», слѣдуетъ тотъ-же вопросъ и тотъ же отвѣтъ. Наконецъ появляется невѣста.—Оце, оце наша!—восклицаетъ родня жениха. Невѣста садится за столъ подлѣ жениха и втыкаетъ за поясъ его платокъ, тотъ самый, который передъ тѣмъ получила отъ него. Затѣмъ складываетъ руки на крестъ такимъ образомъ, что невѣсты рука служитъ основаніемъ, на ея руку кладетъ женихъ свою, далѣе его отецъ, мать и присутствующіе родственники. Свадебный староста платкомъ связываетъ руки, говоря: «Хто сей гузъ розваже, той мае дати на церкву десіть (или двадцать) рублівъ» [1]. Платокъ развязываетъ самъ староста.

IV. Расплетеніе косы.

Послѣ сего невѣста садится на стольчикъ среди хаты и начинается расплетеніе косы. Во время приготовленія сидѣнія невѣстѣ (столецъ и подушка покрытая) поется:

Дай мати стільця,
Щіточки, гребінця,
Щіточки, і кожуха
Нехай сяде молодуха.

Старшая дружка держитъ въ рукѣ косу и, обращаясь къ отцу невѣсты, говоритъ:—«Татку, просыть молода благословеньства».—Най Богъ благословытъ»,—отвѣчаетъ отецъ.—«Повтурни», говоритъ опять дружка.—«Най Богъ благословытъ», слѣдуетъ отвѣтъ.— «Повтурни».—«Най Богъ благословытъ».—«Двінкуе вашеці», заканчиваетъ дружка. Съ такими же словами обращается дружка къ матери и къ всей присутствующей роднѣ невѣсты. Начинается расплетаніе косы, при чемъ поются слѣдующія пѣсни:

Благослови, Боже,
І отецъ і мати
Своёму дітяти
Косоньку росплетати.
Стану я на билину,
Крикну я на родину:
Сходися родо́чку
Росплетати косо́чку.
Масла, матінко, масла,
Бо я корови пасла,
Щей гонила на роси,—
Давай масла на коси.

Було літо, було літо [2],
А тепер зима;—
Посію я чорнобривці
Напротівъ Різдва.
А вже-жъ мої чорнобривці
Розцвітають,
А вже-жъ мою русу косу.
Росплетають.

Послѣ расплетенія косы невѣста поднимается съ своего мѣста, а окружающія ее дружки и дѣвушки—ея родственницы стараются занять ея мѣсто [3].

V. «Выражаютъ на село».

Вслѣдъ за симъ невѣста собирается отправиться «на село», т. е. къ священнику и родственникамъ просить благословенія. Родители и родственники жениха и невѣсты (и другія почетныя лица, если они присутствуютъ), садятся на лавкахъ и каждый изъ нихъ держитъ въ рукахъ хлѣбъ, а на хлѣбѣ кусокъ соли. Женихъ кланяется въ ноги родителямъ невѣсты, а потомъ своимъ; невѣста-же въ то же время кланяется

---

[1]) Смыслъ этихъ словъ тотъ, что кто отговоритъ невѣсту, тотъ долженъ заплатить въ пользу церкви штрафъ. Обычай видно недавній, но неизвѣстно съ котораго времени заведенъ.

[2]) Мотивъ другой.

[3]) Это значитъ, которая раньше займетъ мѣсто, та скорѣе замужъ выйдетъ. Большею частью мѣсто достается дружкѣ.

родителямъ своего жениха, а потомъ своимъ. Слѣдують также поклоны родственникамъ. Предварительно свадебный староста говоритъ:

— «Стало то дитятко предъ Господомъ Богомъ, предъ всіма сватими, предъ батькомъ родзонимъ, предъ маткой родзоною [1]), стало-жъ оно, тай проситъ благословеньства: шобись—ты ему простылы и благословылы и на селю вырадылы».

Во время процесса поклоновъ поютъ:

Кланяйся (имя невѣсты), кланяй,
Низенько до нігъ падай,
Отцові, матіноньці,
Всі свої родиноньці
І найменьші дитиноньці.

Засвіти, дружбо, свічку,
Поглянь позапічку,—
Че ни ма де родини,
Найменьшої дитини,
Шо-би еі-ся вклонити,
Шо-би еі ни згнівити.

Получивши благословеніе, женихъ и невѣста выходятъ на дворъ и останавливаются подлѣ порога. Мать невѣсты святой водой окропляетъ ихъ трижды, обходя вокругъ. Окропивши, она остатокъ воды выливаетъ въ голенище невѣсты и туда-же вкладываетъ и кропило (сдѣланное изъ колосьевъ).

Во время этого обряда, соблюдаемаго и зимой, поется слѣдующая пѣсня:

Въ городі квіти,—
Скропляй, мати, діти
Свьяченою водою,
Доброю дорогою.
Йди (имя невѣсты) на село,
Шобъ-ти було виселó;
Че бідний, че богатий,
Ни минай ёго хати;—
Каждий тобі відновитъ:
«Най Богъ благословитъ!»

Женихъ, окруженный дружбами [2]), и невѣста, окруженная дружками отправляются первымъ дѣломъ къ своему приходскому священнику. Свадебный староста, сопровождающій ихъ, несетъ священнику бутылку водки, хлѣбъ и живую курицу. Въ домѣ священника женихъ и невѣста падаетъ въ ноги священнику, матушкѣ и всѣмъ присутствующимъ его дѣтямъ (взрослымъ и малымъ) и стороннимъ, если они есть. Староста кладетъ водку и хлѣбъ на столъ, пробуютъ водки и расходятся. Обыкновенно невѣста идетъ къ своимъ родственникамъ, а женихъ къ своимъ. Невѣста еще въ концѣ концовъ заходитъ къ родителямъ жениха, гдѣ ее угощаютъ, а оттуда прямо къ себѣ домой. Входя въ домъ, дружки (а у жениха—дружбы) поютъ:

Добри вечеръ тому,
Хто є въ цімъ дому!
Че добре ми здробили,
Шо всю родину спросили,
Близкую и далекую
И сосіду блезенькую?

Танцы «челяди».

Въ субботу до поздней ночи продолжаются танцы. Обыкновенно танцуетъ «челядь», т. е. всѣ, кто званный и незванный пришелъ на свадьбу. Такъ какъ деревенской молодежи набирается очень много, то танцы устраиваются на подворьѣ (хотя бы это было и зимнее время). Танцы очень незатѣйливые и несложные. Собственно говоря, существуетъ одинъ танецъ, состоящій изъ двухъ фигуръ. 1) Парень и дѣвушка, взявшись за руки, медленно, степенно, въ тактъ музыки двигаются по кругу,

---

[1]) Слова изъ польскаго языка, въ обыкновенной рѣчи не употребляемыя.

[2]) Въ субботу-же дружки пришиваютъ дружбамъ къ шапкамъ особые изъ барвинка сдѣланные букеты.

слегка подпрыгивая. 2) Парень беретъ дѣвушку подъ мышки, а дѣвушка кладетъ руки на его плечи, и такъ кружатся поступательно. Свадебная музыка состоитъ изъ скрипки и цимбалъ (инструментъ въ родѣ цитры). Иногда присоединяется бубенъ (но онъ не составляетъ необходимой принадлежности свадебнаго оркестра). Танцующія пары подпѣваютъ различные куплетики и пѣсенки (большею частью парни), напримѣръ:

Ой дівчино, дівчинонько,
Товаръ за водою,
Ти ходишь за товаромъ,
А я за тобою.
—
Ни дивися дівчинонько,
Що я-ся волочу,
Дай міні штирe воли,
Я тебе ни хочу.
Дай мині штире воли,
А пяту корову,
Я тебе не хочу
І до свого дому.

Если же какой парень желаетъ досадить и посмѣяться надъ какой-либо дѣвушкой, то онъ пользуется этимъ случаемъ, чтобы спѣть ей подобранную или составленную имъ самимъ пѣсню не въ пользу ея, напримѣръ:

Ой дівчино, дівчинонько,
Яка ти гарненька,
Якъ въ ліси при дорозі
Жаба зилененька.

Одной дѣвушкѣ, служившей у помѣщика, парень изобрѣлъ такіе куплеты:

Ой булабъ ти, дівчинонько,
Въ въ осини віддана,
Якъ-бись була съ панами
Въ покою ни спала.
Въ Макові дороженька
На всі штыре кінці,
Побігла (имя матери дѣвушки)
За бугаемъ дівці.
Ой копана кернеченька,
Копана, копана,
Такого-то (имя отца) дівчинонька
Ходить до пана.
Копана керниченька,
Копана, копана,—
Вона собі заслужила
Коральки съ пана.

Другой парень спѣлъ такую пѣсню:

Ой на ставу, на ставочку
Плеве, обичайка, —
Ой чия жъ-то дівчинонька
Така величайка.
Чимъ-же вона величае?
Чимъ-же гоноруе?
Чи ни тими коралями,
Шо въ краму купуе.
Коби то коралики,
А то жовта глина,—
Навішала іхъ багато,
Шобъ хлобці любили.

2.

Вже тиждинь минувъ,
Якъ ти въ мене бувъ,
Десь ти, сирдиня,
За мене забувъ?
— Ой я ни забувъ,
Тілько забуду:
Поіду въ Москву
Семь літь прослужу,
Ди повернуся,
Тамъ оженюся,
Возьму за жону семілеточку,
Випишу еі на паперочку,
Прибью на стіні,—
Розмовляй мені:
Якъ я тебе бравъ,
То ти,—якъ макъ процвітавъ,
Теперь ти стала,
Якъ рибка вяла,—
Десь тебе мати ни жаловала
Пізно лягала,
Рано вставала:
Вставай нивістко, бодай ни встала,
Подій корови, шо ти нагнала.
— Я ті подою, шо я нагнала,
Тихъ не подою, шо я застала.

3.

Чирвоная калиноньки
На яръ-море схилилася,—
Дурна-дівка сжурилася,
Шо відъ роду відбилася,
Шо одъ роду, одъ родини,—
Та за двадцать миль, за чатири
Дівці косу роспустили
Та на тихий Дунай пустили.
Та пливи, косо, за водою,
А я молода за тобою;
Та припливемо на нисочокъ,
Вохда [1]) сядимъ на часочокъ,
Вохда сядимо, отдишемо,
Та дрібні листи напишемо,
Да до батенька одишлемо:
Та нихай батько ни торбує,
Сивихъ коней ни моруе,
Та дівці вінка ни купує.
Та черезъ дурний розумечокъ
Потирала свій віночокъ
Підъ білою березою
І ни пьяною, твиризою,
Підъ кущикомъ зилиненькимъ
Та съ козаченькомъ молоденькимъ.

Пѣніе подобныхъ куплетовъ считается большимъ оскорбленіемъ. Дѣвушка, обыкновенно, старается уйти домой [2]).

VI. Воскресеніе.—Отправленіе жениха въ домъ невѣсты и подъ вѣнецъ.

Въ воскресеніе утромъ женихъ и невѣста собираются къ вѣнчанію. Вѣнчаніе бываетъ послѣ литургіи. Женихъ въ своемъ домѣ получаетъ благословеніе отъ отца и матери, кланяясь имъ въ ноги. Благословляютъ хлѣбомъ, — при этомъ обыкновенно свахи поютъ пѣсни (тѣ-же, что̀ и невѣстѣ). Выряженный изъ дому женихъ вмѣстѣ съ дружбами, свахами идетъ въ домъ невѣсты. При приближеніи къ дому невѣсты свахи поютъ:

Тутъ біли піра впало,
Тутъ-ся намъ сподобало,
(Имя невѣсты) молоденька
Пристала до серденька.

Невѣста точно такъ-же, какъ раньше, проситъ благословенія у своихъ родителей, а послѣдніе, какъ и раньше, благословляютъ хлѣбомъ. Староста свадебный произноситъ ту же тираду, которая приведена раньше. Во время обряда благословенія поютъ:

Зъ руточки дві квіточки
Благослови, Боже,
І отецъ і мати
Своёго дітяти
До шлюбу виражати.
Кланяйся (имя невѣсты), кланяйся,
и проч.

Послѣ благословенія выходятъ женихъ и невѣста на дворъ и здѣсь подлѣ порога производится тотъ-же процессъ кропленія водой, который раньше приведенъ. Свахи-же поютъ тогда такую пѣсню:

Мати (имя невѣсты) родила
Місяцёмъ обгородила,
Сонячкомъ впиризала,
До шлюбу виражала.

Возвращеніе послѣ вѣнчанія.

Женихъ идетъ въ церковь впереди со своими дружбами, а невѣста сзади съ дружками. Послѣ вѣнчанія женихъ отправляется къ себѣ, въ свой домъ, а невѣста

---

[1]) Охъ да.
[2]) То-же самое бываетъ и во время собранія деревенской молодежи въ праздничные дни, когда также играетъ музыка и устраиваются танцы. Такія развлеченія прежде сплошь и рядомъ устраивались въ кабакѣ. Но теперь сельскія власти воспрещаютъ имъ собираться въ кабакѣ.

въ своей. И жениха и невѣсту въ почтительномъ отдаленіи отъ церкви встрѣчаетъ музыка и провожаетъ домой. Дорогой сопровождающія невѣсту дружки и свахи поютъ:

Дякуймо попонькові,
Якъ рідному батенькові,
Шо насъ звінчавъ,
Шо намъ шлюбъ давъ,
Немного взявъ
Півтóра червоного
Въ пана молодого [1]).

Подойдя къ дому, поютъ:

Вийди, матінко, звитайся,
Своёго дитятки спитайся,
Дись твое дитятко бувало,
Що твое дитятко видало,
Підъ царскимъ вінцемъ стояло,
Зъ правоі рученьки шлюбъ взяло.

Мать невѣсты встрѣчаетъ ее на порогѣ дома, накинувши на плечи (шубу) кожухъ на изнанку, шерстью вверхъ. Въ это время поютъ:

Богові наші души,—
Вийди, мати, въ кужусі;
Якій кужухъ мохнатий,
Такій твій зять богатий.

Невѣста съ поклономъ подходитъ къ своей матери, а она пьетъ къ ней водку, невѣстѣ-же подаетъ въ той-же рюмкѣ воду. Невѣста выливаетъ эту воду чрезъ голову назадъ себя. Второй разъ тоже самое. Третій разъ мать подаетъ ей водку, она выпиваетъ ее и, взявшись руками за край кожуха, входитъ въ комнату. Начинается обѣдъ, за которымъ поютъ различныя пѣсни, въ родѣ такой:

Капуста мілка,
Сікла еі (имя невѣсты) дівка,
Сікла, шаткувала,
Гостий-ся сподівала.
Є що істи, пити,
Ни кому припросити,—
(Имя невѣсты) молоденька,
Дружечка пишненька.

Въ теченіи дня продолжаются танцы и веселье и у жениха и у невѣсты.

VII. «Посагъ».

Подъ вечеръ женихъ у себя дома, а невѣста у себя садятся на «посагъ». У жениха такая-же обрядность, что у невѣсты, и пѣсни тѣ-же самыя. Свадебный староста, точно такъ-же, какъ и въ прошлые разы, проситъ благословенія садиться на «посагъ». Невѣста становится по срединѣ комнаты и низко кланяется своимъ родителямъ. Въ то время поютъ:

Зъ руточки дві квіточки
Благослови, Боже,
І отецъ і мати
Своёго дитяти
На посагъ сідати.
Ой крикнули гуси-лебеди на воді,
Якъ добачили молоду (имя) на двóрі:
Ой годі-годі, молода (имя) гуляти,
Пора-жъ тобі на той посагъ сідати;—
Ой е въ мене отецъ, мати до того,
До моёго до посаженьку славного.

Невѣста садится за столъ съ дружками и съ нею нѣсколько дѣвушекъ. Передъ нею стоитъ «коровай съ гильцемъ», водка, рюмка и тарелка. Свадебный староста

---

[1]) Въ селѣ Поросятковѣ Углицкаго уѣзда поютъ при этомъ:
Здурили ми попа,
Якъ простого хлопа,
Ми редьки накраяли,
А вінъ думавъ,
Шо таляри.

вызываетъ присутствующихъ по-очередно, сначала родителей, потомъ родственниковъ ближайшихъ и дальнѣйшихъ и, наконецъ, гостей, говоря такъ: «Десь ту е пані молодоі тато, а прошé, татку!» Вызванный подходитъ къ столу, пьетъ рюмку водки (рюмку держитъ чрезъ платочекъ) и бросаетъ невѣстѣ деньги, сколько желаетъ. Въ это время поютъ:

Ой татуню-голубчеку,
Ставьте передъ мене,
Перепийте до мене—
Повную-повненькою
І доброю доленькою.

Я повну перепиваю,
Тобі долі ни вгадаю;
Той тобі еі вгадае,
Хто надъ нами
Всю міцъ мае.

Эту пѣсню поютъ каждому, кто подходитъ, называя подходящаго по имени или по степени и названію родства. Когда староста вызываетъ парней, то говоритъ: «Десь ту е нашоі пани молодои товарышъ (имя), а прошé, товарышу!» Вызванный подходитъ пьетъ, а ему поютъ такую пѣсню:

Молодці зъ-за порога [1]),
Ой бітися Бога:
Війдіти до хати

(Имя невѣсты) дарувати
Виликимъ даромъ посагомъ,
Доброю доленькою (имя жениха).

Или-же поютъ такую:

Пийте, молодци, пийти,
Но намъ шклянокъ ни бийте,
Бо въ насъ шклянки дорогиі,

По штири золотиі,
А келішки по грошу,—
Я-жъ васъ, вашеці, прошу.

А дѣвушкамъ прибавляютъ въ концѣ этой пѣсни:

Келішки по три гроши,—
У насъ панянки хороши.

Послѣ посагу у невѣсты продолжаются танцы по прежнему. То-же самое у жениха.

VIII. «Дары» жениха невѣстѣ.

Около полночи женихъ посылаетъ невѣстѣ «дары»—два калача, которые относятъ дружбы. Послѣдніе, отдавши «дары», возвращаются обратно и, прійдя къ дверямъ дома, поютъ:

Віддалисьмо дари,
Якись-мо мали,—

Жетниі, пшинишниі,
Шобъ були виличниі.

Послѣ этого ночью же женихъ съ дружбами, музыкой и свахами отправляется за невѣстой въ ея домъ, причемъ несутъ и коровай съ гильцемъ. Женихъ вмѣстѣ со своей компаніей остается у невѣсты до утра, а иногда и дольше (до полудня понедѣльника).

IX. Понедѣльникъ. «Скупленіе дружекъ».

Въ понедѣльникъ отводятъ невѣсту въ домъ жениха. Передъ тѣмъ, какъ невѣста имѣетъ отправляться, ея дружки надѣваютъ на головы шапки дружбовъ и садятся за столъ. Онѣ поютъ:

---

[1]) Крестьянскія хаты, обыкновенно очень тѣсныя, не вмѣщаютъ въ себѣ всѣхъ гостей, поэтому большая часть ихъ остается въ сѣняхъ,—за порогомъ.

Вийди, дружбо, съ комори,
Покажи чорни брови,
Нихай я буду знати,
Кого дружбою звати.

Дружба подходитъ и бросаетъ своей дружкѣ нѣсколько денегъ,—это называется «скуплять дружку» (какъ-бы вознагражденіе дружкѣ за услугу, оказанную тѣмъ, что дружка прицѣпила въ субботу къ шапкѣ своему дружбѣ букетъ или широкую ленту, сложенную въ формѣ цвѣтка). Въ то время дружка поетъ;

Я на тое та ни дивлюся,
До стіни обернуся,
До стіни оченьками,
А до дружби плеченьками.

Дружба опять бросаетъ ей нѣсколько копеекъ. Дружка поетъ:

Гопче, дружечка, гопче,
Чиривиченьки здопчи,
Дружбонька-ся поправитъ—
Чиривички направитъ.

Дружба опять бросаетъ ей денегъ. Такъ до тѣхъ поръ, пока не удовлетворится дружка, послѣ чего дружка взлѣзаетъ на столъ и со стола прыгаетъ дружбѣ на руки и идетъ съ нимъ танцовать. По окончаніи танца оба дружки уходятъ къ себѣ домой. Имъ даютъ по парѣ калачей, а музыка провожаетъ ихъ за ворота [1]).

X. Раздача «коровая».

Здѣсь-же, въ домѣ невѣсты, раздается всѣмъ присутствующимъ коровай и гильце жениха. Старшій дружба разрѣзываетъ его на части и вызываетъ тѣхъ, кому долженъ дать, точно такъ, какъ раньше вызывалъ «до посагу». Вызванный подходитъ къ столу и получаетъ кусочекъ коровая и часть гильця.

Предъ своимъ уходомъ къ жениху невѣста раздаетъ родственницамъ и подругамъ свои ленты, которыя она носила на головѣ, часть-же оставляетъ для раздачи въ домѣ жениха его родственницамъ-дѣвицамъ.

XI. Невѣсту ведутъ въ домъ жениха.

Наконецъ, невѣста съ женихомъ отправляется въ домъ послѣдняго. Невѣста въ вѣнкѣ и въ лентахъ на головѣ несетъ рантухъ, накинутый на шею такъ, что оба конца его спереди, на рукѣ-же—«обрусъ» (скатерть) и два хлѣба на обрусѣ, а женихъ несетъ икону. Ихъ сопровождаетъ музыка жениха, дружбы,—изъ нихъ старшій несетъ коровай и гильце невѣсты,—и свахи; родители жениха и его родственники остаются пока дома. Если новобрачные будутъ жить въ домѣ отца жениха или вообще въ предѣлахъ его усадьбы, то въ этотъ разъ за невѣстой несутъ слѣдующее ея приданное: младшій дружба несетъ въ простынѣ завернутыя подушки, а свахи несутъ «килимкы» и «вереты» [1]), перекинутыя чрезъ плечи. Если-же напротивъ, женихъ поселиться имѣетъ въ домѣ невѣсты, то всего этого не несутъ. При отправленіи невѣсты изъ дому, мать ея окропляетъ святой водой, какъ и раньше, когда «выражала ихъ на село»; поется та же пѣсня: скропляй, маты, діты... Когда выйдутъ за ворота, то останавливаются предъ воротами и пьютъ водку и затѣмъ поютъ:

Загортай, мати, жаръ-жаръ,
Коли тобі дочки жаль-жаль;
Загортай, кидай, дрова,—
Бувай, мати, здорова.

---

[1]) Родители дружекъ обыкновенно не присутствуютъ на свадьбѣ. Ихъ нарочито приглашаютъ послѣ того, какъ дружки уйдутъ домой.

«Килимокъ»—коверъ, сотканный изъ шерсти, цвѣтной съ узорами, гдѣ какой мѣстные ткачи умѣютъ дѣлать. «Верета» радно, сотканное изъ пеньки покрывало на кровати, тоже цвѣтное, съ полосками и дорожками, на сколько искусенъ ткачъ.

Дорогой, когда уже «ведутъ невѣсту», поютъ слѣдующую пѣсню:

Вже неньці надокучило,
Кватирочку вичиначи.
Кватирочку вичиначи,
Нивісточки вигладяючи.
Кватирочка зелененькая,—
Нивісточка молоденькая.

Вичини, мати, скриню:
Ведемъ тобі господиню,
Въ поле робітницю,
До хати попритницю
До комори ключницю.

XII. Новобрачные въ домѣ жениха.

Въ домѣ жениха обыкновенно застеливаютъ полотномъ отъ порога до стола (а иные застеливаютъ отъ воротъ до порога и далѣе до стола, — все это какъ знакъ выраженія богатства). Новобрачныхъ хозяйка дома встрѣчаетъ съ хлѣбомъ и солью и въ кожухѣ, надѣтомъ шерстью наружу. Войдя въ комнату, новобрачные сразу садятся за столъ, и имъ даютъ ѣсть обязательно медъ (для выраженія пріятной «сладкой» жизни) и жареную курицу. Когда они попробуютъ и того и другого, то невѣста намазываетъ на хлѣбъ меду и раздаетъ присутствующимъ. Раздаетъ также свои ленты родственницамъ и подругамъ.

XIII. Завязываніе платка.

Послѣ того слѣдуетъ надѣваніе платка на голову молодой такъ, какъ вообще носятъ платки замужнія женщины. По срединѣ комнаты ставятъ табуретъ, на него садится молодой, а ему на колѣни садится его новая молодая жена. Ей подаютъ чепчикъ, но она не принимаетъ его, а бросаетъ назадъ себя чрезъ голову. Такъ дѣлается три раза (этимъ она выражаетъ не желаніе разставаться со своей дѣвичьей свободой). За четвертымъ разомъ чепчикъ надѣваютъ ей на голову, а сверху платокъ, тотъ самый, который невѣста воткнула за поясъ своему жениху еще въ субботу, и онъ все время съ нимъ не разставался. Новобрачнымъ тогда припѣваютъ:

Съ тіста, съ тіста паляниця,—
Теперь (имя невѣсты) молодиця;

Съ тіста, съ тіста обаринокъ,—
Вже (имя молодого) ни паробокъ.

Молодая продолжаетъ танцовать уже въ платкѣ.

XIV. «Перепываніе».

Спустя немного, невѣста надѣваетъ на голову шапку жениха и садится по срединѣ комнаты.

Родственники ея и жениха «перепиваютъ» ей различные подарки, т. е. пьютъ водку и подносятъ ей: полотно, пряжу, «простырадла» (простыни), «килимкы», «вереты», или кто-либо обѣщаетъ ей дать курей, гусей, овцу или корову и т. п.

XV. «Вывидъ».

Подъ вечеръ молодую ведутъ къ священнику до «выводу». Поверхъ платка на голову ея надѣваютъ «рантухъ», обвязанный широкой лентой, и накладываютъ вѣнокъ. Невѣсту сопровождаетъ старшій дружба. Они идутъ рядомъ, держась за концы платка («дружба веде молоду»). Идутъ вмѣстѣ съ ними свахи и свадебный староста, который несетъ священнику въ даръ бутылку водки и хлѣбъ, а сваха—живую курицу. Священникъ читаетъ надъ невѣстой молитву «на снятіе вѣнцовъ»—это по крестьян-

скому выраженію и называется «прочитаты вывидъ». Когда идуть «до выводу»,— свахи поють:

До виводу йдемо,
Молоду видемо,
Молода—
Якъ ягода
Червона, якъ калина,
Солотка, якъ малина.

Послѣ «вывода» невѣста возвращается въ домъ жениха тѣмъ-же порядкомъ.

XVI. «Пропій и Пропійчаны».

Въ понедѣльникъ вечеромъ или ночью отецъ и мать невѣсты и вся родня съ музыкой идуть «на пропій» въ домъ (жениха) своего новаго зятя. Ихъ угощають ужиномъ, и веселье продолжается всю ночь. Только на слѣдующій день (во вторникъ) утромъ родители и родственники невѣсты—они называются на этотъ разъ «пропійчаны»—возвращаются къ себѣ домой, опять съ своей музыкой.

XVII. Продолженіе свадьбы въ корчмѣ.

Во вторникъ около полудня или вечеромъ вся свадьба переносится въ корчму, и здѣсь далеко за полночь продолжаются танцы и веселье. Изъ дома жениха отправляются всѣ свадебные, какъ слѣдуетъ, въ полномъ составѣ и порядкѣ. Изъ дома-же невѣсты ея родители и родные отправляются съ какимъ-нибудь «паробкомъ» (парнемъ), перерядившимся въ невѣсту. Его одѣвають въ женское платье, на голову накладывають вѣнокъ, сдѣланный изъ крапивы и разнаго бурьяну и т. п. Въ корчмѣ два свадебныхъ кортежа пока не смѣшиваются, а веселятся отдѣльно другъ отъ друга. Обыкновенно гости новобрачныхъ смѣются съ тѣхъ, которые имѣють мнимую, переряженную невѣсту, и хвалять красоту и достоинства своей молодой. Спустя нѣкоторое время оба свадебныхъ общества соединяются вмѣстѣ, но расходятся опять порознь: тѣ, которые пришли съ новобрачными, уходять съ ними-же, а которые пришли изъ дома невѣсты съ ея родителями, тѣ уходять съ ними.

Конецъ свадьбы.

Въ среду утромъ заканчивается свадьба. Музыкантовъ отправляють домой и дають имъ «пидошву коровая», т. е. нижнюю корку. Хотя музыки нѣтъ, но въ среду какъ у родителей жениха, такъ и у родителей невѣсты веселье продолжается. Почти всѣ родственники присутствують, собираются сосѣди, хозяинъ предлагаетъ водки, но большею частью гости считають своимъ приличнымъ долгомъ въ складчину принести самимъ водки. Такъ продолжается почти весь день, смотря по состоянію хозяевъ.

«Гостыны».

Въ четвергъ родители и ближайшіе родственники жениха, а также и новобрачная чета отправляются въ «гостыны» къ родителямъ молодой,—это какъ-бы отдается визитъ за «пропій». Здѣсь гостять въ теченіи всего дня. Если-же зять принимается въ домъ своей жены, то онъ уже остается здѣсь и не уходить обратно. Въ противномъ случаѣ новобрачная чета вмѣстѣ съ другими возвращаются вечеромъ назадъ.

Весь свадебный ритуалъ этотъ выполняется безъ опущеній и въ томъ случаѣ, если женихъ изъ другого (сосѣдняго) ближайшаго села.

Свадебный староста.

Свадебный староста является какъ-бы замѣстителемъ отца («батька») жениха и отца невѣсты. Онъ смотритъ за порядкомъ, приглашаетъ и угощаетъ молодежь, а главное,

наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы весь свадебный процессъ былъ выполненъ въ точности и чтобы главныя дѣйствія свадебнаго ритуала совершены были въ пору и во время.

Свахи.

Свахъ бываетъ по три съ каждой стороны—со стороны жениха и невѣсты. Въ теченіи всей свадьбы онѣ носятъ на головѣ воткнутый за повязку платка букетъ изъ барвенку. вызолоченный «позлиткой», какъ отличительный ихъ знакъ. Роль свахъ заключается, такъ сказать, въ хозяйственной части, кромѣ того на обязаности свахъ жениха лежитъ пѣть свадебныя пѣсни, тогда какъ у невѣсты пѣсни поютъ ея «дружки» и подруги. Вообще надо сказать, что свахи жениха играютъ болѣе важную роль, чѣмъ невѣсты.

Каждый, кто идетъ на свадьбу по приглашенію, долженъ съ собой обязательно принести, въ качествѣ дара хозяевамъ, что-нибудь изъ съѣстныхъ продуктовъ. Обыкновенно каждый домохозяинъ приноситъ хлѣбъ, а хозяйки — или миску муки, или хлѣбъ, или творогу, или масла, или что-нибудь другое. Молодежь-же, идущая безъ приглашенія повеселиться (въ субботу вечеромъ, въ воскресеніе), ничего съ собою не приноситъ, но зато всѣ пришедшіе безъ приглашеній носятъ названіе «челяди», а не гостей.

Такая продолжительная свадьба весьма обременительная для крестьянъ. Крестьяне это отлично сами сознаютъ, но все таки подчинялись разъ заведенному обычаю. Только недавно, лѣтъ пять тому назадъ, крестьяне на волостномъ сходѣ постановили, чтобы свадьба заканчивалась непремѣнно въ понедѣльникъ и наблюдать за этимъ поручено сельскимъ властямъ. Въ виду этого свадебный ритуалъ теперь сокращается, сжимается, кой-какіе обычаи опускаются, такъ—чтобы всю свадьбу вмѣстить въ предѣлахъ трехъ дней, а не пяти, какъ по давнему. Суббота осталась по прежнему, безъ измѣненій количества и содержанія свадебныхъ обрядовъ. Въ воскресеніе женихъ послѣ вѣнчанія не идетъ къ себѣ домой, а отправляется вмѣстѣ съ невѣстой въ ея домъ. Здѣсь уже производится «посагъ», раздача «короваи», «скупленіе дружекъ», а вечеромъ того-же дня невѣсту уводятъ въ домъ жениха и уже у него производится его «посагъ» и «раздача короваи», «завязываніе платка невѣстѣ» и пр. Въ воскресеніе-же вечеромъ идутъ на «пропій», «пропійчаны». Въ понедѣльникъ «ведутъ молоду до выводу», причемъ дружба не ведетъ молоду за платокъ, какъ прежде (обычай этотъ уничтоженъ по требованію мѣстнаго священника). Послѣ «выводу» свадьба прекращается, музыканты отправляются домой, гости расходятся, остаются развѣ самые ближайшіе родственники. Но въ четвергъ «гостыны» по прежнему бываютъ.

Рыбскій Θеофанъ.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и Библіографія.

О границѣ Русскихъ и Словаковъ въ Угорщинѣ. Slovenské Pohľady. Ročník XV, №№ 8 и 9, 1895 года.

Въ № 6 1895 года вышеназваннаго словенскаго журнала редакторъ его г. Шкультети высказалъ мнѣніе, что Словаки по вѣроисповѣданію не только католики и протестанты, но и уніаты, причемъ сослался на И. И. Срезневскаго, который въ своей рецензіи Narodopis'a Шафарика заявилъ, что уніаты Пряшевской епархіи называются Русскими лишь вслѣдствіе своей религіи, будучи по языку Словаками.

Мнѣніе г. Шкультети вызвало замѣчанія жителя и, повидимому, знатока Спиша, г. Мишика. Хотя они помѣщены въ журналѣ подъ названіемъ: «Какой вѣры Словаки?», но вопросъ о вѣроисповѣданіи сводится въ нихъ къ вопросу о народности, къ вопросу о томъ, гдѣ кончается народность русская и начинается словенская.

Г. Мишикъ говоритъ объ угорскихъ уніатахъ слѣдующее:

Разница между Русскими и Словаками въ Спишѣ, несмотря на то, что Русскіе здѣсь сильно ословенились, вполнѣ ясна: 1) ни одинъ спишскій Русскій не выдаетъ себя за Словака, но всегда называетъ себя Руснакомъ; Руснакомъ же его считаетъ каждый Словакъ; исключеніе представляютъ лишь жители Вернара и Тельгарта, которые уже ословенились и въ языкѣ которыхъ совершенно отсутствуютъ русскія слова и формы; 2) пѣсни спишскихъ Русскихъ, ихъ постройки, женскія одежды и т. п. свидѣтельствуютъ о томъ, что они Русскіе, а не Словаки; 3) рѣчь спишскихъ Русскихъ сильно ословенилась, но все еще не утратила русскихъ словъ и формъ (послѣднія указаны проф. Пастрнекомъ въ образцахъ изъ Липника, Торискъ, Завадки и Порача) [1].

Въ Шаришѣ и Земплинѣ Русскіе менѣе ословенены, чѣмъ въ Спишѣ, и за Словаковъ ихъ никто не считаетъ.

Г. Шкультети въ свою очередь сдѣлалъ замѣчанія на заявленіе г. Мишика. Онъ не соглашается съ послѣднимъ. Если бы, говоритъ онъ, всѣ уніаты были Русскіе, было бы не трудно отличить Русскихъ отъ Словаковъ; но вопросъ о народности въ данномъ случаѣ всѣми признается за трудный для рѣшенія. Очевидно, существуютъ уніаты Словаки. И въ Спишѣ, и особенно въ Шаришѣ (между прочимъ въ Маковицкомъ округѣ)

---

[1]) Г. Мишекъ ссылается на грамоту польскаго короля Сигизмунда III 1590 года, какъ на доказательство того, что спишскіе Русскіе въ XVI вѣкѣ считались Русскими; но эта грамота не подтверждаетъ ссылки. Она говоритъ о Русскихъ п р о х о д я щ и х ъ со своими стадами черезъ земли жителей Любицы и при этомъ пользующихся пастбищами послѣднихъ. Рѣчь, очевидно, идетъ о Лемкахъ, которые въ XVI вѣкѣ еще вели полукочевой образъ жизни.

много такихъ общинъ, которыя еще во время Маріи Терезіи были протестантскими и которыя, будучи принуждены оставить протестантизмъ, перешли въ православіе [1]). Желательно знать, какъ эти бывшіе протестанты называютъ сами себя и какъ ихъ называютъ католическіе и протестантскіе сосѣди. Если они извѣстны подъ именемъ Русскихъ или Руснаковъ, ссылка на названіе лишена значенія. Желательно знать, одни ли уніаты Спиша имѣютъ въ своемъ говорѣ руссизмы, или послѣдніе имѣются также въ говорѣ ихъ сосѣдей католиковъ.

Г. Мишикъ отвѣтилъ на это новыми замѣчаніями.

Изъ того, что вопросъ о границѣ Русскихъ и Словаковъ въ Угорщинѣ считается труднымъ, слѣдуетъ лишь одно: Русскіе тамъ, гдѣ живутъ разбросанно среди Словаковъ,—въ Спишѣ, Шаришѣ, Абауйварѣ, Земплинѣ, Унгварѣ и частію въ Гемерѣ, настолько ассимилировались съ своими сосѣдями, что во многихъ мѣстахъ трудно отличить Русскаго отъ Словака. Словаки называютъ Русскихъ Руснаками не потому, что послѣдніе уніаты (народъ по большей части даже не знаетъ, кто какой вѣры), а потому, что они сами себя называютъ Руснаками и имѣютъ въ своемъ говорѣ, сильно ословенившемся, такія слова и выраженія, которыя ясно указываютъ на ихъ русское происхожденіе. Рѣчь Русскихъ Спиша настолько разнится отъ рѣчи ихъ сосѣдей Словаковъ и Поляковъ, что узнать Русскаго легко. Нельзя сомнѣваться, что между уніатами имѣются Словаки, но число ихъ трудно опредѣлить. Оно во всякомъ случаѣ не можетъ быть велико, какъ потому, что трудно встрѣтить уніата, который бы называлъ себя Словакомъ, такъ и потому, что Словаки-уніаты говорятъ сильно ословенившимся говоромъ уніатовъ-Русскихъ.

Г. М. предлагаетъ считать Русскими и Словаками тѣхъ, которые себя этими именами называютъ.

Мы изложили содержаніе статей словенскаго журнала.

Они бѣдны данными. Главное, что окрашиваетъ народность, ея рѣчь, въ нихъ опредѣляется лишь общими фразами. Говоръ уніатовъ, составляющихъ предметъ спора, называется сильно ословенившимся, имѣющимъ руссизмы, и только. Если онъ—словенскій съ руссизмами, то говорящіе имъ, конечно,—Словаки; если онъ русскій съ словенизмами, то говорящіе имъ—Русскіе. Разница между малорусскимъ нарѣчіемъ (съ *і* вмѣсто *е* и *о*, съ полногласіемъ, съ *ж* и *ч* изъ *д* и *т*) съ одной стороны и словенскимъ съ другой такъ велика, что споръ о принадлежности говора къ тому или другому нарѣчію возможенъ лишь тогда, когда говоръ представляетъ пеструю смѣсь, мало поддающуюся опредѣленію. Сверхъ того, руссизмы руссизмамъ рознь: если они—названія культурныхъ предметовъ (растеній, посуды, одежды и т. п.), они не имѣютъ для этнографа никакой цѣны, указывая лишь на общеніе употребляющихъ ихъ или ихъ предковъ съ Русскими; если же они—обычныя слова рѣчи (съ значеніями говорить, видѣть, ѣсть и т. п.), то они могутъ указывать на происхожденіе употребляющихъ ихъ отъ предковъ Русскихъ.

Г. Мишикъ напираетъ, что спорные уніаты называютъ себя Русскими, и потому настаиваетсъ на признаніи ихъ Русскими. Но онъ самъ разсказываетъ о Полякахъ Спиша, говорящихъ по-польски, но именующихъ себя Словаками. Мы можемъ указать на Русскихъ католиковъ въ Бѣлоруссіи, говорящихъ по-русски, но называющихъ себя Поляками. Очевидно, названіе не имѣетъ значенія и не дѣлаетъ Русскихъ Словаками и наоборотъ.

Итакъ, вопросъ о границѣ Русскихъ и Словаковъ въ Угорщинѣ по прежнему остается вопросомъ и ждетъ изслѣдователя, который бы имъ серьезно заинтересовался и который бы собралъ данныя, могущія привести къ его рѣшенію.

А. Соболевскій.

---

[1]) Г. Шк. ссылается на «Этнографію мадьярскаго государства» Гунфальви.

Ежегодникъ Тобольскаго Губернскаго Музея. Выпускъ I. Тобольскъ. 1893.

Тобольскій Губернскій Музей первый изъ всѣхъ музеевъ какъ Европейской Россіи, такъ и Сибири выступилъ со своимъ изданіемъ, задачу котораго редакція опредѣляетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Наше изданіе имѣетъ широкую, чуть не энциклопедическую программу. Обширность и многосложность нашей программы обусловлена: 1) самымъ дѣленіемъ нашего Музея на отдѣлы: а) естественно-историческій, б) этнографическій, в) археологическій, г) промышленный и д) обще-образовательный и 2) задачами Комитета по всестороннему изученію края. Наше изданіе не будетъ, поэтому, на первыхъ порахъ носить характера спеціально- и строго-научнаго по вопросамъ, указаннымъ въ программѣ, а будетъ представлять собою скорѣе собраніе матеріаловъ по этимъ вопросамъ, стремясь стать ихъ сводомъ съ дальнѣйшей цѣлью систематической ихъ обработки».

Въ первомъ выпускѣ новаго изданія помѣщены слѣдующія статьи:

1) И. В. Гурскій. Поѣздка на Сѣверный Уралъ. Не представляющій особеннаго научнаго интереса дневникъ одного изъ участниковъ экспедиціи 1892 г., снаряженной на Сѣверный Уралъ для изслѣдованія мѣдной руды.

2) К. Газенвинкель. Матеріалы для справочно-біографическаго словаря сибирскихъ дѣятелей. Здѣсь находимъ свѣдѣнія о представителяхъ родовъ князей Шаховскихъ, Щербатовыхъ и Мосальскихъ, дѣйствовавшихъ въ XVI—XVII вв. въ Сибири на служебномъ поприщѣ, между прочимъ объ извѣстномъ писателѣ XVII в. кн. Семенѣ Ивановичѣ Шаховскомъ.

3) Н. И Палопеженцевъ. Народное образованіе въ г. Ялуторовскѣ и Ялуторовскомъ округѣ Тобольской губерніи (Историко-статистическій очеркъ). Пока передъ нами только начало первой части, заключающей въ себѣ исторію ялуторовскихъ школъ.

4) А. А. Терновскій. Матеріалы для библіографіи Сибири. Указатель статей и главнѣйшихъ замѣтокъ, касающихся Сибири и помѣщенныхъ въ сибирскихъ періодическихъ изданіяхъ 1892 года.

Сверхъ того въ вышедшей книжкѣ находимъ отчетъ о занятіяхъ Музея и о дѣйствіяхъ экспедиціи, отправившейся въ 1893 г. въ Тобольскую губернію для борьбы съ кобылкой.

Въ заключеніе остается пожелать, чтобы Ежегодникъ Тобольскаго Губернскаго Музея не остался одинокимъ.

Н. Т.

Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи. Составилъ Н. И. Теодоровичъ. Т. III. Уѣзды Кременецкій и Заславскій. Почаевъ. 1893. 8°, стр. 687 + IX.

Это изданіе можетъ быть интересно и для этнографа. Описаніе вообще составлено очень тщательно; о каждомъ населенномъ мѣстѣ даны краткія свѣдѣнія и торическія, статистическія, справочнаго характера, указаны достопримѣчательности, старопечатныя книги въ церквахъ и т. д. Города и мѣстечки описаны, конечно, подробно. При описаніи м. Рахманова сообщено мѣстное преданіе о томъ, «что далеко. за синими морями, живутъ благочестивые и богобоязненные люди, именуемые за свое благочестіе рахманами,—они соблюдаютъ строжайшій постъ и разрѣшаютъ для себя употребленіе мяса только однажды въ годъ—именно—въ т. назыв. «Рахманьскій великдень», который приходится послѣ проводъ, въ понедѣльникъ Ѳоминой недѣли. Въ этотъ день простой народъ собирается на берегу рѣки или става и бросаетъ въ воду скорлупу съ освященныхъ крашенныхъ пасхальныхъ яицъ,—въ томъ предположеніи, что эта скорлупа, доплывши до далекаго мѣста Рахманя, даетъ знать жителямъ его о томъ, что уже наступило время праздновать сей праздникъ—в е л и к д е н ь» (стр.

369). Вообще, любопытенъ цѣлый рядъ мѣстныхъ названій. При описаніи с. Рожичны сообщено довольно много этнографическихъ данныхъ о повѣрьяхъ, представленіяхъ и обычаяхъ народа той мѣстности, приведено 250 пословицъ и поговорокъ. Источникомъ такихъ сообщеній, приведеніе которыхъ въ бо́льшемъ количествѣ весьма желательно, служатъ такъ называемыя «церковныя лѣтописи», заведенныя при каждомъ приходѣ по инициативѣ архіепископа Модеста. Копіи всѣхъ этихъ «лѣтописей» сосредоточены въ г. Житомирѣ при церковно-археологическомъ музеѣ.

Арк. Л—нко.

Ecole pratique des Hautes Etudes, section des sciences religieuses. La survivance de l'âme et l'idée de justice chez les peuples non civilisés par Z. Marillier. Paris 1894.

Вѣра въ безсмертіе души имѣетъ свое происхожденіе въ необходимости справедливости, идея которой присуща человѣческой природѣ, и въ томъ свойствѣ человѣка, по которому однѣ дѣйствія дозволены, другія запрещены. Критику этого распространеннаго мнѣнія представляетъ брошюра Marillier. Утверждая, что идея загробной жизни вовсе не есть продуктъ нравственныхъ понятій, Marillier, суммируя разбросанныя тамъ и сямъ мнѣнія дикарей о безсмертіи, дѣлаетъ изъ нихъ слѣдующіе выводы: 1) загробная жизнь есть продолженіе настоящей; она одинакова для всѣхъ; 2) если въ понятіяхъ дикарей есть адъ и рай, худшая и лучшая жизнь, то «счастье или несчастье другой жизни опредѣляется вовсе не цѣнностью нашихъ поступковъ въ этой жизни, а случаемъ, произвольной фантазіей боговъ, положеніемъ, родомъ смерти»; 3) если что-либо и вліяетъ въ этой жизни на будущую участь, такъ это соблюденіе извѣстнаго ритуала; 4) если есть, наконецъ, опредѣленное понятіе о наградахъ и наказаніяхъ въ той жизни, то оно является слѣдствіемъ сношенія съ христіанскими народами. Такимъ образомъ, по мнѣнію Marillier, вѣра въ загробную жизнь есть скорѣе понятіе чисто метафизическое.

П. Ш.

ОТДѢЛЪ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отвѣтъ на вопросъ, предложенный г. Ш. въ IV отд. „Живой Старины" IV вып. 1893 г.

«Юродство Христа ради» въ здѣшней мѣстности распространено довольно широко: нѣтъ, или почти нѣтъ сравнительно большаго села, въ которомъ не было бы юродиваго, а то и по нѣскольку, съ тою лишь разницею, что одни изъ нихъ юродствуютъ въ своемъ селѣ, другіе же подвизаются далеко по окрестности, посѣщая и крестьянъ, и духовенство, и помѣщиковъ, и становыхъ, пріемлющихъ, такъ сказать, юродство. Юродство характеризуется внѣшними и внутренними, плотскими и нравственными особенностями, приноравляемыми къ мѣстному требованію отъ лицъ не отъ міра сего, такъ какъ врожденное юродство въ понятіяхъ ограниченно, то принявшіе таковое люди себѣ на умѣ: изворотливы, пройдохи. Юродивый ходитъ въ длинной рубахѣ, безъ верхней одежды даже зимой и много-много, если надѣваетъ родъ подрясника—балахонъ, обуви не носитъ, ѣстъ что и гдѣ попало, не брезгуетъ кускомъ изъ лахани, старается говорить туманно, часто повторяясь и рисуются, для чего раскладываютъ, подобно дѣтямъ, на дорогѣ клѣточки, выкидываютъ и другія штуки, внезапно прерывая и уходя на рысяхъ; не отвергаютъ подносимое вино, не отказываются служить потѣхою для другихъ. Нѣкоторые изъ нихъ собираютъ на украшеніе храмовъ, заводятъ часовни и не гласные скиты, сожительствуя въ послѣднихъ съ матушками изъ купечества, почиваютъ въ домовинахъ (гробахъ). Замѣчательно то обстоятельство, что юродствуютъ болѣе мужчины, нежели женщины и что народъ смотритъ на нѣкоторыя дѣянія юродивыхъ сласто славо-любиваго и эротическаго свойства весьма снисходительно: «блаженному (юродивому тожъ) все проща (областное=прощается)!» и значеніе юродства хотя бы и напускнаго отъ того не умаляется.

По понятію крестьянства юродству подвергаются и люди, углубляющіеся въ чтеніе священныхъ книгъ, библіи напримѣръ,—зачитываются; юродивые - де не чувствуютъ ни холода, ни голода, покуда ихъ не научатъ браниться не цензурными словами.

Ив. Мамакинъ.

Вашт. Гор. Починокъ Нижег. губ.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Заговоръ (Архангельск. губерніи, Шенкурскаго уѣзда, село Кургомень), когда скотина перестаетъ ѣсть кормъ.

Сначала нужно дать скотинѣ кусокъ хлѣба съ тремя вшами, а потомъ говорить:

Какъ рабъ Божій (свое имя) не можетъ жить безъ хлѣба—безъ соли, безъ вздыхапья, также бы рабъ Божій (или рабица Вожія, если животное женскаго пола) чернѣйко [1]) (или вообще названіе животнаго по шерсти пестрѣйко или чернуха и проч.) не могъ бы жить безъ питья и безъ корму, ни часу часовать, ни минуты миновать, какъ вошь жретъ безъ стыду и безъ сраму, такъ рабъ Божій чернѣюшко пилъ бы и ѣлъ (говорить три раза).

Въ заключеніе сказать:

Дай, Господи, на легко, на здравіе, кости,—жилы—суставы на старый ладъ, на старое мѣсто. Тѣмъ словамъ ключъ и замокъ. Аминь.

Заговоръ противъ разныхъ неясныхъ болѣзненныхъ признаковъ, которые называются прикосами (тоже у скотины).

Сначала очертить сукъ на стѣнѣ заслюненнымъ перстомъ, потомъ говорить: «какъ на стѣнкѣ сучекъ не отростаетъ, не разцвѣтаетъ, такъ бы у раба Божья чернѣюшка [2]) притчи, прикосы не отростали, не разцвѣтали, а сохли бы подсыхали. Вѣкъ по вѣку, отнынѣ до вѣку.

Вынеси, Господи, притчи-прикосы изъ всякаго мѣста: изъ рукъ, изъ ногъ, изъ бѣлаго лица, изъ ясныхъ очей, изъ черныхъ бровей, изъ каждой кости, изъ каждой жилы, изъ каждаго сустава, изъ каждаго ребра, изъ лёгка, изъ сердца, изъ печени горячей. Тѣмъ словамъ ключъ и замокъ. Аминь [3]).

---

[1]) Скотина черной шерсти.
[2]) Скотина черной шерсти мужск. р.
[3]) Этотъ заговоръ противъ прикосовъ (вѣроятно отъ прикоснуться) у людей.

Заговоръ отъ полуночницы, т. е. такого болѣзненнаго разстройства, при которомъ ребенокъ не спитъ ночью (въ банѣ).

Ночная, полуночная, полуночная бабка, полуденная тетка, Ироду сестра, не тѣшься надъ младенцемъ (имя), тѣшься надъ пруточками, тѣшься надъ листочками! Вотъ тебѣ пруточки, вотъ тебѣ листочки! [1]) (три раза).

Потомъ ребенка вымыть, бросить въ воду камень и говорить:

«Сколь угомонно станетъ лежать камешокъ, такъ и младенецъ (имя) спалъ бы и лежалъ день и ночь».

Запеленавши ребенка говорить:

«Не я тебя мою-парю, моетъ-паритъ бабушка Соломонида, она тебя моетъ-паритъ, притчи, прикосы, уроки, скорби, болѣзни и грыжи смываетъ».

Въ самомъ концѣ сказать:

«Тѣ слова хоть и не всѣ сполна,—будьте всѣ сполна; хоть и рѣдки, да будьте лѣпки и крѣпки; тѣмъ словамъ ключъ и замокъ. Аминь.

Новгородская легенда объ апостолѣ Андреѣ.

Повѣсть о посѣщеніи Руси апостоломъ Андреемъ, какъ это доказалъ профессоръ Е. Голубинскій—простая легенда, написанная какимъ-нибудь тщеславнымъ русскимъ книжникомъ, который пожелалъ доказать что мы, русскіе. составляемъ народъ въ христіанской церкви далеко не послѣдній, что христіанство на Руси ведетъ свое начало точно также отъ самихъ апостоловъ, какъ и у кого бы то ни было [2]). Повѣсть эта дошла до насъ въ двухъ редакціяхъ — древнѣйшей кіевской, и болѣе поздней — новгородской. Проф. Голубинскій не безъ основанія предполагаетъ, что послѣдняя редакція явилась какъ бы отвѣтомъ на первую. Новгородцы, осмѣянные кіевлянами въ составленной тѣми повѣсти, пожелали, если не отвѣтить тѣмъ-же, то по крайней мѣрѣ показать, что Новгородъ ничуть не хуже Кіева. Апостолъ Андрей посѣтилъ Кіевъ и благословилъ городъ, водрузивъ здѣсь Крестъ, говорили Кіевляне, и Новгородцы въ отвѣтъ на это создали легенду, что ап. Андрей точно также посѣтилъ Новгородъ и въ благословеніе оставилъ свой жезлъ, который «водрузи въ вѣси, нарицаемо Друзиной» [3]). Чѣмъ пользовался составитель этой легенды? Былъ-ли этотъ «жезлъ» его измышленіемъ, или же для внесенія его въ повѣсть были какія-нибудь основанія? Второе представляется болѣе вѣроятнымъ. Какой-то «жезлъ» несомнѣнно существовалъ въ то время въ Новгородской губерніи.

Въ рукописномъ житіи Михаила Салоса, написанномъ по порученію Новгородскаго архіепископа Макарія разсказывается, что ап. Андрей, прошедши отъ Новгорода «поприщъ шестьдесятъ», водрузилъ свой жезлъ, и «оттолѣ мѣсто оно прозвася Грузино». Впослѣдствіи, разсказываетъ авторъ, на этомъ мѣстѣ воздвигнутъ былъ въ честь ап. Андрея храмъ, въ которомъ «безцѣнное и честное оно сокровище—многоцѣлебный святаго жезлъ полагается, о немъ-же многа и неисповѣдима сказуются чудеса, иже и до днесь всѣми видимъ есть, вси-же вѣрніи и благоговѣйніи мужіе притичуще въ храмъ святаго самовидци бываютъ жезлу святаго, и вѣрою и любовію лобызающе касаются, и написанная на немъ зрятъ, сице бо написано есть на жезлѣ святаго: «аще кто дързнетъ изнести жезлъ сей изъ храма анаѳемѣ предается». Мнози-же достовѣрніи и благоговѣйніи мужіе повѣдаютъ, яко многажды храму святаго отъ огня огорѣвшу, жезлу же святаго цѣлу пребывающу молитвами святаго, овогда на воз-

---

[1]) Отъ вѣника.
[2]) Исторія церкви, т. I, ч. I, стр. 2, 15.
[3]) Степ. кн., стр. 7.

дусѣ невидимо держиму, ово-же и на иномъ мѣстѣ водружающуся» [1]). Такимъ образомъ, можно думать, что жезлъ этотъ не былъ исключительно, по крайней мѣрѣ первоначально, достояніемъ села Друзина или-же Грузина и попалъ сюда позже, благодаря тому, что названіе села болѣе объясняло и подтверждало легенду о появленіи жезла.

Но, какъ сказано выше, повѣсть о посѣщеніи ап. Андреемъ Новгорода относится къ довольно позднему времени. Между тѣмъ легенда о жезлѣ существовала у новгородцевъ повидимому довольно рано. Такъ въ Новгородской лѣтописи читаемъ: «...И пріиде епископъ Іоакимъ и требища разори и Перуна посѣче, что въ Великомъ Новѣградѣ стоялъ на Перыни и повелѣ повлещи въ Волховъ; и повязавше ужи, влечаху и по калу, біюще жезліемъ и ѣхающе, и въ то время бяше вшелъ бѣсъ въ Перуна и нача кричати: о горе мнѣ! ахъ! достахся немилостивымъ судіямъ симъ — и вринуша его въ Волховъ. Онъ-же пловяше сквозѣ великій мостъ, верже палицу свою на мостъ, ею-же безумніи убивающеся утѣху творятъ бѣсомъ» [2]). Герберштейнъ, который былъ знакомъ съ русскими лѣтописями, въ своихъ запискахъ передаетъ тоже преданіе съ небольшимъ добавленіемъ. Перунъ, по его словамъ, плывя подъ мостомъ, выбросилъ свою палку, сказавъ: «вотъ вамъ новгородцы на память обо мнѣ» [3]). Перынскій монастырь, о которомъ говоритъ лѣтопись и Герберштейнъ, дѣйствительно существовалъ въ то время въ 4-хъ верстахъ отъ Новгорода и до конца XVIII в., когда обращенъ былъ въ приходскую церковь [4]). Въ 1386 г. онъ былъ сожженъ Новгородцами и жезлъ, быть можетъ, хранившійся здѣсь, какъ трофей, былъ перенесенъ въ село Друзино, «водруженъ на иномъ мѣстѣ», но изъ памятника языческаго сдѣлался предметомъ почитанія для христіанъ.

Слова лѣтописи: «ею-же безумніи убивающеся утѣху творятъ бѣсомъ», позволяютъ намъ видѣть указаніе на секту стригольниковъ-самобичевателей, появившуюся въ Новгородѣ въ концѣ XIV в. и занесенную сюда нѣмецкими крестовыми братьями [5]). Вслѣдствіе этого, можно думать, что въ XIV в. еще жезлъ не былъ приписанъ ап. Андрею и что легенда, говорящая объ этомъ, относится къ болѣе позднему времени. Какъ на переходную ступень, превратившую легенду языческую въ православную, укажемъ на легенду, къ сожалѣнію очень плохо записанную, крестьяниномъ А. Артыновымъ. Въ с. Грузинѣ, на одномъ изъ холмовъ, стоялъ теремъ Новгородскаго князя Перея-Тучи, у котораго сынъ былъ опасно боленъ; кто-то сказалъ отцу, что онъ излѣчится только кровью и водой: вслѣдствіе этого находившіеся тутъ жрецы убивали всѣхъ странныхъ, плывущихъ рѣкой Волховымъ и кровью ихъ мазали больнаго, кровь потомъ смывали водой р. Волхова; въ числѣ странныхъ взятъ былъ и св. апостолъ Андрей Первозванный, ѣхавшій по р. Волхову въ Ладожское озеро. Когда привели апостола къ Пирею, то болящій сказалъ, что этотъ странній исцѣлитъ его отъ болѣзни. Такъ и сбылось. Апостолъ однимъ словомъ исцѣлялъ болящаго отъ болѣзни, крестилъ въ христіанскую вѣру и пріобщилъ тѣломъ и кровью Искупителя весь домъ князя Перея-Тучи». Въ этой легендѣ кн. Перей-Туча, или тотъ-же Перунъ уже ставится въ столкновеніе съ апостоломъ Андреемъ, при чемъ послѣдній одерживаетъ верхъ надъ первымъ [6]).

В. Боцяновскій.

---

[1]) Голубинскій. Исторія церкви, т. I, ч. I, стр. 11.
[2]) Полн. Собр. Лѣт., т. III, стр. 207.
[3]) Записки о Московіи. Пер. И. Анонимова. Спб. 1866, стр. 114.
[4]) Е. Замысловскій. Герберштейнъ и его записки. Спб. 1884, стр. 442. В. В. Зверинскій. Матеріалъ для историко-топографическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ въ россійской имперіи. Спб. 1890, т. I, № 351, стр. 200.
[5]) Труды 2 арх. съѣзда, вып. II, стр. 38.
[6]) Воспоминанія крестьянина с. Угодичъ А. Артынова. Съ предисловіемъ А. А. Титова. М. 1882, стр. 52.

Стран.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

1. О границѣ Русскихъ и Словаковъ въ Угорщинѣ. *А. Соболевскаго* . . . . 235—236
2. Ежегодникъ Тобольскаго Губернскаго Музея. *Н. Т.* . 237
3. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи. *Арк. Л-нка.* . . . . 237—238
4. Marillier La survivance de l'âme et l'idée de justice chez les peuples non civilisés. Paris. 1894. . . . 238

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

1. Отвѣтъ на вопросъ, предложенный г. Ш. въ IV отд. «Живой Старины» IV вып. 1893 г. *Ив. Маманина.* 239

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

1. Заговоры Архангельской губерніи, Шенкурскаго уѣзда села Кургомень . . . . 240—241
2. Новгородская легенда объ апостолѣ Андреѣ. *В. Боцяновскаго* . . . . 241—242
Объявленія . . . . 1— 4

Цѣна 1 р. 50 к.

б-4.